

VE
RI
TAS

Призраки.

Романъ.

О. Козельскій.

Призраки.

Романъ.

О. Козельскій.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Таня прошла было мимо скамейки, на которой сидѣлъ Кульневъ, но потомъ круто повернулась и быстро подошла къ нему. Краска ударила ей въ лицо и съ рѣзкостью, которой она сама не ожидала, она проговорила:

— Прекрасно! Очень, очень съ вашей стороны мило и деликатно. Это у васъ, вѣроятно, принято не кланяться тѣмъ, кого вы знаете?—Кульневъ оторвался отъ книги, которую читалъ и въ замѣшательствѣ поднялся. Совершенно не понимая, какимъ образомъ эта дѣвушка можетъ быть ему знакома, онъ чувствовалъ, тѣмъ не менѣе, что онъ передъ ней виноватъ.

— Простите, но я, право, не хотѣлъ васъ обидѣть. Я забылъ, совсѣмъ забылъ, гдѣ я съ вами встрѣчался. Помиримтесь,—промолвилъ онъ, дружески протягивая ей руку.

— Ха-ха-ха, помиримтесь,—съ дрожью въ голосѣ повторила Таня, пряча свою руку и досадуя уже на себя за то, что она подошла и заговорила съ Кульневымъ. И она продолжала тѣмъ капризнымъ тономъ, къ которому прибѣгаютъ обыкновенно очень молоденькія дѣвушки, когда онѣ въ точности не знаютъ, чего онѣ собственно хотятъ:

— Но вы, пожалуйста, не подумайте, что я навязываюсь на знакомство съ вами. Совершенно нѣтъ. Мнѣ рѣшительно до васъ все равно, меня только удивляетъ, что вы, зная обо мнѣ, такъ упрямо, такъ дерзко отворачиваетесь, когда я прохожу мимо.

— Я виноватъ. Простите мою разсѣянность. Я не могъ

вспомнить, но теперь увѣренъ, что мы гдѣ-то встрѣчались,— промолвилъ Кульневъ, чувствуя себя чуть не преступникомъ, но въ то же время не зная, точно ли она нѣсколько разъ проходила мимо него, а онъ ей не кланялся. Однако слова молодого человѣка нисколько не успокоили дѣвушку.

— Я думаю, очень трудно и даже невозможно вспомнить, гдѣ мы встрѣчались, потому что мы нигдѣ не встрѣчались,—съ сердцемъ проговорила она, поведя на него своими огромными, голубыми глазами, принявшими теперь зеленоватый оттѣнокъ.

— Какъ не встрѣчались? Вѣдь вы сами сейчасъ сказали?—но Таня тотчасъ перебила его:

— Ничего подобнаго. Но дядюшка-то вашъ, Петръ Карповичъ, развѣ онъ вамъ ничего не говорилъ обо мнѣ?— Кульневъ безнадежно развелъ руками, и глаза его быстро заморгали. Но это истощило все терпѣніе Тани. Чтобы Петръ Карповичъ, милый, добрый старикъ, съ которымъ она вотъ уже больше мѣсяца, чуть не изо дня въ день, встрѣчалась въ этомъ паркѣ и подолгу разговаривала, чтобы онъ не говорилъ своему племяннику о ней—этого она не допускала. Но въ такомъ случаѣ онъ не слушалъ, что о ней говорятъ, не интересовался ею, Таней Одинцовой, красавицей, которой въ глаза всѣ говорятъ, что она красавица? Возможно ли это? Возможно ли не замѣчать ее, не желать знать ее? Таня злобно взглянула на своего собесѣдника и, не говоря больше ни слова, повернулась и пошла прочь. Но въ то же мгновеніе Николаю Николаевичу Кульневу пришли на память разсказы его дядюшки объ этой дѣвушкѣ, которые онъ пропускалъ какъ-то мимо ушей, вспомнилъ онъ ея имя и похвалы, которыми осыпалъ ее старикъ.

— Татьяна Павловна! Постойте, остановитесь, я.... я дѣйствительно все перепуталъ,—закричалъ онъ, наклоняясь къ землѣ, чтобы поднять выпавшую изъ рукъ книгу. Таня обернулась, но, замѣтивъ, что онъ не смотритъ на нее, пере-

дернула съ досадой плечами и быстро пошла навстрѣчу шедшимъ ей по дорожкѣ двумъ офицерамъ.

— Тра-та-та, тра-та-та, та-та.—запѣли тѣ мотивъ „встрѣчи", становясь по обѣ стороны дорожки и готовясь отдать честь Танѣ. Одинъ изъ этихъ офицеровъ былъ братъ Тани, только что пріѣхавшій изъ лагерей провѣдать мать, сестру и жившую съ ними жену свою, Георгій Павловичъ, или, какъ всѣ его звали въ домѣ—Жоржъ, поручикъ армейскаго кавалерійскаго полка, другой — товарищъ его по училищу и полку, Семенъ Ѳедоровичъ Кравцовъ.

— Здравствуй, Таня! Здравствуйте, Татьяна, Павловна! Мазурку, мазурку,—закричали въ одинъ голосъ оба офицера, хватая Таню за руки и желая пройти съ ней до дома ея любимымъ танцемъ. Но они тотчасъ замолкли, какъ только взглянули въ глаза Танѣ и прочли въ нихъ знакомое имъ выраженіе, когда ее лучше было оставить въ покоѣ.

— Только и умѣете, что тра-та-та, да танцовать мазурку. Охъ, до чего надоѣли мнѣ ваши казарменныя пошлости,— съ гримасой обращаясь къ Кравцову и беря подъ руку брата, промолвила Таня.

— Что это ты какая немилостивая сегодня? Не успѣли мы пріѣхать, а ты принимаешься уже отчитывать насъ,— вымолвилъ тотъ.

— Напрасно, значитъ, и пріѣзжали. Ну, ты, понятно, хочешь провѣдать жену, мать.... А вы то чего? Что вамъ весело здѣсь, интересно, да?—прямо обратилась Таня къ Кравцову. Тотъ молчалъ.

— Отвѣчайте же! Что вы, для моей maman, что ли, ѣздите? Или это для васъ просто partie de plaisir?—Кравцовъ вздохнулъ и проговорилъ:

— Да, partie de plaisir.—Таня презрительно усмѣхнулась, и всѣ трое, молча, дошли до большой, расположенной въ отдѣльномъ саду, дачи и поднялись по ступенямъ

лѣстницы на стеклянную террасу. Тамъ, за накрытымъ обѣденнымъ столомъ, была въ сборѣ вся семья Одинцовыхъ.

Хозяйка дома, мать Тани, Любовь Сергѣевна, высокая, худая женщина, лѣтъ пятидесяти, съ некрасивымъ птичьимъ лицомъ, одѣтая по домашнему, сидѣла въ мягкомъ креслѣ, за концомъ стола. По правую руку отъ нея сѣла Таня. Рядомъ съ Таней занимала мѣсто миніатюрная, скорѣй похожая на взрослаго ребенка, чѣмъ на женщину, бѣлокурая, хорошенькая жена Жоржа, Анна Ивановна. Напротивъ нихъ помѣщались, одѣтыя во все черное, двѣ старушки, очень похожія другъ на друга и на Любовь Сергѣевну, старшія сестры ея, Вѣра и Надежда, княжны Запольскія. Рядомъ съ младшей княжной и Анной Ивановной поставлены были приборы для Кравцова и Жоржа. Наконецъ, напротивъ хозяйки дома, за другимъ концомъ стола, сидѣлъ мужъ ея, Павелъ Павловичъ Одинцовъ, тщательно одѣтый, моложавый и представительный мужчина, съ совершенно черными бородой и волосами на головѣ. Ни Жоржъ, ни Таня не были похожи на своихъ родителей, но они не были похожи и другъ на друга, хотя оба были чрезвычайно красивы собой. Но въ то время, какъ лицо Жоржа, несмотря на его молодые годы, изобличало человѣка, которому многое пріѣлось и который отъ многаго усталъ, Таня была въ порѣ своей привлекательной, распускающейся дѣвичьей красоты, была одинъ огонь.

Поднявшись на террасу, офицеры подошли поздороваться и поцѣловать руки у княженъ. Со всѣми остальными, сидѣвшими за столомъ, они уже видѣлись послѣ своего пріѣзда.

— Ah, mes amis! Bonjour, bonjour,—проговорила, цѣлуя въ лобъ Жоржа, а затѣмъ Кравцова, старшая княжна и вслѣдъ за ней повторила тѣ же слова младшая княжна.

— Ну-съ, присаживайтесь, господа! Наливайте водки. Впрочемъ, я всегда забываю, что вы не пьете, Семенъ Ѳедо-

ровичъ. Разсказывайте, что у васъ въ лагеряхъ?—проговорилъ Павелъ Павловичъ, повязывая вокругъ шеи салфетку. Въ то же время, сѣдой, съ бакенбардами, лакей поставилъ на столъ горячій завтракъ. Не успѣли однако пріятели отвѣтить что-нибудь Павлу Павловичу, какъ Анна Ивановна поспѣшила ихъ предупредить. Молодая женщина любила поговорить и втянуть въ свою болтовню всѣхъ присутствующихъ.

— Таня, отчего ты мнѣ никогда не скажешь, что идешь гулять? Я охотно пошла бы всегда съ тобой. Павелъ Павловичъ, скажите своей дочери, чтобы она не забывала своей belle-soeur. Жоржъ, я думаю и тебѣ непріятно, что твоя жена скучаетъ? Наконецъ, ходить одной—едва ли это весело! Не правда ли, Семенъ Ѳедоровичъ?

— А тебѣ кто говорилъ, что Таня одна гуляла? Я издали видѣлъ, какъ она съ какою-то соломенной шляпой разговаривала. Вѣроятно съ этимъ... какъ его, вашего сицилиста-то зовутъ? — пошутилъ было Жоржъ, но Анна Ивановна тотчасъ его перебила:

— Ты говоришь про Громова? Съ чего ты взялъ, что онъ соціалистъ? Это нехорошо обманывать свою жену. Ты знаешь, обманъ всегда бываетъ сперва маленькимъ, а потомъ становится большимъ. Что касается нашего сосѣда Громова, то онъ очень занимательный человѣкъ и очень интересный мужчина. Но въ самомъ дѣлѣ, какъ бы я хотѣла быть знакома съ настоящимъ соціалистомъ,—непритворно вздохнула Анна Ивановна:

— Объ нихъ только и слышишь, что изъ газетъ: тотъ кого-нибудь убилъ, того повѣсили, того куда-нибудь сослали. Впрочемъ, нѣтъ, одинъ разъ я видѣла un vrai соціалистъ, или, какъ они, себя называютъ, трудовика, что ли. Но это было давно, въ Государственной Думѣ. Ахъ, какъ онъ ругалъ тогда правительство и всѣхъ министровъ! Онъ такія ужасныя вещи про нихъ говорилъ, такія ужасныя вещи,

что мнѣ стало даже холодно. Бррр.... Мнѣ и теперь дѣлается холодно, при одномъ воспоминаніи объ этомъ. Но неужели, Павелъ Павловичъ, нельзя издать какого-нибудь закона, чтобы они не смѣли такъ ругать правительство и министровъ?—Павелъ Павловичъ поднялъ кверху брови и тотчасъ опустилъ ихъ. Онъ не слышалъ послѣднихъ словъ Анны Ивановны, вопросъ засталъ его врасплохъ и онъ не зналъ, что отвѣтить. Что касается остальныхъ, сидѣвшихъ за столомъ, то каждый относился по своему къ тому, что говорила молодая женщина. Любовь Сергѣевна сосредоточенно молчала, изрѣдка, недовольными глазами, поглядывая на нее. Но Любовь Сергѣевна имѣла свои причины быть недовольной невѣсткой, независимо отъ того, что та говорила. Обѣ княжны тоже молчали. Онѣ совершенно не понимали, о чемъ идетъ рѣчь и откуда Анна Ивановна можетъ знать такъ много про соціалистовъ. Офицеры не имѣли никакой охоты ввязываться въ разговоръ на скучную политическую тему. Наконецъ, Таня вовсе не слушала Анны Ивановны, относясь, повидимому, безучастно къ ея болтовнѣ.

— Между прочимъ, ты надолго къ намъ, Жоржъ?—Нарушила наступившее минутное молчаніе Таня.

— Нѣтъ, мы завтра уѣзжаемъ,—отвѣтилъ тотъ за себя и за Кравцова. Анна Ивановна встревожилась:

— Какъ, уже завтра? Какой ты скверный, Жоржъ! Ты совсѣмъ, совсѣмъ забылъ свою жену.—И незамѣтно, она нѣжно дотронулась подъ столомъ своей ногой до ноги мужа.

— А мы устраиваемъ пикникъ,—продолжала она затѣмъ, оглядывая всѣхъ искрящимися глазами.—Какъ жаль, что вы не можете принять участія. Насъ собирается цѣлая компанія. Мы хотимъ ѣхать по озеру въ лодкѣ, въ монастырь. Ты не видѣлъ его, Жоржъ? Я тебѣ непремѣнно покажу его съ берега. Онъ стоитъ на островѣ. Картина волшебная. И потомъ, быть въ монастырѣ, видѣть всѣхъ этихъ монаховъ молящимися передъ старинными, почернѣ-

лыми, закопчеными иконами — какъ это должно быть интересно!—Аннѣ Ивановнѣ въ самомъ дѣлѣ казалось, что иконы въ монастырѣ должны быть почернѣлыя и закопченыя.

— Что-же, вы въ компаніи со своимъ сицилистомъ поѣдете?—снова усмѣхнулся Жоржъ.

— Ахъ, Жоржъ! Ты право пристрастенъ къ Громову. Но ты не можешь судить о немъ потому, что видѣлъ его всего одинъ разъ. Увѣряю тебя, онъ совсѣмъ comme il faut и съ нимъ можно говорить, о чемъ угодно. Наконецъ, пусть онъ будетъ даже соціалистомъ, но вѣдь дачное знакомство ни къ чему не обязываетъ. Мы можемъ его совсѣмъ не принимать у себя.

— Я думаю,—буркнулъ подъ носъ Жоржъ, тогда какъ Анна Ивановна продолжала:

— Кромѣ Громова, съ нами ѣдетъ его жена. Препротивное существо, настоящая курсистка: кричитъ, ломается и при всемъ томъ некрасива до безобразія и въ ней нѣтъ ничего, ничего женственнаго. Не правда ли, Таня? Затѣмъ поѣдетъ одинъ знакомый Громовыхъ, кажется, студентъ....

— Ну, и компанія,—прервалъ жену Жоржъ, откидываясь на спинку стула и складывая салфетку.

— Да, мнѣ она не по вкусу,—поморщился Павелъ Павловичъ. Любовь Сергѣевна безпокойно взглянула на мужа и быстро промолвила:

— Я уже говорила это Танѣ и еще десять разъ скажу. И потомъ, я удивляюсь вамъ, Annette,—метнула она злобный взглядъ на Анну Ивановну. Но и Таня и Анна Ивановна рѣшительно встали на защиту своихъ правъ:

— Вы всегда и во всемъ вините меня, maman! А тебѣ стыдно, Жоржъ, не думать о своей женѣ. Сидѣть въ этой медвѣжьей берлогѣ и никого не видѣть!

— У васъ только и свѣту, что въ своемъ окошкѣ,—съ сердцемъ вымолвила Таня и, окончивъ завтракъ, встала изъ за стола. Вслѣдъ за ней поднялись молчавшія все время

княжны и, поцѣловавшись съ Любовью Сергѣевной, ушли въ комнаты, при чемъ первою вышла въ дверь старшая княжна, а за ней младшая.

— Жоржъ! Пойдемъ, я тебѣ покажу съ берега монастырь,— предложила мужу Анна Ивановна, допивая чашку кофе.

— Пожалуй,—лѣниво потягиваясь, отвѣтилъ тотъ.

— Семенъ Ѳедоровичъ, можетъ быть вы спросите Таню, не пойдетъ ли и она?—обратилась молодая женщина къ Кравцову. Она не любила Кравцова и находила его грубымъ и неинтереснымъ. Кромѣ того, она знала, какъ знали это всѣ въ домѣ, что Кравцовъ влюбленъ въ Таню, и хотя Аннѣ Ивановнѣ онъ былъ безразличенъ, она все же досадовала на него, какъ досадуютъ всѣ хорошенькія женщины на тѣхъ, кто не обращаетъ на нихъ вниманія.

— Слушаю,—отвѣтилъ Кравцовъ и, звякнувъ шпорами, прошелъ въ комнаты. Поднявшись по внутренней лѣстницѣ во второй этажъ, онъ прошелъ въ конецъ длиннаго коридора и постучалъ въ дверь комнаты Тани.

— Войдите! — услышалъ онъ ея недовольный голосъ. Осторожно отворивъ дверь, онъ на ципочкахъ переступилъ порогъ и остановился.

— Въ чемъ дѣло?—спросила Таня не оборачиваясь и глядя изъ окна въ паркъ.

— Татьяна Павловна, Анна Ивановна предлагаетъ вамъ пойти прогуляться,—какъ-то однозвучно проговорилъ Кравцовъ.

— Не пойду. Что еще?—Кравцовъ не отвѣчалъ и не двигался съ мѣста.

— Что еще, я васъ спрашиваю?—повторила Таня.

— Больше ничего,—подавивъ вздохъ, отвѣтилъ онъ и повернулся къ двери.

— Куда же вы?—вдругъ спросила Таня, оглядываясь. Кравцовъ быстро подошелъ къ ней.

— Татьяна Павловна! За что вы меня мучите? Что я

сдѣлалъ? На что вы сердитесь? Ахъ, Таня! Я такъ малаго прошу отъ васъ: только вашего участія, только вашей дружбы.—Но, назвавъ Таню по имени, Кравцовъ закусилъ себѣ губу. Въ послѣдній разъ Таня, которую онъ зналъ ребенкомъ и которая выросла на его глазахъ, запретила ему называть себя иначе какъ по имени и отчеству. Не въ первый разъ она налагала это запрещеніе на него, то снимая, то безъ всякой видимой причины налагая его опять.

— Ну, не сердитесь на меня, Семенъ Ѳедоровичъ,— проговорила молодая дѣвушка, протягивая руку.

— Это правда, что я злая и нехорошая дѣвченка. Но поймите же меня, что мнѣ душно, что мнѣ хочется чего-то, чего я совсѣмъ не знаю. Мнѣ надоѣла постоянная трескотня Анны Ивановны и молчаніе почтенныхъ тетушекъ и весь размѣренный ходъ нашей скучной жизни. Все это мнѣ надоѣло. Но впрочемъ, развѣ вы можете меня понять?— однако Таня спохватилась на послѣднихъ словахъ и продолжала въ прежнемъ тонѣ:

— Я шучу! Ничего я не хочу, совершенно ничего. И вы, пожалуйста, на меня не сердитесь, и вы можете называть меня Таней. Все это одни капризы и они очень скоро пройдутъ. Я вамъ скажу по нашей дружбѣ,— понизила голосъ Таня, прикладывая къ губамъ палецъ,

— что я сразу успокоюсь, какъ только разгадаю одного человѣка.—Но едва Таня закончила фразу, какъ Кравцовъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ. Таня широко открыла глаза.

— Пожалуйста, безъ глупостей,—промолвила она серьезно:

— Ну,идите,идите..Не дѣлайте страшныхъ физіономій и скажите Аннѣ Ивановнѣ, что я сейчасъ прійду.—Кравцовъ вышелъ изъ комнаты. Но когда дверь за нимъ затворилась, Таня перебѣжала комнату и, пріоткрывъ дверь, крикнула ему вдогонку.

— А гулять я все-таки не пойду... Такъ и передайте Аннѣ Ивановнѣ.—Минутъ черезъ пятнадцать Таня вышла одна изъ дома въ паркъ.

II.

Въ паркѣ этомъ, расположенномъ въ трехъ верстахъ отъ станціи, отстоящей отъ Петербурга въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ, кромѣ дачи, занятой Одинцовыми, стояли въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой еще нѣсколько дачъ, каждая окруженная отдѣльнымъ садомъ. Дачи эти сдавались на лѣто въ наймы конторою имѣнія князя Лыкова. Невдалекѣ отъ парка, за полемъ, за высокой, чугунной оградой, на возвышенномъ берегу огромнаго, многоводнаго озера, стоялъ каменный домъ князя, почти дворецъ, въ которомъ князь останавливался, во время своихъ рѣдкихъ и короткихъ наѣздовъ въ имѣніе. За домомъ тянулся длинный рядъ княжескихъ службъ. Въ описываемый день, въ то время, какъ Одинцовы вставали отъ завтрака, у открытаго окна самой маленькой дачи, съ газетою въ рукахъ и увеличительными очками на носу, въ мягкомъ покойномъ креслѣ, сидѣлъ старикъ лѣтъ около семидесяти, по виду еще бодрый, одѣтый въ простой домашній костюмъ. Звали его Петромъ Карповичемъ Кульневымъ. Онъ успѣлъ прочесть двѣ-три статьи газеты и принялся просматривать телеграммы. Въ одной говорилось о пораненіи въ тюрьмѣ надзирателемъ „политическаго“, въ другой—о побѣгѣ изъ тюрьмы двухъ „политическихъ“ и пораненіи ими двухъ надзирателей, въ третьей—объ ограбленіи почты и убійствѣ стражника, въ четвертой—объ ограбленіи и убійствѣ кого-то стражниками, и такъ безъ конца.

— Господи Боже мой!—вздохнувъ, прошепталъ Петръ Карповичъ, но въ тоже мгновеніе до слуха его донесся изъ сосѣдней комнаты скрипъ кровати и мужской кашель. Старикъ отбросилъ отъ себя газету и проговорилъ:

— Колюшка! Вставай! Иди, братъ, чайку попьемъ.— На столѣ, покрытомъ бѣлоснѣжною скатертью, стоялъ пыхтѣ-

вшій самоваръ, банка съ вареньемъ, кувшинъ съ молокомъ, да вкусно пахнувшія, еще теплыя, домашняго печенья, булки.

— А который теперь часъ, дядюшка?—раздался изъ сосѣдней комнаты голосъ.

— Часъ, ты спрашиваешь?—Хм... Часъ небольшой... еще двухъ нѣтъ,—запинаясь, отвѣтилъ Петръ Карповичъ, замѣчая, что часовая стрѣлка показываетъ безъ нѣсколькихъ минутъ два часа.

— Вотъ, вы всегда такъ, дядюшка,—проговорилъ, входя въ столовую и потягиваясь, небольшого роста, худощавый и повидимому болѣзненный молодой человѣкъ, о которомъ говорилось уже на первыхъ страницахъ, Николай Николаевичъ Кульпевъ.

— Какъ я прошу васъ каждый день—не давайте мнѣ спать больше тридцати минутъ, пѣть таки, вы все по вашему. Ну, опять чуть не цѣлый часъ провалялся, а изъ-за того опять ночью поздно лягу.

— И, полно, Николенька! Ужъ я всячески пробовалъ—и много тебѣ давалъ спать и мало, толкъ одинъ—съ пѣтухами ложишься. Вотъ, ты мнѣ пообѣщай ночью позже часа не засиживаться, тогда и я тебѣ больше тридцати минутъ не дамъ отдыхать. А то, на что это въ самомъ дѣлѣ похоже! Такъ ты себя въ конецъ изведешь.

— Я, дядюшка, ложусь тогда, когда хочу. И потомъ, знаете, оставьте эти разговоры. Вѣдь за меня все равно никто работать не станетъ.

— Работать, да работать! Ну, и допляшешься со своей работой. И то, пойди, посмотри на себя, полюбуйся,—пробурчалъ старикъ, подходя къ столу и наливая чай себѣ и племяннику.

— Ну, а прогуляться пойдешь со мной?—спросилъ онъ, погодя, суровымъ голосомъ, не глядя на молодого человѣка.

— Нѣтъ, не пойду. Ну, да ужо, подождите, дядюшка: защищу диссертацію и тогда мы нагуляемся вволю. Теперь скоро. И вы знаете, я думаю, мы можемъ тогда даже турне маленькое совершить. По Волгѣ, что ли, проѣдемся.

— Проѣдешься съ тобой,—огрызнулся Петръ Карповичъ и съ недовольнымъ видомъ развернулъ читанную имъ газету. Николай Николаевичъ почесалъ лобъ рукою и молча принялся пить чай.

— Ахъ, да, дядюшка! Я было совсѣмъ забылъ разсказать вамъ, какой давеча со мной казусъ приключился,— вдругъ проговорилъ Николай Николаевичъ. Старикъ посмотрѣлъ на него исподлобья, черезъ очки.

— Познакомился съ этой, ну, какъ ее? Вы мнѣ еще нѣсколько разъ про нее говорили? Съ Татьяной Павловной.

— Съ Татьяной Павловной?—повторилъ Петръ Карповичъ и, снявъ очки, сталъ внимательно слушать разсказъ племянника. Едва Николай Николаевичъ кончилъ говорить про свою встрѣчу съ Одинцовой, какъ старикъ заволновался:

— Такъ ты говоришь, что она обидѣлась? Какъ же это ты такъ устроилъ? И не поклонился? — укоризненно закачалъ онъ головою.

— Да что же мнѣ было дѣлать, дядюшка? Я ее никогда не видѣлъ. Увѣряетъ, что нѣсколько разъ проходила мимо, а я, хоть убейте, не помню. Можетъ-быть, когда-нибудь и проходила, да я не замѣчалъ.

— Ну, какъ же такъ не замѣчать, мой другъ! Такая хорошая дѣвушка, а ты ее обидѣлъ. Обязательно тебѣ надо будетъ извиниться передъ ней, обязательно.—Но не успѣлъ Петръ Карповичъ закончить фразы, какъ въ прихожей раздался громкій звонокъ, отъ котораго онъ вздрогнулъ.

— Это еще кого Богъ несетъ? — промолвилъ онъ, въ то время какъ на звонокъ вышла изъ кухни въ столовую маленькая старушка, въ бѣломъ чепцѣ и бѣломъ передникѣ.

— Да это Башиловъ, навѣрно Башиловъ, — вздохнулъ Петръ Карповичъ.

— Не пускать, что ли, чи? И впрямь, не пущу,— проговорила старушка.

— Что ты, Аксиньюшка?—удивился Николай Николаевичъ.

— Да, что ты! Тебѣ то ничего, а мнѣ каково, на старости лѣтъ! Ну, такъ и есть, онъ,—промолвилъ Петръ Карповичъ. Изъ прихожей доносился чей-то громкій голосъ, спорившій съ Аксиньей.

— Дома, вы говорите, нѣтъ, почтеннѣйшая Досифея? Быть того не можетъ! Не вѣрю! Ну, да ужо я самъ погляжу. Да вы не толкайтесь, преподобная.—Черезъ нѣсколько минутъ въ столовую вернулась взволнованная Аксинья.

— Гдѣ его удержать? Такъ силкомъ и претъ. Толкается, хоть ты что хошь,—и она поспѣшила уйти къ себѣ въ кухню. Между тѣмъ, слѣдомъ за ней, въ комнату вошелъ небольшого роста человѣкъ, довольно замѣчательной наружности. Онъ былъ не бритъ, но вмѣсто усовъ и бороды у него торчало нѣсколько десятковъ короткихъ, рыжихъ волосъ. Такого же цвѣта рѣдкіе волосы на головѣ онъ зачесывалъ назадъ, открывая низкій и узкій лобъ. Черты лица у него были мелкія, носъ и щеки покрыты веснушками, правая сторона лица у него поминутно судорожно подергивалась, и вообще лицомъ онъ производилъ впечатлѣніе человѣка желчнаго и раздражительнаго. Фигурой онъ былъ худощавъ, правое плечо держалъ повыше лѣваго и замѣтно хромалъ на правую ногу. Одѣтъ онъ былъ въ черныя чесучевыя брюки и красную кумачевую рубаху, а поверхъ нея въ запятнанную, съ оборванными пуговицами, студенческую тужурку.

— Возлюбленному Петру Карповичу и тебѣ, Николаю, сыну Николая, поклоннику древнихъ музъ и историческихъ анекдотовъ—привѣтъ и поклонъ,—проговорилъ, улыбаясь, пришедшій, небрежно пожимая протянутыя хозяевами руки и съ шумомъ садясь къ столу.

— Ну, замолола мельница,—съ неудовольствіемъ произнесъ Петръ Карповичъ. Однако незванный гость, нисколько не смущаясь, продолжалъ:

— Алчущаго накорми, страждущаго напои... А вашато, Досифея! Не пущу, говоритъ, дома-тка нѣтъ. Анъ и дома!

— Нашей Аксиньѣ семьдесятъ лѣтъ съ хвостикомъ, господинъ Башиловъ, такъ вы бы ради ея старости шутки свои оставили,—проговорилъ Петръ Карповичъ, протягивая студенту стаканъ съ чаемъ.

— Семь-де-сятъ лѣтъ! Такъ вы бы ее въ инвалидную команду куда-нибудь пристроили, а то въ археологическій музей посадили. Ей бы, того... поспокойнѣе было,—промолвилъ Башиловъ и, пододвинувъ къ себѣ корзинку съ булками, онъ выбралъ самую большую булку, разрѣзалъ ее пополамъ и, смазавъ вареньемъ, принялся ѣсть, запивая чаемъ.

— Старость, Петръ Карповичъ, беречь надо, потому, сами знаете, старость—дѣло не легкое—того и гляди человѣкъ разсыпется.

— Ну, это какая старость. Другой старикъ и молодого обойдетъ, особливо если молодой калѣка, или умомъ обиженъ,—вспыхнулъ Петръ Карповичъ.

— Те-те-те, дядюшка, куда вы мѣтите,—усмѣхнулся Башиловъ и лицо его нервно передернулось. Но Петръ Карповичъ рѣзко оборвалъ:

— Я вамъ, милостивый государь, не дядюшка.

— Ну вотъ, вы и обидѣлись! А на что обижаться? Я вѣдь такъ; пошутилъ только.

— Такъ всю жизнь прошутите, а вамъ безъ малаго тридцать лѣтъ. Пора бы и за умъ браться.

— Господи помилуй, Господи помилуй, Гос—поди по-милуй,—ни съ того, ни съ сего запѣлъ студентъ.

— Полно, Башиловъ. Разскажи, что подѣлываешь? — вмѣшался въ разговоръ Николай Николаевичъ. Тотъ съ

минуту помолчалъ.—Что подѣлываю? Все то же! Состою на службѣ у его сіятельства, князя Лыкова, по разбивкѣ лѣса на участки. Да вѣдь служба у меня легкая; я и въ лѣсу то всего одинъ разъ былъ.

— А деньги получаете? Какъ же это такъ? Вѣдь васъ же могутъ и того,—взмахнулъ рукой по воздуху Петръ Карповичъ.

— Деньги я получаю потому, что ихъ у меня нѣтъ, а у князя больше, чѣмъ надо,—вразумительно замѣтилъ Башиловъ.

— Ну, а насчетъ того, чтобы попросили о выходѣ—сомнительно: управляющій въ лѣсъ не ѣздитъ и не поѣдетъ. Да, наконецъ, если и выгонятъ, жалѣть не стану. Я свое дѣло сдѣлалъ, могу дальше итти.

— Какое-жъ дѣло, Башиловъ?—удивился Николай Николаевичъ.

— Дѣло маленькое, совсѣмъ пустяковое дѣло. Ну, съ крестьянами, къ примѣру сказать, покалякаешь о томъ, о семъ, о землицѣ и прочее... Тоже и съ рабочими княжескими.

— И васъ слушаютъ?—гнѣвно спросилъ Петръ Карповичъ.

— Да вѣдь, кто какъ, Петръ Карповичъ. Кто молодой, хоть и калѣка, тотъ поспѣваетъ, ну... а кто изъ стариковъ, тѣмъ трудно, тѣ не могутъ.—Петръ Карповичъ взялъ шляпу и направился къ выходу. Башиловъ насмѣшливо посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Дядюшка, можетъ быть вы и Башилова съ собой прихватите? Ты меня извини, Башиловъ, я долженъ за работу садиться.

— Спасибо, Николенька, — поблагодарилъ племянника старикъ, останавливаясь въ дверяхъ. Но тотчасъ спохватившись, онъ продолжалъ:

— Иди, иди себѣ, мой другъ, занимайся. Что-жъ, господинъ Башиловъ, пойдемте.—Башиловъ скосилъ глаза въ сторону Петра Карповича.

— Наше вамъ съ кисточкой! Идите съ Богомъ, а мнѣ и тутъ хорошо.—Петръ Карповичъ стоялъ въ замѣшательствѣ.

— Такъ вы не пойдете? Что-жъ, ваше дѣло! Только я объ одномъ васъ прошу—не мѣшайте ему,—и старикъ указалъ рукою на дверь, въ которую вышелъ Николай Николаевичъ.

— Тссс... не мѣшайте!—передразнилъ Петра Карповича Башиловъ, тоже указывая рукою на дверь. Петръ Карповичъ вздохнулъ и пошелъ изъ дома. Оставшись одинъ, Башиловъ налилъ себѣ еще стаканъ чая и только что потянулся за банкой съ вареньемъ, чтобы положить остатки его себѣ на блюдце, какъ въ комнату вошла Аксинья. Не говоря ни слова, она поспѣшно убрала со стола и поставила въ буфетъ варенье, корзинку съ булками и молоко и, закрывъ буфетъ на ключъ, положила ключъ къ себѣ въ карманъ.

— Что это вы, почтенная Досифея, такъ торопитесь? Смотрите, отъ такой спѣшности вы можете получить параличъ конечностей, и во что тогда обратится вся ваша добродѣтельная красота?—нараспѣвъ заговорилъ Башиловъ, слѣдя за суетящеюся старушкой. Однако она не удостоила его ни однимъ словомъ и, забавно задравъ голову, захватила самоваръ и пошла съ нимъ въ кухню. Тамъ она съ сердцемъ отплюнулась и проворчала:

— Ну, и непутевый! И все то онъ трещитъ, все трещитъ, словно скворецъ какой, право.

Между тѣмъ, Башиловъ, допивши чай, досталъ изъ бокового кармана тужурки помятую папиросу и закурилъ. Посидѣвши еще съ четверть часа, онъ вдругъ стукнулъ себя ладонью по лбу и, поднявшись со стула, подошелъ къ двери въ комнату Николая Николаевича, осторожно отворилъ ее и просунулъ въ образовавшуюся щель голову.

— Уйду, ей-Богу, уйду,—скороговоркой зашепталъ онъ, замѣтивъ сидѣвшаго за письменнымъ столомъ Николая Николаевича.

— Ни минуты мѣшать не стану. Сдѣлай одолженіе, взаймы, даю слово, на три дня... или нѣтъ, на недѣлю, ровно на недѣлю, три рубля. Во какъ нужно,—и для большей убѣдительности онъ провелъ рукою по горлу.

— Три рубля, ты говоришь? — какъ будто растерялся Николай Николаевичъ, поспѣшно доставая изъ кармана портмоне.

— Трехъ рублей у меня нѣтъ. Могу рубль дать, если хочешь, а черезъ недѣлю остальные.

— Хм... рубль! Ну, давай рубль пока, а остальные я подожду. Ухожу, ухожу,—заторопился Башиловъ, принимая отъ Кульнева серебряную монету:

— Испаряюсь яко облаце, великій Генрихъ Циммерманъ, или, какъ тебя. Юлій Цезарь,—и повернувшись на своихъ хромыхъ ногахъ, Башиловъ прикрылъ за собою дверь, взялъ на ходу фуражку и пошелъ изъ дома, насвистывая марсельезу. Спускаясь съ крыльца, онъ замѣтилъ на ближайшей скамьѣ, въ паркѣ, сидѣвшаго Петра Карповича. Проходя мимо него, Башиловъ приподнялъ фуражку:

— Не хотѣлъ вашего родственнаго сердца смущать, оставилъ вашего Николая, ну его... Всего наилучшаго—проговорилъ онъ.

— А, очень радъ, очень радъ,—отвѣтилъ Петръ Карповичъ, въ самомъ дѣлѣ довольный отвязаться отъ назойливаго и непріятнаго ему гостя.

— Не менѣе вашего,—отозвался студентъ, прикладывая къ груди руку. Но не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ услышалъ за собой чей-то женскій голосъ. Обернувшись, Башиловъ простоялъ нѣсколько секундъ въ колебаніи, словно рѣшая, не вернуться ли ему назадъ, но потомъ пошелъ своею дорогою.

Между тѣмъ къ Петру Карповичу, съ боковой дорожки парка, вышла Таня. Она встрѣтилась съ нимъ, какъ хорошая знакомая.

— Кто это сейчасъ пошелъ отъ васъ, Петръ Карповичъ?— полюбопытствовала дѣвушка.

— Это? Да такъ, попрыгунъ хромоногій.—Таня громко разсмѣялась.

— Да кто онъ такой? Знакомый вашъ, что ли?

— Вродѣ какъ будто и знакомый. Когда-то съ Николаемъ, племянникомъ моимъ, въ гимназіи вмѣстѣ учился. И ничего, человѣкомъ обѣщалъ быть, анъ—путнаго ничего не вышло.— Петръ Карповичъ снялъ съ головы шляпу и, обтеревъ носовымъ платкомъ лобъ, продолжалъ:

— Былъ студентомъ: числится имъ и посейчасъ, кажется, десятый, что-ли, годъ. Все курса никакъ кончить не можетъ должно быть и не сможетъ.

— Что-жъ онъ дѣлаетъ?—поинтересовалась Таня.

— А кто его знаетъ. Болтаетъ, а больше ничего, кажется, не дѣлаетъ. Прійдетъ къ намъ и давай говорить, прійдетъ въ другое мѣсто—тамъ канитель разведетъ. Все больше на политику сворачиваетъ. Теперь-то, ничего, поугомонился немного; а то, бывало, въ прежніе годы, такъ не отвяжешься отъ него. Все меня къ вооруженному возстанію призывалъ. Въ самомъ дѣлѣ, я не шучу. Ну да, Богъ съ нимъ. Горбатаго, говорится, и могила не исправитъ. А только что жаль молодого, совсѣмъ съ толку сбился. А я васъ давеча вспоминалъ, Татьяна Павловна,—помолчавъ, продолжалъ Петръ Карповичъ.

— Ужъ вы сдѣлайте милость, на моего Николая не обижайтесь. Разсказалъ онъ мнѣ про встрѣчу съ вами и самъ теперь не знаетъ, какъ ошибку свою исправить. Обязательно,—говоритъ,—извинюсь.

— Да на что же мнѣ обижаться? Вѣдь племянникъ вашъ никогда знакомъ со мной не былъ, такъ могъ ли онъ узнать меня?

— Ну, какъ же васъ не узнать, Татьяна Павловна! И я ему про васъ сколько разсказывалъ.—Таня вспыхнула.

— Право, это пустяки, — старалась она замять смущавшій ее разговоръ. Не успѣла она однако найти какой-нибудь другой предметъ для бесѣды, какъ замѣтила въ выраженіи лица Петра Карповича полную растерянность.

— Ахъ, Господи Боже мой! Сюртукъ то, про сюртукъ я совсѣмъ забылъ,—воскликнулъ онъ, всплескивая руками.

— Про какой сюртукъ?—удивилась Таня.

— Да какъ же, отдалъ я сюртукъ Николеньки въ утюжку и забылъ. Онъ схватится, можетъ надумаетъ въ городъ ѣхать, а сюртука и нѣтъ. Ужъ вы простите меня, я за сюртукомъ пойду.

— Да что же, вашъ племянникъ самъ за нимъ пойти не можетъ?—сдвинула брови Таня.

— Ой, что вы, что вы! Николенька занятъ, гдѣ ему за такими мелочами смотрѣть. Это ужъ мое дѣло. На что я годенъ, если за нимъ не сумѣю приглядѣть! Простите, Татьяна Павловна, я пойду. Будьте здоровенькая! — Таня удивленно посмотрѣла вслѣдъ уходившему Петру Карповичу и, задумавшись, пошла домой.

III.

Вечеромъ того же дня въ большой гостиной Одинцовыхъ собралась вся семья, кромѣ Любови Сергѣевны, сидѣвшей рядомъ въ своей комнатѣ за какой-то рукодѣльной работой. Таня ходила изъ угла въ уголъ по гостиной, то и дѣло мѣняя шагъ и заставляя Кравцова попадать въ ногу. Въ то же время лицомъ и жестами она изображала и передразнивала петербургскихъ знакомыхъ, которыхъ у Одинцовыхъ было довольно много.

Любовь Сергѣевна, черезъ раскрытую дверь слушавшая болтовню дочери, всякій разъ послѣ какого-нибудь ѣдкаго замѣчанія Тани, про того или другого изъ молодыхъ людей, бывавшихъ въ ихъ домѣ, покачивала головой.

Въ другое время Любовь Сергѣевна смѣялась бы вмѣстѣ съ Таней надъ ея шутками, но сейчасъ у ней было довольно своихъ заботъ, незнакомыхъ Танѣ. Любови Сергѣевнѣ надо было съ оставшимися у ней на рукахъ деньгами сумѣть прожить до конца мѣсяца и надо было изъ этихъ денегъ выкроить что-нибудь уѣзжавшему завтра Жоржу.

— Да, непремѣнно надо дать моему мальчику; онъ совсѣмъ безъ копѣйки по милости.... да, конечно же, по милости Annette,—прошептала Любовь Сергѣевна, сдвигая брови при воспоминаніи о своей невѣсткѣ. Въ безденежьи сына Любовь Сергѣевна винила Анну Ивановну. Любови Сергѣевнѣ какъ-будто не было никакого дѣла, что Анна Ивановна при своемъ замужествѣ принесла Жоржу довольно крупныя деньги. Ей не было дѣла и до того, что деньги эти были прожиты исключительно Жоржемъ и къ тому же самымъ безалабернымъ образомъ, именно — проиграны имъ въ карты. Все равно, Любовь Сергѣевна виноватой считала одну Анну Ивановну. Это было тѣмъ болѣе странно, что Любовь Сергѣевна точно такъ же принесла въ свое время Павлу Павловичу довольно крупное состояніе, отъ котораго давно уже ничего не осталось. Хуже того, у Павла Павловича росли долги, онъ въ нихъ путался, хуже того, кромѣ состоянія жены, онъ прожилъ еще другое состояніе, чужое. Распоряжаясь по довѣренности выданной ему княжнами Запольскими ихъ большимъ, наслѣдственнымъ имѣніемъ, Павелъ Павловичъ, послѣ долгихъ совѣтовъ съ женою и ея слезъ, имѣніе это, вопреки желанію княженъ, скрытно отъ нихъ, продалъ.

Ежегодная аренда, которую Одинцовъ обязался выплачивать княжнамъ, постепенно уменьшаясь, свелась въ послѣднее время къ нѣсколькимъ десяткамъ рублей въ мѣсяцъ. Волей-неволей Павлу Павловичу и Любови Сергѣевнѣ, въ своихъ объясненіяхъ по этому поводу съ княжнами, приходилось прибѣгать ко лжи. То они жаловались на градобитіе

и вызванный имъ неурожай, то на пожаръ службъ въ имѣніи, то на крестьянскіе безпорядки и забастовки рабочихъ. Вся эта ложь тяжелымъ бременемъ ложилась на душу Любови Сергѣевны. Любовь Сергѣевна не знала, на что тратитъ деньги Павелъ Павловичъ. Въ своей личной жизни онъ вообще стоялъ какъ-то въ сторонѣ отъ семьи, но деньги уходили у него, какъ говорится, между пальцевъ. Какъ бы тамъ ни было, но расходы у Одинцовыхъ оставались большими, а располагать они могли однимъ жалованіемъ Павла Павловича по должности начальника отдѣленія, которую онъ занималъ, въ одномъ изъ Департаментовъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Исключительно съ цѣлью экономіи, Любовь Сергѣевна рѣшила провести лѣто не въ дорогой дачной мѣстности подъ Петербургомъ и не за границей, гдѣ она въ послѣдній разъ жила съ семьей два года назадъ, а почти въ деревнѣ, какой ей представлялось княжеское имѣніе Лыково. Здѣсь Любовь Сергѣевна была по крайней мѣрѣ увѣрена, что никто изъ знакомыхъ, кромѣ развѣ Кравцова, къ нимъ не соберется.

— Но этотъ Кравцовъ, — подумала Любовь Сергѣевна, замѣтивъ проходившихъ мимо дверей Таню и Кравцова:

— Мнѣ его посѣщенія не нравятся; ужъ очень они становятся частыми.—И отложивъ работу въ сторону, Любовь Сергѣевна задумалась.

Между тѣмъ Кравцовъ съ самымъ серьезнымъ видомъ старался попадать въ ногу съ Таней. Но онъ былъ молчаливый и сумрачный. Въ его головѣ гвоздемъ сидѣли сказанныя Таней днемъ слова, что она хочетъ кого-то разгадать. Кого? — Этотъ вопросъ его мучилъ и онъ не находилъ на него отвѣта. А Таня какъ-будто нарочно не обращала вниманія на его настроеніе и всячески помыкала имъ. Но и на самомъ дѣлѣ Таня не понимала, какимъ образомъ Кравцовъ можетъ оставаться равнодушнымъ ко всему; ей казалось,

что Кравцову должно быть весело и смѣшно, разъ что весело и смѣшно ей.

— У, какой вы сегодня бука! Я васъ совсѣмъ не люблю такимъ. Вотъ и въ ногу даже не умѣете попадать,—капризно проговорила она, какъ-будто попадать въ ногу ей было какое-нибудь значительное дѣло.

— Таня! Ты бы поиграла на роялѣ,—послышался голосъ Любови Сергѣевны.

— Въ самомъ дѣлѣ, Таня, сыграй,—попросила и Анна Ивановна. Молодая женщина сидѣла на диванѣ около ярко горѣвшей на столѣ лампы и вышивала шелкомъ шерстяную полосу. Это Анна Ивановна исполняла данный ею по какому то случаю обѣтъ вышить въ церковь на аналой покрывало. Хотя срокъ исполненія обѣта давно прошелъ, а работа была еще на серединѣ, Анна Ивановна этимъ не смущалась, утѣшая себя тѣмъ, что срокъ—дѣло неважное и что Господу Богу все равно, когда она свой обѣтъ выполнитъ.

— Сыграть? Пожалуй,—согласилась Таня, и, подойдя къ роялю, раскрыла ноты.

Сидѣвшіе въ углу гостиной, за ломбернымъ столикомъ, Павелъ Павловичъ, обѣ княжны и Жоржъ, разыгрывавшіе пульку въ преферансъ, едва Таня взяла первые аккорды, понизили голоса, а потомъ и вовсе отложили карты въ сторону: обѣ княжны любили музыку. Павелъ Павловичъ, которому надоѣло играть съ княжнами, изъ за неожиданной задержки затянувшей пульку, недовольными глазами посмотрѣлъ на Таню. Павлу Павловичу хотѣлось спать и оттого онъ былъ не въ духѣ. Желая возможно скорѣй окончить игру въ карты, Павелъ Павловичъ рисковалъ, но отъ того, къ вящему удовольствію княженъ и своей досадѣ, поминутно ставилъ ремизы и игру еще больше затягивалъ.

Между тѣмъ Таня съ живостью и чувствомъ стала разыгрывать какой-то романсъ. Дамы и Кравцовъ охотно ее слушали. Вдругъ Таня медленнѣе и легче начала ударять по

клавишамъ и, не доигравъ до конца, оборвала. Она сидѣла неподвижно смотря на ноты. Вмѣсто нотъ передъ ней на бѣломъ фонѣ бумаги стала обрисовываться, сперва неясно, потомъ все болѣе и болѣе отчетливо, недавно видѣнная ею картина: паркъ, скамья и молодой человѣкъ, въ широкополой, соломенной шляпѣ, дружески протягивавшій ей руку, и его большіе, добрые и умные глаза.....

— И Петръ Карповичъ..... и сюртукъ, — улыбаясь прошептала Таня, почему-то вспоминая свою встрѣчу со старикомъ Кульневымъ.

— Таня, что-же ты?—промолвила Анна Ивановна. Таня вскочила со своего мѣста и, перебѣжавъ гостиную, опустилась у ногъ Любови Сергѣевны.

— Мама! Не правда ли, какой милый, какой симпатичный старикъ Петръ Карповичъ? Ну, ты знаешь его. Я тебя на-дняхъ познакомила съ нимъ: Петръ Карповичъ Кульневъ.— Любовь Сергѣевна въ удивленіи посмотрѣла на дочь.

— Тебѣ всегда пріидетъ что-нибудь особенное въ голову. Ну, почемъ я знаю, симпатичный онъ или нѣтъ? А впрочемъ,—заторопилась Любовь Сергѣевна, замѣчая недовольство въ выраженіи лица дочери:

— онъ дѣйствительно долженъ быть очень милый и добрый старикъ. — Но Таня, недовольная отвѣтомъ матери, пошла отъ нея прочь.

— А ты знаешь, Таня, — проговорила Анна Ивановна, отрываясь отъ работы:—Петръ Карповичъ живетъ не одинъ, а со своимъ племянникомъ; мнѣ такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ Громовъ.—При этихъ словахъ Кравцовъ, стоявшій прислонясь къ печкѣ, быстро взглянулъ на Таню, потомъ на Анну Ивановну, потомъ опять на Таню. Но Таня, ничего не отвѣтивъ, вышла изъ комнаты. Въ дверяхъ она пожелала всѣмъ спокойной ночи. Между тѣмъ, игра въ карты продолжалась. Анна Ивановна, которой было скучно сидѣть за своей работой, съ нетерпѣніемъ ожидала конца игры.

Черезъ часъ съ лишнимъ времени она спросила Жоржа, скоро ли онъ пойдетъ спать, но тотъ равнодушно отвѣтилъ, что если ей хочется спать, то самое лучшее, если она пойдетъ и ляжетъ. Анна Ивановна закусила съ досады губу, но все же осталась въ гостиной.

Тотчасъ послѣ ухода Тани Кравцовъ вышелъ на террасу и спустился въ садъ. Обогнувъ домъ, онъ остановился подъ вѣтвистымъ тополемъ. Въ этой сторонѣ окна дома были неосвѣщены и онъ казался чернымъ, большимъ пятномъ среди свѣтлой іюньской ночи. Кравцовъ поднялъ голову вверхъ и замеръ, словно въ ожиданіи. Но вотъ штора въ окнѣ комнаты Тани мгновенно освѣтилась, потомъ опять потерялась и опять освѣтилась, отъ ярко разгорѣвшейся свѣчи. Кравцовъ вздрогнулъ, какъ-будто по нему пробѣжалъ электрическій токъ.

— Таня,—прошепталъ онъ, слѣдя за неясной, колеблющеюся на окнѣ тѣнью. Кравцовъ стоялъ подъ деревомъ долго, до тѣхъ поръ, пока свѣтъ въ окнѣ такъ же внезапно потухъ, какъ зажегся. Тогда онъ вернулся въ домъ. Изъ гостиной всѣ уже разошлись.

Анна Ивановна, дождавшись Жоржа, раздѣвалась у себя въ комнатѣ. Она то поглядывала въ зеркало, словно любуясь собой, то на Жоржа, сидѣвшаго въ креслѣ и разсматривавшаго какую-то подвернувшуюся ему подъ руку книгу.

— Жоржъ! Что же ты не ложишься?—надувши губки, спросила Анна Ивановна.

— Я? Да, да... я сейчасъ,—отвѣтилъ онъ, продолжая разсѣянно перелистывать страницы книги. Молодая женщина насупила брови, но потомъ, оставшись въ одномъ бѣльѣ, она подбѣжала къ мужу и, граціозно обхвативъ его голову руками, сѣла къ нему на колѣни.

— Ты совсѣмъ забылъ меня, Жоржъ... ты меня не ласкаешь,—заговорила она шепотомъ.

— Ахъ, Аня! Ложись, ужъ поздно... Я сейчасъ, право

сейчасъ,—лѣниво промолвилъ Жоржъ, осторожно отпуская ее отъ себя. Анна Ивановна подавила вздохъ и легла въ кровать. Она прождала Жоржа добрыхъ полчаса, но видя, что онъ все не идетъ, она уткнула свое дѣтское личико въ подушку и, покрывшись съ головой одѣяломъ, неслышно, но горько заплакала. Равнодушіе мужа ей было обидно и она чувствовала себя въ эти минуты несчастной.

IV.

На слѣдующее утро Анна Ивановна провожала уѣзжавшаго въ лагери мужа. Она искренно горевала, что онъ покидаетъ ее на цѣлыхъ двѣ недѣли, и ея хорошенькіе глазки были, какъ и наканунѣ вечеромъ, полны слезъ. Но сквозь слезы Анна Ивановна смотрѣла теперь на мужа влюбленными и счастливыми глазами: съ утра она помирилась съ нимъ и отпускала его, увѣренная въ его любви къ ней. Поцѣловавъ въ послѣдній разъ руку у жены, Жоржъ вскочилъ въ дрожки ожидавшаго его везти на станцію извозчика. Рядомъ съ Анной Ивановной у калитки сада стояли Любовь Сергѣевна и Таня. Любовь Сергѣевна мысленно крестила сына и просила его скорѣй пріѣзжать. Она только что отдала ему, втихомолку отъ мужа, пятьдесятъ рублей, и такъ-какъ деньги эти были ей нужны, она радовалась принесенной ею для сына жертвѣ. Вмѣстѣ съ Жоржемъ уѣзжалъ Кравцовъ. Когда дрожки тронулись, Кравцовъ, не глядя на провожавшихъ, поднялъ надъ головою фуражку. Въ это утро онъ встрѣтился съ Таней только за пять минутъ до своего отъѣзда, напрасно прождавъ выхода ея къ чаю. Онъ видѣлъ какъ прислуга относила Танѣ чай въ ея комнату, и ему казалось, что Таня нарочно избѣгаетъ его. Не умѣя скрывать своихъ чувствъ, Кравцовъ старался не смотрѣть на Таню. Ея отношенія къ нему онъ считалъ не такими, какими они должны были быть, хотя онъ и самъ

не зналъ, какими эти отношенія должны были быть по настоящему.

А Таня дѣйствительно была довольна отъѣзду молодыхъ людей. Присутствіе Кравцова тяготило ее въ этотъ его пріѣздъ, и она облегченно вздохнула, когда дрожки скрылись изъ виду. Тогда Таня, не торопясь, пошла по одной изъ дорожекъ парка. За свое пребываніе на дачѣ она замѣтила, что въ этотъ часъ рѣдко кто изъ дачниковъ бываетъ въ паркѣ. Велико было поэтому ея изумленіе, когда, углубившись въ паркъ, она увидѣла, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, сидѣвшаго молодого Кульнева. Первымъ желаніемъ Тани было повернуть обратно, но она тотчасъ отказалась отъ этого, потому что ей показалось, что Кульневъ ее замѣтилъ. Тогда она быстрыми шагами пошла впередъ.

— Татьяна Павловна!—окликнулъ ее, вставая съ мѣста, Николай Николаевичъ. Таня продолжала идти не оборачиваясь.

— Татьяна Павловна! Да что же это такое? Или вы въ самомъ дѣлѣ на меня сердитесь?—

Услышала она голосъ около себя. Кульневъ шелъ рядомъ съ ней. Таня подняла голову и, встрѣтившись взглядомъ съ Кульневымъ, улыбнулась.

— Ну, на васъ, кажется, сердиться нельзя.

— Ахъ, какъ это хорошо! Другого я и не ожидалъ отъ васъ. Спасибо вамъ. Теперь я могу дома спокойно работать и дядюшка не будетъ мнѣ докучать, будто вы дѣйствительно на меня обижены. Повѣрите ли, старикъ со вчерашняго дня все меня отчитываетъ. Благодарю васъ. Будьте здоровы,—и свернувъ съ дорожки, Кульневъ скрылся между деревьями.

— Что же это такое? Куда же онъ? Какъ же это такъ?—шептала совершенно опѣшенная поведеніемъ Кульнева Таня. Но вслѣдъ затѣмъ брови ея сдвинулись и, гнѣвно обломавъ у ближайшаго куста вѣтку, она проговорила:

— Хорошо же! Подождите же... Я же вамъ! — однако не успѣла она докончить своей угрозы, какъ вблизи послышались чьи-то шаги, кусты раздвинулись и на дорожку вышелъ Башиловъ. Таня отъ неожиданности вздрогнула, но, узнавъ хромоногаго студента, успокоилась. Башиловъ подошелъ къ ней и протянулъ руку.

— Здравствуйте!—проговорилъ онъ густымъ голосомъ.

— Мы хотя и не знакомы, но это неважно: я васъ знаю, а моя фамилія Башиловъ, Антонъ Башиловъ.

— Да, да, какъ же, и я васъ знаю, то-есть про васъ слышала,—отвѣтила Таня, вспоминая слова Петра Карповича про студента.

— Это по всѣмъ вѣроятіямъ отъ Петра Карпова? Не думаю, чтобъ онъ меня, лестно аттестовалъ, хотя я въ этомъ и не нуждаюсь. Старикъ, знаете ли, онъ ветхій, никчемный старикъ. Впрочемъ, про Петра Карпова я ничего худого сказать не могу.

— Дѣйствительно вы ничего худого не говорите,—усмѣхнулась Таня. Башиловъ скосилъ на нее глаза.

— Что дѣлать! Правду-матку я люблю рѣзать. Никчемный, я говорю, старикъ. Такъ, нянькой ходитъ за своимъ Николаемъ, племянникомъ, да въ глаза ему смотритъ и весь тутъ. Анъ и выростилъ сущаго младенца.

— Почему младенца? Мнѣ кажется, что Николай Николаевичъ весьма себѣ на умѣ?—промолвила Таня, пытливо взглядывая на студента.

— Ха-ха-ха,—громко расхохотался тотъ:

— Это Николай-то себѣ на умѣ? Да это же хрусталь, стекло прозрачное, вродѣ какъ блаженный. Нѣтъ, извините, хитрости въ немъ нѣтъ. Чего-чего, а хитрости—ни-ни, нѣтъ. Да вы развѣ знаете Николая?

— Я? Да... нѣтъ... немного,—запинаясь отвѣтила Таня.

— Хм, немного! Ну, авось узнаете получше. Впрочемъ, онъ вамъ не компанія.

— Почему?—встрепенулась молодая дѣвушка.

— Да потому, что онъ другого поля ягода. Вамъ нуженъ какой-нибудь кавалергардъ, или, какъ его, гроссъ-фурьеръ, что ли, чтобы лоскъ у него былъ, чтобы онъ по паркету ходилъ все равно какъ рыба плавалъ... А вѣдь Николай по паркету пойдетъ и свалится. Подъ ноги онъ не смотритъ, а вонъ куда,—и Башиловъ поднялъ свою руку кверху; но затѣмъ, сплюнувъ въ сторону, онъ продолжалъ:

— Говоря откровенно, не поклонникъ я господъ звѣздочетовъ. Кому польза въ томъ, что они въ фантазіяхъ обрѣтаются? И на кой чортъ, къ примѣру говоря, рабочимъ или крестьянамъ его сіятельства князя Лыкова какой-нибудь Юлій Цезарь или Ѳома Аквинатъ? Имъ землицы дайте полоску лишнюю, да восьмичасовой рабочій день; ну, а господа звѣздочеты,—и перейдя на своего любимаго конька, Башиловъ пустился въ длинныя разсужденія. Но Таня болѣе его не слушала. Подойдя на близкое разстояніе къ дому, она замѣтила сквозь листву деревъ сидѣвшихъ въ саду тетокъ, княженъ Запольскихъ. Желая какъ-нибудь отдѣлаться отъ своего спутника, Таня остановилась, а затѣмъ перебила его:

— Извините, господинъ Башиловъ, я должна идти домой.

— Домой? Чего же проще! И мнѣ съ вами по пути. Я тутъ, неподалеку... къ сосѣдямъ вашимъ; можетъ слышали— Громовы?

— Да, да, слышала... но если вамъ все равно, то... не пойдете ли вы какой-нибудь другой дорогой?—запинаясь, промолвила дѣвушка.

— Черезъ почему? А впрочемъ, если хотите, — охотно согласился студентъ:

— Я могу и сальтоморталь выкинуть, — и онъ обвелъ рукою полукругъ.

— Ну, такъ выкиньте сальтоморталь, пожалуйста. До свиданья, господинъ Башиловъ, — еще разъ сказала Таня и пошла впередъ.

— Фю-фю-фю! Вотъ такъ малина,—просвисталъ ей вслѣдъ Башиловъ и свернулъ въ сторону.

Минутъ черезъ пять онъ подошелъ, съ противоположной стороны, къ сосѣдней съ Одинцовыми дачѣ. Еще издали онъ увидѣлъ сидѣвшую на крыльцѣ дачи женщину, которая, въ свою очередь замѣтивъ его, громко закричала:

— Башиловъ! Что васъ давно не видно? Я васъ давеча вспоминала. Читали вы вчерашнюю газету? Нѣтъ. Ну такъ читайте. Здравствуйте! Нѣтъ, это чортъ знаетъ что такое! Опять разстрѣлъ политическихъ,—и возмущеннымъ жестомъ она передала Башилову газету. Пока Башиловъ отыскивалъ въ газетѣ указанное, собесѣдница его, Марья Ильинична Громова, смотрѣла на него съ напряженнымъ вниманіемъ. Это была женщина лѣтъ тридцати шести, съ толстымъ носомъ и оттопыренными губами, говорившая грубымъ, мужскимъ голосомъ.

— Отъ собственнаго корреспондента,—сталъ вслухъ читать Башиловъ:

— въ мѣстной тюрьмѣ, надзирателемъ, замѣтившимъ столпившихся у окна политическихъ арестантовъ, пѣвшихъ пѣсни, неожиданно произведенъ выстрѣлъ, коимъ раненъ въ руку навылетъ уважаемый въ городѣ общественный дѣятель, редакторъ-издатель газеты „Русская свобода", Левъ Израильсонъ. Въ городѣ царитъ возбужденіе. Необходимо строгое и немедленное разслѣдованіе.

— Мерзавцы, чортъ знаетъ что такое, — быстро заговорила Марья Ильинична, часто моргая глазами:

— въ беззащитныхъ... изъ за угла... Нѣтъ, знаете, Башиловъ, я хотя и противница смертныхъ казней, но если бы мнѣ попался тюремный надзиратель, или... или какой-нибудь изъ нашихъ министровъ, такъ я бы... я не знаю, что я сдѣлала бы съ нимъ.

— Борьба — жертвъ искупительныхъ проситъ, — мрачно

вымолвилъ Башиловъ и отложилъ газету въ сторону. Собесѣдники замолчали.

— Ахъ, кстати, Башиловъ, — первою заговорила Марья Ильинична, какъ-будто вспомнивъ то, о чемъ она давно уже собиралась сказать:

— была я вчера въ Петербургѣ, слушала лекцію Лейспера... Какъ онъ хорошо читаетъ. Вчера онъ продолжалъ свою серію о великой французской революціи. И какъ онъ умѣло и тонко проводилъ параллель между французской и нашей революціей. Конечно, не обошлось безъ скандала. Присутствовавшій на лекціи полицейскій офицеръ закрылъ собраніе послѣ какой-то непонравившейся ему параллели,— Марья Ильинична такъ и сказала—параллели.

— Ну, конечно, публика зашумѣла. Несмотря на лѣто, народу въ аудиторію набилось бездна. Да вѣдь это же чортъ знаетъ что такое! Лекція и полицейскій офицеръ! Какая-то профанація науки. Но почему вы никогда не поѣдете со мной на лекцію, Башиловъ?

Башиловъ сплюнулъ по своей привычкѣ въ сторону:

— Всѣ эти лекціи, все это—чепуха, потому что все это—одни слова. Нужны дѣла, а не слова.

— Да вѣдь безъ одновременной поддержки массъ, Башиловъ..... безъ предварительной подготовки,—неувѣренно замѣтила Марья Ильинична, но Башиловъ ее перебилъ:

— Массы готовы.... — однако, не успѣлъ онъ развить своей мысли, какъ на крыльцо дома вышла прислуга Марьи Ильиничны:

— Барыня! Вы бы наказали Шурѣ не обижать Вѣрочку. Изъ кухни слышно, все то онъ ее обижаетъ, а та ревмя реветъ.

— Ахъ ты, Господи! Вотъ покою нигдѣ не найдешь! Да гдѣ же Матрена? Что у ней уши, что ли, отвалились?

— Матрена, барыня, столъ къ обѣду накрываетъ, — возразила было кухарка, но Марья Ильинична тотчасъ ее перебила:

— Мудрость какая на столъ накрыть! Небось, прибавку къ жалованью умѣете просить, а за дѣтьми нѣтъ того, чтобы присмотрѣть. Пойди къ дѣтямъ, скажи, что если они не перестанутъ плакать, такъ я имъ.... тогда я имъ дамъ французскую азбуку учить.

— Такъ что вы начали говорить, Башиловъ?—обратилась Марья Ильинична къ студенту, отпуская прислугу. Но не успѣлъ онъ и на этотъ разъ кончить своей мысли, какъ на дорожкѣ, ведущей къ дачѣ, показалась чья-то мужская фигура.

— Это еще кого Богъ несетъ? Ба, да это Петръ Карповичъ!—воскликнула Марья Ильинична.

— Кульневъ? А онъ чего? Впрочемъ, я и забылъ, сегодня Ивановъ день, вашъ благовѣрный именинникъ. Что, онъ еще не вернулся изъ города? — спросилъ Башиловъ, поспѣшно уходя съ крыльца въ домъ.

— Нѣтъ, сейчасъ долженъ пріѣхать, — отвѣтила Марья Ильинична и пошла навстрѣчу Петру Карповичу.

V.

Знакомство Петра Карповича съ Громовыми было давнишнее. Покойный отецъ Марьи Ильиничны былъ товарищемъ по полку Петра Карповича и они вмѣстѣ участвовали въ кампаніи 1878 года. Будучи на войнѣ тяжело раненъ, Петръ Карповичъ вышелъ въ отставку, но онъ еще много лѣтъ прожилъ въ томъ маленькомъ уѣздномъ городкѣ, гдѣ стоялъ его родной полкъ, продолжая поддерживать пріятельскія отношенія съ отцомъ Марьи Ильиничны. На глазахъ Петра Карповича Марья Ильинична изъ ребенка превратилась во взрослую дѣвушку и на его глазахъ разыгрался ея романъ съ Иваномъ Васильевичемъ Громовымъ, тогда еще студентомъ. Петру Карповичу было извѣстно, какъ рѣшительно возставали противъ брака дочери съ Громовымъ

родители Марьи Ильиничны и какъ они убивались, когда она тайно бѣжала изъ дома. Обманутые и покинутые дочерью старики прожили недолго и въ короткій срокъ, одинъ за другимъ, сошли въ могилу. Но передъ смертью они все же успѣли простить и благословить свою дочь и оставили ей послѣ себя довольно крупное состояніе. Петру Карповичу не безызвѣстны были ходившіе въ свое время по городу толки по поводу замужества Марьи Ильиничны.

Одни говорили, что бракъ Громовыхъ—это бракъ людей, которые сошлись въ своихъ взглядахъ на жизнь и ея цѣли, которые нашли другъ друга и что въ этомъ смыслѣ такой бракъ можно только привѣтствовать, другіе, наоборотъ, въ этомъ бракѣ видѣли проявленіе однихъ низменныхъ человѣческихъ чувствъ: со стороны Марьи Ильиничны — увлеченіе физической красотой человѣка безъ рода и племени, какимъ являлся Иванъ Васильевичъ Громовъ, сынъ крестьянина, булочника-разносчика, со стороны же Ивана Васильевича—только денежный расчетъ.

Какъ бы тамъ ни было, Петръ Карповичъ не интересовался подробностями этого брака, и тотчасъ послѣ похоронъ родителей Марьи Ильиничны и отъѣзда молодыхъ Громовыхъ въ Петербургъ онъ ихъ потерялъ на нѣсколько лѣтъ изъ виду. Въ то самое время на Петра Карповича выпала забота о его малолѣтнемъ племянникѣ, Николаѣ, оставшемся послѣ смерти отца, родного брата Петра Карповича, круглымъ сиротою. Одинокій Петръ Карповичъ всѣмъ сердцемъ полюбилъ тихаго и впечатлительнаго мальчика и все свое время посвятилъ исключительно ему. Подъ неослабнымъ наблюденіемъ Петра Карповича Коля окончилъ мѣстную гимназію и по его совѣту рѣшилъ поступить въ петербургскій университетъ. Въ виду этого, Кульневы переѣхали на жительство въ Петербургъ. Здѣсь, случайно, Петръ Карповичъ встрѣтился съ Громовыми и возобновилъ съ ними знакомство, послѣ того какъ они побывали у него съ визи-

томъ. Иванъ Васильевичъ занималъ къ этому времени довольно отвѣтственное мѣсто въ одномъ изъ петербургскихъ частныхъ банковъ. Но побывавъ нѣсколько разъ у Громовыхъ, Петръ Карповичъ сталъ избѣгать свиданій съ ними: жизнь Громовыхъ и ихъ характеры онъ считалъ для себя чуждыми. Недѣли три тому назадъ, по переѣздѣ на дачу, Петръ Карповичъ, къ удивленію своему, встрѣтился съ Марьей Ильиничной въ паркѣ и узналъ отъ нея, что они приходятся другъ другу сосѣдями. Съ тѣхъ поръ Громовы нѣсколько разъ заходили къ Петру Карповичу, но онъ все откладывалъ свой отвѣтный визитъ. Наконецъ Петръ Карповичъ выбралъ день, чтобы пойти къ нимъ. Велика была однако досада старика, когда онъ увидѣлъ, что пришелъ некстати, что хозяинъ дома именинникъ и что съ минуты на минуту онъ долженъ пріѣхать изъ Петербурга со своими пріятелями. Какъ Петръ Карповичъ ни отказывался, но Марья Ильинична, а вскорѣ затѣмъ и вернувшійся Иванъ Васильевичъ принялись настойчиво уговаривать его съ ними отобѣдать. Дѣлать было нечего, Петръ Карповичъ, скрѣпя сердце, покорился и сталъ знакомиться съ прибывшими съ хозяиномъ гостями. Ихъ было двое. Одинъ изъ нихъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, бритый, съ густой черной гривой волосъ на головѣ, былъ извѣстный адвокатъ, видный членъ одной изъ „оппозиціонныхъ“ правительству политическихъ партій, возможный кандидатъ отъ одного изъ университетскихъ городовъ въ члены открывавшейся осенью Государственной Думы, Степанъ Онуфріевичъ Кубанцевъ.

Нѣсколько дней тому назадъ Степанъ Онуфріевичъ, за громадный гонораръ, выступалъ въ судѣ по запутанному и темному, нашумѣвшему на всю Россію, дѣлу, въ которомъ сумѣлъ доказать, что черное на самомъ дѣлѣ можетъ быть иногда бѣлымъ, а бѣлое чернымъ и такимъ образомъ, весьма искусно, вывелъ своихъ подзащитныхъ сухими изъ воды.

Послѣ каждаго дѣла, по которому Степанъ Онуфріевичъ выступалъ, слава его возрастала, и всѣ проникались къ нему еще большимъ чувствомъ почтенія и уваженія. Степанъ Онуфріевичъ зналъ цѣну, которую ему даютъ другіе, и потому держался съ большимъ достоинствомъ, но просто. Какъ человѣкъ умный и умѣющій говорить, Степанъ Онуфріевичъ говорилъ мало, но когда говорилъ, то обводилъ всѣхъ присутствующихъ взглядомъ своихъ черныхъ, проницательныхъ глазъ, какъ бы приглашая оставить все, кто чѣмъ занятъ и слушать то, что онъ говоритъ. Хозяева дома замѣтно ухаживали за нимъ. Другой гость, низкорослый, тучный, одѣтый неряшливо, медленный въ движеніяхъ, былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ газеты „Свободная Россія“, въ которой подписывалъ свои ѣдкія политическія статьи именемъ Осипъ Сомовъ, хотя всѣ его звали Михаиломъ Львовичемъ и хотя настоящее имя его было Мовша Лейбовичъ, по фамиліи Кнутъ. Спустя немного времени послѣ того, какъ пріѣхавшіе, познакомившись съ Петромъ Карповичемъ, перешли въ гостиную, Марья Ильинична попросила всѣхъ въ столовую, къ обѣду. И гостиная, и столовая Громовыхъ, въ которыхъ пахло сырымъ деревомъ и плѣсенью, были большія комнаты, довольно прилично обставленныя мебелью, сдававшеюся отъ владѣльца вмѣстѣ съ дачею. Но мебель стояла въ нихъ какъ-то вразбродъ и ни въ чемъ не было замѣтно порядка: окна оставались запыленными, точно такъ же, какъ и всѣ предметы въ комнатахъ, съ которыхъ пыль, повидимому, не снималась по нѣсколько дней кряду; картины на стѣнахъ висѣли криво, а на полу, по угламъ, кое-гдѣ валялись брошенныя, недокуренныя папиросы. Едва гости, по приглашенію хозяевъ, размѣстились за столомъ и начали перебрасываться между собой отдѣльными, отрывочными фразами, въ комнату, ведя за руку пятилѣтняго сына Громовыхъ, вошелъ Башиловъ. Башиловъ поздоровался со всѣми, какъ со знакомыми. Между тѣмъ Иванъ Василье-

вичъ подхватилъ сына на руки, поцѣловалъ его и, тотчасъ опустивъ на полъ, сказалъ:

— Ну, Шурка, рекомендуйся. — Мальчикъ шаркнулъ ножкой и, коверкая слова, не задумываясь, произнесъ давно заученную фразу:

— Я, Александлъ Ивановицъ Гломовъ, сынъ клестьянина Волынской губелніи, Зитомилскаго уѣзда, делевни Болъ.

— Браво, браво, Шура! Ай да крестьянинъ! Ай да Александръ Ивановичъ! — раздались голоса Степана Онуфріевича и Кнута. Иванъ Васильевичъ погладилъ сына по головѣ и, пришлепнувъ, ласково вытолкнулъ изъ столовой. Слово „крестьянинъ" пріятно ласкало сейчасъ слухъ Ивана Васильевича и внушало не то чтобы уваженіе къ самому себѣ, но что-то въ родѣ восхищенія, въ родѣ преклоненія передъ самимъ собой. Между тѣмъ разговоръ оживился:

— Чортъ возьми! — воскликнула, стукнувъ кулакомъ по столу, Марья Ильинична, обращаясь къ своему сосѣду слѣва, Кнуту:

— вы читали вчерашнюю телеграмму о разстрѣлѣ политическихъ въ X—кой тюрьмѣ? Ну, конечно, вы ее читали. Вѣдь это же, ей-Богу, чортъ знаетъ что такое.

— Да, бѣдный мой другъ Израильсонъ, — проговорилъ, лѣниво подымая голову, Кнутъ:

— кто бы могъ думать, что и онъ станетъ жертвой чернаго террора! Впрочемъ, теперь можно всего ожидать.

— А онъ былъ вашимъ другомъ? — живо спросила Марья Ильинична, бросая взглядъ на Петра Карповича. Михаилъ Львовичъ на минуту задумался, а потомъ заговорилъ на неправильномъ русскомъ языкѣ, что не мѣшало ему, какъ это часто бываетъ съ людьми не русскаго происхожденія правильно излагать свои мысли на бумагѣ:

— Да, онъ мой другъ! Въ былыя времена мы учились съ нимъ вмѣстѣ въ гимназіи въ Шкловѣ и оба мечтали еще тогда служить человѣчеству на нивѣ родной рѣчи. Надо

знать, какой высокой честности и нравственной чистоты былъ Израильсонъ. Въ своей газетѣ онъ проводилъ взгляды истиннаго интеллигента, боролся съ безправіемъ и палъ въ этой борьбѣ. Его послѣднимъ большимъ дѣломъ была открытая имъ въ его газетѣ подписка въ пользу несчастныхъ голодающихъ,—повысивъ голосъ, закончилъ Кнутъ, какъ-будто онъ сказалъ, что Израильсонъ пожертвовалъ въ пользу голодающихъ все свое состояніе.

— Да, это ужасно, ужасно,—закрывая лицо руками, прошептала Марья Ильинична, въ то время, какъ Иванъ Васильевичъ развелъ руками, словно говоря: „что подѣлаешь, мы тутъ безсильны". Между тѣмъ Кнутъ, чокнувшись со своимъ сосѣдомъ, Степаномъ Онуфріевичемъ, второй рюмкой водки, лѣниво опорожнилъ ее и, сощуривъ глаза, продолжалъ:

— Вотъ вамъ маленькая характеристика русской дѣйствительности и тѣхъ зоологическихъ типовъ, которые эту дѣйствительность создаютъ. Я слышалъ этотъ анекдотъ на дняхъ въ редакціи. Дѣйствіе происходитъ на югѣ, на берегу моря. Блестящая кавалькада...—Михаилъ Львовичъ запнулся и продолжалъ, какъ-будто съ осторожностью, какъ-будто подыскивая нужныя ему слова и не находя ихъ:

— Придворные, всѣ эти приспѣшники и слуги возвращаются послѣ неудачной охоты. Вотъ они подъѣзжаютъ къ тому мѣсту, гдѣ въ морѣ, недалеко отъ берега, тонетъ бѣдный еврей. Разряженная толпа останавливается, узнаетъ, кто это тонетъ и со смѣхомъ проѣзжаетъ мимо. Но тогда бѣдный еврей, догадавшись съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, собирается съ послѣдними силами и кричитъ: долой самодержавіе! И тотчасъ царедворцы бросаются въ море, чтобы спасти утопающаго и чтобы его тутъ же повѣсить. Охота оказывается удачной.

Петръ Карповичъ вздрогнулъ и негодующе посмотрѣлъ на разсказчика. Но его движенія никто не замѣтилъ. Наступившую тишину первымъ прервалъ Иванъ Васильевичъ:

— Стыдно и страшно! Страшно оттого, что подобные анекдоты могутъ возникать въ обществѣ.

— Ударъ въ лобъ, а принять приходится,—оглядывая всѣхъ, произнесъ Степанъ Онуфріевичъ.

— Да, положеніе нехорошее,—вытирая салфеткою усы и бороду и довольный произведеннымъ эффектомъ проговорилъ Михаилъ Львовичъ:

— Не знаю вообще, было ли положеніе когда-нибудь хуже, чѣмъ теперь,—и разговоръ перешелъ на интересовавшіе хозяевъ и гостей политическіе вопросы. Но чего ни касались въ своемъ разговорѣ собесѣдники, все сводилось къ тому, что положеніе въ Россіи скверное: печать давятъ, общество заставляютъ молчать, рабочія организаціи преслѣдуютъ, молодежь губятъ... „Царство кулака"—такъ выразился Степанъ Онуфріевичъ. Петръ Карповичъ, который не вмѣшивался въ разговоръ, съ нетерпѣніемъ ждалъ конца обѣда. Слушая то, о чемъ говорятъ, Петру Карповичу казалось, что Иванъ Васильевичъ и его гости на все смотрятъ по особенному, что они все хулятъ, что они поютъ какой-то похоронный маршъ. Но хотя слова этого марша были грустныя, безнадежныя, въ напѣвѣ его Петру Карповичу не слышалось истинной скорби. Ему чудилось слишкомъ много злобы, но не къ тому, что есть темнаго и нехорошаго въ Россіи, а къ ней самой и именно за то, что въ ней есть это темное и нехорошее. И еще ему казалось, что онъ не слышитъ главнаго, что должно быть: жалости и любви.

— „И какъ это могутъ они ѣсть, и пить вино, и смѣяться и въ то же время плакать? Вѣдь вотъ, онъ говоритъ—Царство кулака",—подумалъ Петръ Карповичъ, глядя на Степана Онуфріевича:

— „а самъ смѣется. Что же это за слезы?"—И не выдержавъ, больше отвѣчая на свою мысль, чѣмъ на то, о чемъ шелъ сейчасъ разговоръ, Петръ Карповичъ сказалъ:

— Какъ бы тамъ ни было, но Россія—мать намъ всѣмъ,

а не мачеха. Какъ же это мать родную, да топтать ногами?

— Спаси Господи люди Твоя;—вдругъ возгласилъ Башиловъ, но никто не обратилъ на него вниманія, но, плавное теченіе разговора, послѣ словъ Петра Карповича, разомъ оборвалось и всѣ заговорили съ шумомъ, въ одинъ голосъ. Громче всѣхъ и рѣзче всѣхъ обрушилась на Петра Карповича Марья Ильинична. Какъ всѣ женщины, она легко воспламенялась и тогда ее ничѣмъ нельзя было остановить, пока она вся не выскажется.

— Какъ не мачеха? Какъ не мачеха?—кричала она, красная отъ волненія:

— Самая злая она намъ мачеха. Намъ не нужна такая Россія. Намъ не нужна Россія произвола и невѣжества, управленіе полицейскаго застѣнка, погромовъ, карательныхъ экспедицій и висѣлицъ! Мы желаемъ свободной Россіи, мы служимъ ей, будущей Россіи, а не настоящей,—бросала она одно слово за другимъ, уже не глядя на Петра Карповича и даже позабывъ о немъ. Видимо Марья Ильинична увлекалась своими словами, сама подгоняла себя:

— Гдѣ нѣтъ уваженія къ личности, гдѣ власть опирается на одну грубую силу, тамъ она идетъ рядомъ съ позоромъ и такую власть мы не поддерживаемъ, не признаемъ, съ ней боремся и, я вѣрю въ это—ее побѣдимъ, хотя бы для этого пришлось перевернуть всю Россію вверхъ тормашками. Да, мы ее побѣдимъ, потому что такъ, какъ я думаю—думаютъ тысячи и десятки тысячъ матерей, а мы отвѣчаемъ и за себя и за своихъ дѣтей.—Тяжело дыша, Марья Ильинична такъ-же внезапно замолчала, какъ она начала говорить. Но она говорила искренно и убѣжденно.

Иванъ Васильевичъ сидѣлъ не совсѣмъ довольный слишкомъ рѣзкимъ, по его мнѣнію, выступленіемъ жены. Но онъ тотчасъ измѣнилъ это свое мнѣніе, когда послѣ словъ Марьи Ильиничны поднялся Степанъ Онуфріевичъ.

— Господа!—проговорилъ онъ, всѣхъ оглядывая:

— позвольте мнѣ предложить вамъ тостъ за того, кто обѣщаетъ, что на смѣну намъ, уже уставшимъ, бойцамъ за право и свободу, выступятъ бойцы новые, свѣжіе, полные жизни и силъ. Я пью, господа, за здоровье женщины-матери, женщины-гражданки,—и отодвинувъ стулъ Степанъ Онуфріевичъ подошелъ къ Марьѣ Ильиничнѣ и поцѣловалъ у ней руку. Всѣ послѣдовали его примѣру, причемъ Михаилъ Львовичъ, поцѣловавъ правую руку, попросилъ у Марьи Ильиничны разрѣшенія поцѣловать и лѣвую ея руку. Иванъ Васильевичъ съ строгимъ выраженіемъ лица дотронулся губами до головы жены, но въ душѣ у него что-то пріятно поскребло отъ словъ Степана Онуфріевича. Одинъ Петръ Карповичъ не зналъ, что ему дѣлать и надо ли возразить на то, что сказала Марья Ильинична или лучше промолчать, чтобы не затягивать тяжелаго для него разговора. Но не успѣлъ Петръ Карповичъ рѣшить этого вопроса, какъ Марья Ильинична поднялась изъ-за стола и попросила всѣхъ пройти въ гостиную. Туда было перенесено вино и кофе съ ликеромъ. Башиловъ, противъ своего обыкновенія мало говорившій за столомъ, вступилъ въ гостиной въ оживленный споръ. Но Петръ Карповичъ болѣе никого не слушалъ и, извинившись передъ хозяевами, сталъ прощаться. Иванъ Васильевичъ пошелъ его провожать.

— Минуту вниманія!—внезапно воскликнулъ Михаилъ Львовичъ, держа въ вытянутой рукѣ рюмку ликера. Иванъ Васильевичъ и Кульневъ остановились въ дверяхъ.

— Я пью, господа, за здоровье нашей святой, да... нашей святой и самоотверженной молодежи, которая твердо держитъ въ своихъ рукахъ знамя, на которомъ написано: свобода, равенство и братство! Ура! Ура!

— Ура! Башиловъ!—крикнулъ вмѣстѣ съ другими Иванъ Васильевичъ, выходя слѣдомъ за Петромъ Карповичемъ въ прихожую.

— Очень жаль, что вы такъ торопитесь, очень жаль,—продолжалъ онъ, пожимая старику руку.

— Да ужъ, знаете, побѣгу, а то если еще господинъ Башиловъ заговоритъ, тогда мнѣ совсѣмъ крышка.

— Ну, что вы, Петръ Карповичъ! Впрочемъ, отчего же и Башилову не говорить?—улыбнулся Иванъ Васильевичъ, чувствуя, что улыбка у него выходитъ дѣланной и что ему не спѣться съ Петромъ Карповичемъ.

— Это насчетъ политики?—въ свою очередь спросилъ тотъ, надѣвая на голову шляпу:

— нѣтъ, знаете ли, я всетаки думаю, что бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги точать пирожникъ.

— Ахъ, какой вы, Петръ Карповичъ, какой вы... Ну, да мы потолкуемъ съ вами въ другой разъ,—продолжая улыбаться и не зная что сказать, проговорилъ Иванъ Васильевичъ. Онъ облегченно вздохнулъ, когда дверь за Кульневымъ затворилась. Между тѣмъ въ гостиной Михаилъ Львовичъ, стоя у окна съ Башиловымъ и увидѣвъ шедшаго черезъ садъ Петра Карповича, проговорилъ, указывая на него пальцемъ:

— Вотъ она претъ, Русь православная. Что съ ней подѣлаешь? Ничего не подѣлаешь. Нѣтъ, никогда и ни за что я не сдѣлаю изъ своего сына раба. Пусть подрастетъ и прочь отсюда, куда-нибудь въ Вѣну, Парижъ, Нью-Іоркъ, куда угодно, но прочь отсюда.

— И вы это серьезно?—вдругъ спросила Кнута подошедшая Марья Ильинична.

— Что серьезно?—смѣшался тотъ.

— Да вотъ, говорите, что это и есть Русь?—кивнула головой Марья Ильинична по тому направленію, куда пошелъ Петръ Карповичъ.

— Ну да, конечно же, совсѣмъ серьезно,—отвѣтилъ Кнутъ.

— Да будетъ вамъ стыдно! Это не Русь! Настоящая Русь здѣсь,—Марья Ильинична обвела рукой по комнатѣ:

— Это—Степанъ Онуфріевичъ, это—вы, это мой мужъ,— Марья Ильинична запнулась,—это—всѣ мы, дѣйствующіе, двигающіе.... А та Русь—старая, больная, и болѣзнь ея смертельная.

— Браво, браво, Марья Ильинична,—проговорилъ, подходя подъ руку съ Иваномъ Васильевичемъ, Степанъ Онуфріевичъ. Марья Ильинична улыбнулась и, взглянувъ на Башилова, бравшаго въ руку стаканъ съ виномъ, попросила его налить ей рюмку ликера.

— За ваши успѣхи, Башиловъ,—многозначительно вымолвила она, чокаясь рюмкой.

— Спасибо,—мрачно отвѣтилъ студентъ, залпомъ опоражнивая стаканъ. Послѣ этого бесѣда приняла общій, спокойный характеръ. Вскорѣ гости опять перешли въ столовую, гдѣ пили чай. Разговоръ ни на минуту не умолкалъ. Незамѣтно набѣжали сумерки, и когда Степанъ Онуфріевичъ и Михаилъ Львовичъ стали прощаться, въ небѣ зажглись звѣзды. Иванъ Васильевичъ пошелъ провожать гостей. Въ паркѣ отъ деревьевъ было почти темно. Однако, идя по дорожкѣ, Иванъ Васильевичъ замѣтилъ въ сторонѣ сидѣвшими на скамьѣ двѣ женскія фигуры. Онъ былъ почти увѣренъ, что это Одинцовы. Выйдя изъ воротъ парка, Иванъ Васильевичъ сталъ торговать на станцію, мирно дремавшаго на облучкѣ дрожекъ, извозчика. Однако Иванъ Васильевичъ рѣшилъ, что извозчикъ дорожится и предложилъ своимъ гостямъ дойти до станціи пѣшкомъ.

— Эхъ, баринъ! Изъ-за пятака мѣднаго съ нашимъ братомъ торгуетесь. Пожалуйте!—уныло вздохнулъ извозчикъ, дергая возжами изморенную лошаденку.

— Знаю я вашего брата. А копѣечка, другъ любезный, рубль бережетъ,—вразумительно объяснилъ Иванъ Васильевичъ, горячо пожимая руки уѣзжавшимъ пріятелямъ.

Домой Громовъ пошелъ по той дорожкѣ, на которой замѣтилъ сидѣвшихъ Одинцовыхъ. Онъ шелъ довольный, полной грудью вдыхая свѣжій ночной воздухъ и чувствуя, что у него слегка кружится голова отъ чуть-чуть лишне выпитаго вина. Въ двухъ шагахъ отъ Одинцовыхъ Иванъ Васильевичъ остановился, какъ будто въ удивленіи отъ случайной встрѣчи. Потомъ онъ быстро подошелъ и поздоровался. На скамьѣ сидѣли Анна Ивановна и Таня. Анна Ивановна, при встрѣчахъ съ Громовымъ всегда испытывавшая какое-то неопредѣленное, похожее на любопытство чувство, глядя теперь на его атлетическую, мужественную фигуру улыбнулась и быстро заболтала ножками, которыми она не доставала до земли. Забивъ себѣ въ голову, что Иванъ Васильевичъ соціалистъ, Анна Ивановна искренно вѣрила, будто она испытываетъ это ея странное чувство при видѣ Громова только потому, что онъ соціалистъ, а не потому, что у него такая атлетическая и мужественная фигура. Заговоривъ о какихъ-то пустякахъ, Иванъ Васильевичъ внимательно слѣдилъ, въ то же время, за быстро двигавшимися по воздуху ножками молодой женщины. Вскорѣ разговоръ перешелъ на предполагавшуюся въ ближайшее воскресенье поѣздку въ монастырь.

— Скажите, фамилія вашего знакомаго студента, который, вы говорили, поѣдетъ съ нами—Башиловъ?—спросила Ивана Васильевича Таня.

— Да, Башиловъ.

— А ты знаешь его, Таня?—уже горя любопытствомъ задала вопросъ Анна Ивановна.

— Да, я съ нимъ знакома.

— Онъ большой оригиналъ, но славный малый. Впрочемъ, для дамъ его общество едва ли интересно,—вымолвилъ Иванъ Васильевичъ.

— Это почему?—спросила Анна Ивановна.

— Онъ хромъ, наружность его самая непрезентабельная.

— А вы развѣ придаете такъ много значенія наружности?

— Хм... Если говорить о женщинахъ, то у нихъ наружность все,—отвѣтилъ Иванъ Васильевичъ и, спохватившись, замолчалъ. Онъ вспомнилъ о своей некрасивой женѣ и ему стало досадно за нечаянно сорвавшееся слово и въ то же время онъ съ восхищеніемъ посмотрѣлъ на хорошенькую и кокетливую Анну Ивановну.

— Однако, Аня, становится холодно; я пойду домой,—проговорила поднимаясь съ мѣста Таня.

— Ну что жъ, пойдемъ,—не безъ сожалѣнія отвѣтила молодая женщина. Смѣясь, всѣ дошли до дачи Одинцовыхъ. Прощаясь, Иванъ Васильевичъ нечаянно задержалъ нѣсколько долѣе, чѣмъ бы слѣдовало, въ своей рукѣ руку Анны Ивановны. Но изъ-за того, что она не поторопилась отнять руку, въ слѣдующее мгновеніе Ивану Васильевичу показалось, что это именно Анна Ивановна задержала свою руку, и мелкая дрожь пробѣжала по его спинѣ и онъ чему-то улыбнулся. Домой Иванъ Васильевичъ вернулся довольный проведеннымъ днемъ.

„Вотъ только Петръ Карповичъ немного ни того, даже совсѣмъ ни того",—подумалъ онъ, садясь за письменный столъ въ своемъ кабинетѣ и вспоминая ту единственную фразу, которую сказалъ за обѣдомъ Петръ Карповичъ. Но вспомнить ее онъ не могъ.

„Тоже и Маня", — продолжалъ думать Иванъ Васильевичъ:

„Все таки она говорила слишкомъ рѣзко, я-бы сказалъ—неосторожно"...—Громовъ досталъ изъ ящика стола толстую приходо-расходную книгу и сталъ ее перелистывать. Онъ владѣлъ недавно купленнымъ въ Петербургѣ, на деньги жены домомъ и его интересовалъ вопросъ, какимъ образомъ можно повысить доходность дома. Но нужныя мысли не шли въ голову Ивану Васильевичу. То ему приходилъ на

память Степанъ Онуфріевичъ, то вертѣлась передъ глазами и дразнила его воображеніе кокетливая Анна Ивановна. Вспомнилось также Ивану Васильевичу, что Степанъ Онуфріевичъ сейчасъ расчитываетъ на него, и ему было это съ одной стороны пріятно, а съ другой—его это нѣсколько безпокоило. Громовъ зналъ, что, задумавъ издавать газету, Степанъ Онуфріевичъ, боясь риска, предполагаетъ втянуть въ это предпріятіе вмѣстѣ съ другими и его, Ивана Васильевича. Но Иванъ Васильевичъ съ окончательнымъ отвѣтомъ медлилъ, потому что ставилъ свое участіе въ изданіи въ зависимость отъ того, пройдетъ ли Степанъ Онуфріевичъ осенью въ члены Государственной Думы.

„Да, вѣдь вотъ, пойди же ты, какой ловкій человѣкъ Степанъ Онуфріевичъ",—думалъ Иванъ Васильевичъ:

„Положимъ, онъ не только ловкій, онъ умный и талантливый человѣкъ. Послѣднее его дѣло въ судѣ, гдѣ онъ доказалъ то, что, быть можетъ, вовсе недоказуемо — для этого надо имѣть хорошую голову на плечахъ. Ну и что же? И чего добраго въ самомъ дѣлѣ будетъ членомъ Думы... Ничего мудренаго нѣтъ".—И, зажмуривъ глаза, Громовъ представилъ себѣ залъ Таврическаго дворца, шумъ толпы, говоръ депутатовъ... Всѣ ложи переполнены... Масса избранной публики, министры, весь дипломатическій корпусъ... На повѣсткѣ боевой вопросъ: обсуждается политика Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ связи... въ связи съ какимъ нибудь запросомъ. Все равно съ какимъ! Ну, съ запросомъ о какомъ-нибудь разстрѣлѣ, какихъ-нибудь рабочихъ... Вдругъ! Мертвая тишина и на трибуну подымается онъ — Иванъ Васильевичъ.—У Громова застучало сердце и дрогнула нижняя челюсть... Онъ открылъ глаза:

„И добьюсь",—проговорилъ онъ, сжимая зубы:

„И добьюсь"! — И опять, зажмуривъ глаза, онъ отдался во власть нахлынувшихъ на него мечтаній: всѣ слушаютъ съ напряженнымъ вниманіемъ рѣчь его..... А рѣчь его

хлещетъ, бьетъ и рѣжетъ... Злобой перекашиваются лица на правыхъ скамьяхъ... Нѣкоторые министры привстали со своихъ мѣстъ—они блѣдны и взволнованы... А вотъ и личико Анны Ивановны! Да, Анны Ивановны Одинцовой...

Внезапно изъ дѣтской послышался плачъ. Иванъ Васильевичъ досадливо повернулся въ креслѣ и, чувствуя, что онъ сбитъ со своихъ мыслей, захлопнулъ приходо-расходную книгу, спряталъ ее въ столъ и пошелъ въ спальную. Замѣтивъ, что при его входѣ Марья Ильинична повернулась къ стѣнѣ, онъ проговорилъ:

— Тамъ Вѣрочка плачетъ.

— Плачетъ, потому что ѣстъ сырыя яблоки, ну и портитъ себѣ желудокъ, — рѣзко отвѣтила Марья Ильинична и замолчала. Ей было досадно, что пришлось отвѣтить мужу и въ досадѣ она нервно стала перебирать пальцами наволоку подушки. Досадно же ей было потому, что, подойдя давеча къ открытому окну, она слышала смѣхъ у дачи Одинцовыхъ и голосъ своего мужа. Ей не нравился этотъ смѣхъ, какъ и самое знакомство Ивана Васильевича съ Анной Ивановной. Марья Ильинична не знала почему ей это такъ не нравится, но все же она злилась сейчасъ и на мужа, и на Анну Ивановну, и на саму себя.

VI.

Предположенная на воскресенье поѣздка въ монастырь не состоялась изъ-за того, что Таня почувствовала себя не совсѣмъ здоровой. Болѣе всѣхъ огорчена была этимъ обстоятельствомъ Анна Ивановна, которая совершенно не знала, чѣмъ занять себя въ этомъ, по ея выраженію, медвѣжьемъ углу. Въ тотъ же день она написала Жоржу отчаянное письмо, въ которомъ жаловалась, что задыхается отъ скуки и что чувствуетъ, что если онъ продержитъ ее вдали отъ себя еще мѣсяцъ, то она сойдетъ съ ума. Но, отправляя письмо,

Анна Ивановна знала, что ея жалобы останутся безотвѣтными: денежныя дѣла Жоржа были такъ плохи, что о переѣздѣ Анны Ивановны на дачу, въ Финляндію, мѣсто стоянки мужа, гдѣ она проводила до этого каждое лѣто, думать было нечего. Единственнымъ, да и то временнымъ, выходомъ для окончательно запутавшагося въ долгахъ Жоржа было помѣстить жену на лѣто, на дачу, къ своимъ родителямъ. Но при всемъ томъ Анна Ивановна плохо понимала, что значитъ, что у Жоржа нѣтъ денегъ. Собственно говоря, у него деньги были всегда, потому что Аннѣ Ивановнѣ онъ никогда въ ея мелкихъ расходахъ не отказывалъ. Поэтому жалобамъ мужа на безденежье Анна Ивановна не придавала особеннаго значенія и была увѣрена, что если даже у Жоржа мало сейчасъ денегъ, то въ будущемъ ихъ будетъ у него навѣрно много, а что до тѣхъ поръ надо потерпѣть. Но когда Аннѣ Ивановнѣ пришлось поселиться на дачѣ съ родителями мужа, тогда она терпѣть далѣе отказывалась. Аннѣ Ивановнѣ такъ хорошо было прошлые годы жить въ лагеряхъ, окруженной молодыми офицерами, товарищами Жоржа; они такъ внимательно ухаживали за ней, такъ старательно развлекали ее, что при воспоминаніи объ этомъ на ея глазахъ навертывались слезы. И теперь послѣ разстроившейся поѣздки въ монастырь, единственной свѣтлой звѣздочки на горизонтѣ, у Анны Ивановны разболѣлась голова и она заперлась у себя въ комнатѣ. Здѣсь, изъ жалости къ самой себѣ, Анна Ивановна расплакалась. Впрочемъ, къ завтраку она вышла уже здоровою и по обыкновенію оживленною. Смѣхъ и слезы чередовались у Анны Ивановны быстро: она не умѣла предаваться какому-нибудь чувству надолго. Повидавшись послѣ завтрака съ Марьей Ильиничной Громовой, Анна Ивановна и Таня рѣшили перенести поѣздку на слѣдующее воскресенье.

Въ тотъ же день Анна Ивановна встрѣтилась въ паркѣ съ Кульневыми. Анна Ивановна была уже знакома съ Пет-

ромъ Карповичемъ, а теперь была рада познакомиться съ Николаемъ Николаевичемъ. Она тотчасъ повела на него настоящую атаку:

— Ай-ай-ай, какой вы однако бука! Вы совсѣмъ не показываетесь нигдѣ. Это нехорошо! Молодые люди должны пользоваться жизнью. Не правда ли, Петръ Карповичъ? Но теперь—нѣтъ! Мы уже не оставимъ васъ въ покоѣ. Вы должны вести себя такъ, какъ всѣ: гулять, ухаживать за дамами... Развѣ это не интереснѣе, чѣмъ сидѣть за книгами? Вѣдь вы, кажется, все время сидите за книгами? Что вы читаете? Развѣ вы не устаете? Боже мой, у меня навѣрно голова заболѣла бы на вашемъ мѣстѣ.—Безъ умолка лепетала Анна Ивановна, въ то же время незамѣтно осматривая Николая Николаевича съ головы до ногъ. Молодой человѣкъ стоялъ передъ ней словно ошпаренный каскадомъ неудержимо лившихся словъ. Онъ не зналъ, улыбаться ли тому, что говоритъ Анна Ивановна, или печалиться за то, что онъ не умѣетъ вести себя такъ, какъ всѣ. Съ послѣднимъ Николай Николаевичъ былъ впрочемъ согласенъ. Онъ дѣйствительно чувствовалъ, что не умѣетъ держать себя съ посторонними, въ особенности съ женщинами. Ему казалось, что онъ не только не можетъ поддержать разговоръ, но что онъ не такъ стоитъ, не о томъ думаетъ, словомъ представляетъ самую смѣшную и нелѣпую фигуру. Поэтому Николай Николаевичъ былъ очень радъ, когда Анна Ивановна наконецъ ушла. Но онъ чувствовалъ себя и потомъ смущеннымъ. Къ своей досадѣ онъ сознавалъ, что ничего не вынесъ изъ разговора съ Анной Ивановной, не помнилъ даже, о чемъ она говорила съ нимъ. Онъ не допускалъ, что, въ сущности, Анна Ивановна ни о чемъ и не говорила.

Между тѣмъ молодая женщина, по возвращеніи домой, увидѣвъ Таню, поспѣшила ей сообщить о своемъ новомъ знакомствѣ.

— Очень, очень милый молодой человѣкъ. Немножко

дикарь, но у него правильныя черты лица и вообще онъ производитъ впечатлѣніе.... Вѣроятно нервный и болѣзненный, но у него прекрасные глаза.... За глаза я ему готова простить все. Тебѣ обязательно надо съ нимъ познакомиться, Таня.

— Удивительно, какъ ты быстро распознаешь людей,— усмѣхнулась Таня, не желая говорить, что она уже знакома съ Николаемъ Николаевичемъ. Но Анна Ивановна не замѣтила ея усмѣшки.

— Да, ты права ma chére! Я дѣйствительно быстро разгадываю людей. У меня, какъ бы это сказать—чутье особенное на этотъ счетъ. Я тотчасъ заявила Петру Карповичу, что нахожу, что его племянникъ слишкомъ много занимается и слишкомъ мало развлекается. Я ему даже пообѣщала, что возьмусь за него. И ты знаешь, что мнѣ пришло въ голову? Я хочу, чтобы онъ ѣхалъ съ нами въ монастырь. Что ты на это скажешь? Надо передать объ этомъ Громову.— И не ожидая отвѣта Тани, Анна Ивановна, съ новой поставленной себѣ задачей, вышла въ садъ. Тамъ она начала ходить по крайней дорожкѣ, у изгороди, отдѣлявшей садъ отъ сада Громовыхъ. Анна Ивановна была увѣрена, что Иванъ Васильевичъ выйдетъ изъ дома и она пробовала даже его гипнотизировать въ этомъ направленіи. Дѣйствительно, черезъ какихъ-нибудь четверть часа Иванъ Васильевичъ, проводившій воскресенье дома, быстро сбѣжалъ со ступней крыльца и подошелъ къ Аннѣ Ивановнѣ. Поздоровавшись съ нимъ, молодая женщина передала ему о своемъ желаніи, чтобы въ прогулкѣ по озеру участвовалъ Николай Николаевичъ.

— Все, что вы скажете, будетъ сдѣлано,—отвѣтилъ Громовъ.

— Ну, ужъ будто-бы все?—лукаво улыбнулась Анна Ивановна.

— Рѣшительно все,—повторилъ Иванъ Васильевичъ.

— Ну, смотрите же, я васъ поймаю когда-нибудь на словѣ.

— Никогда! И если нѣтъ, то останетесь моей должницей.

— Это еще что?—краснѣя, спросила Анна Ивановна, оттого становясь еще привлекательнѣе:

— вы меня пугаете. Вы можете потребовать отъ меня Богъ знаетъ чего. Нѣтъ, я такъ не хочу. Я люблю держать пари только на что-нибудь опредѣленное, на то, что я знаю заранѣе,—болтала она, уже увѣренная, что между нею и Громовымъ дѣйствительно возникаетъ относительно чего-то пари.

— На что же?—медленно произнесъ Иванъ Васильевичъ, блестящими глазами глядя на маленькую женщину

— Это ваше дѣло.

— Да, но выборъ для меня затруднителенъ. Я боюсь прогадать.

— Ха-ха-ха, требуйте тогда сразу чего-нибудь большого. Ну, смѣлѣе! Говорите скорѣй, я не люблю, когда тянутъ,—сверкая своими зубками, торопила Анна Ивановна, чуствуя, что оставаться долѣе съ Громовымъ становится неудобнымъ.

— Хм.... Ну, я потребую, если вы проиграете, чтобы вы дали мнѣ поцѣловать вашу ручку,—самъ пугаясь того, что онъ говоритъ, вымолвилъ Громовъ.

— Только-то?—съ хохотомъ воскликнула Анна Ивановна, убѣгая прочь, тогда какъ Иванъ Васильевичъ отъ неожиданности отступилъ шагъ назадъ.

„Что же это въ самомъ дѣлѣ такое? Наивность это? Или... или это чортъ знаетъ что такое".—Но не успѣлъ онъ разобраться въ этомъ вопросѣ, какъ у окна дачи показалась Марья Ильинична.

— Ваня! Пойди сюда, я тебѣ разскажу, какую я интересную книгу прочла о парижскихъ коммунарахъ,--громко проговорила она. Лицо Ивана Васильевича передернулось гримасой, но онъ поспѣшилъ на зовъ.

— Удивляюсь тебѣ, Ваня,—заговорила Марья Ильинична, откладывая книгу въ сторону: — ты, умный человѣкъ, находишь о чемъ-то темы для разговоровъ съ этой бабенкой.

Марья Ильинична произнесла все это самымъ спокойнымъ тономъ, въ то время какъ въ груди ея что-то сжималось и хотѣло громко кричать. Иванъ Васильевичъ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Я тоже тебѣ удивляюсь, Маня, что ты изъ каждаго пустяка дѣлаешь цѣлую исторію. Если тебѣ угодно знать, весь разговоръ состоялъ въ томъ, чтобы пригласить на пикникъ молодого Кульнева.—И прибѣгнувъ къ этой маленькой лжи, Иванъ Васильевичъ примирительно взялъ жену за руку. Но Марья Ильинична сама уже раскаивалась въ своихъ словахъ.

— Николая Николаевича Кульнева? — торопливо заговорила она. — Ну, этотъ мѣшокъ едва ли сдвинется съ мѣста. Удивительный субъектъ! За всѣ три раза, что мы были у нихъ, онъ не счелъ нужнымъ даже выйти изъ своей комнаты. Впрочемъ, отчего же его не пригласить? Чѣмъ больше будетъ народу, тѣмъ будетъ веселѣй. Башилова я уже предупредила, что поѣздка отложена.

— Да? Ну, и прекрасно! Такъ я, пожалуй, схожу къ Кульневымъ? — вопросительно глядя на жену и цѣлуя ея руку, проговорилъ Иванъ Васильевичъ.

— Ступай, только не сиди долго... Черезъ часъ обѣдъ. Кстати, когда пойдешь, посмотри, нѣтъ ли гдѣ дѣтей. Ушли въ двѣнадцать часовъ и какъ въ воду канули. Сколько разъ я говорила Матренѣ не уходить далеко отъ дома.

— Хорошо, мой другъ,—отвѣтилъ Иванъ Васильевичъ и пошелъ къ Кульневымъ.

Проходя мимо дачи Одинцовыхъ, Иванъ Васильевичъ замѣтилъ у одного изъ оконъ стоявшую Анну Ивановну. Откинувшись, она расчесывала гребнемъ свои густые, бѣлокурые волосы и, какъ показалось Ивану Васильевичу, уви-

дѣвъ его, она улыбнулась и быстро отвела глаза. Громовъ сдѣлалъ нѣсколько неувѣренныхъ шаговъ, не зная, остановиться ему, или идти дальше. Ему хотѣлось остановиться.

„Нѣтъ, конечно, надо идти. У другого окна можетъ ктонибудь стоять. Наконецъ, для чего это? Но вотъ... вотъ она опять посмотрѣла и опять смѣется. Чего же она смѣется? Смотритъ на меня и смѣется“... Иванъ Васильевичъ обернулся, но молодой женщины не было больше видно.

„Ахъ, какъ она хороша! Какъ она бѣсовски хороша! И потомъ, чего она хочетъ? Или мнѣ все это кажется? Неужели все это только кажется?“—подумалъ онъ, набавляя шагъ.

Кульневыхъ Иванъ Васильевичъ засталъ садившимися за обѣдъ.

— А! Иванъ Васильевичъ! Прошу покорно!—привѣтствовалъ гостя Петръ Карповичъ, на самомъ дѣлѣ вовсе недовольный его приходу.

— А я по вашу душу,—обратился Громовъ къ Николаю Николаевичу, беря стулъ и присаживаясь къ столу.

— Сердца покоряете, батенька! Прямо-таки сердца покоряете у мѣстныхъ дачницъ. Я къ вамъ посланцемъ. Вы знакомы съ Одинцовой, съ Анной Ивановной? Не правда ли, какая эффектная женщина? Ну, такъ вотъ она проситъ васъ принять участіе въ организуемомъ нами пикникѣ.

И Иванъ Васильевичъ началъ подробно разсказывать о предстоящей поѣздкѣ въ монастырь. Петръ Карповичъ слушалъ его, нисколько не удивляясь, что приглашаютъ его племянника. Старикъ былъ увѣренъ, что лучше его Николеньки нѣтъ и не можетъ быть никого, и радъ былъ, что ему представляется возможность разсѣяться и хоть на одинъ день устроить перерывъ въ своихъ занятіяхъ. Усиленная работа, въ которую ушелъ молодой человѣкъ, не на шутку пугала Петра Карповича, тѣмъ болѣе, что за послѣдніе дни Николай Николаевичъ замѣтно нервничалъ. Зная слабый организмъ племянника, Петръ Карповичъ боялся переутом-

ленія. И теперь старикъ съ грустью и заботой слѣдилъ за тѣмъ, что Николай Николаевичъ едва дотрагивается до подаваемыхъ старой Аксиньей на столъ кушаній и изъ своихъ наблюденій дѣлалъ невеселые выводы. По всему этому Петръ Карповичъ принялся горячо поддерживать приглашеніе Громова. Но Николая Николаевича приглашеніе это мало обрадовало. Время для него было теперь дорого, а своимъ присутствіемъ, онъ былъ увѣренъ, что не доставитъ никому никакого интереса. Однако, Иванъ Васильевичъ убѣдительно доказывалъ, что отказываться нельзя, что Одинцовы будутъ обижены, что и его жена, Марья Ильинична, настоятельно проситъ его ѣхать и что, наконецъ, если онъ не поѣдетъ, то разстроитъ всю компанію.

— Нѣтъ, нѣтъ, вопросъ рѣшенъ и никакихъ отговорокъ не принимается, — заключилъ свои соображенія Иванъ Васильевичъ и поторопился перевести разговоръ на другое.

— Кстати, Петръ Карповичъ, — обратился онъ къ старику:—мы всѣ весьма сожалѣли, что вы такъ скоро ушли отъ насъ въ прошлый разъ. Мы еще долго сидѣли и дружески бесѣдовали.

И желая сгладить непріятное впечатлѣніе, которое могло остаться у Петра Карповича отъ его посѣщенія, Иванъ Васильевичъ въ осторожныхъ словахъ вернулся къ тѣмъ вопросамъ, о которыхъ шла рѣчь въ его домѣ. Иванъ Васильевичъ избѣгалъ рѣзкихъ столкновеній съ людьми, по крайней мѣрѣ тогда, когда это не вызывалось надобностью, но онъ любилъ обмѣняться взглядами и не прочь былъ высказать свои собственные взгляды. Ивану Васильевичу пріятно было сознавать и имѣть право не скрывать, что онъ, человѣкъ умный, независимый и состоятельный, который, казалось-бы, въ своихъ личныхъ интересахъ долженъ былъ оставаться консервативнымъ, заинтересованнымъ въ сохраненіи прежняго порядка вещей, что онъ, тѣмъ не менѣе, человѣкъ широкихъ взглядовъ, защитникъ въ мѣру

его силъ, оскорбленныхъ и угнетенныхъ. Упомянувъ о близости выборовъ въ новую Государственную Думу и о несовершенствѣ избирательнаго закона, всецѣло поддерживающаго имущіе классы населенія, вспомнивъ о Степанѣ Онуфріевичѣ Кубанцевѣ—Ивану Васильевичу пріятно было вспомнить о Кубанцевѣ—онъ упрекнулъ правительство въ неискренности, а общество, которое остается равнодушнымъ къ самымъ вопіющимъ правонарушеніямъ, въ косности. Потомъ Иванъ Васильевичъ заговорилъ объ университетахъ, о студенчествѣ и профессурѣ, которымъ говорятъ: „учитесь и учите", но не даютъ ни учиться, ни учить.

— Да вотъ, вы—человѣкъ, близкій къ университету, что вы скажете о положеніи въ немъ?—обратился Громовъ къ Николаю Николаевичу. Но тотъ, занятый для него одного интересными мыслями, плохо слушалъ Ивана Васильевича. Взглянувъ на него и прищуривъ глаза, Николай Николаевичъ промолвилъ:

— Это вы относительно политики? Нельзя служить Богу и мамонѣ.

— То-есть, какъ это такъ? Вы что же—совсѣмъ политику исключаете?—откидываясь на спинку стула, спросилъ, не ожидавшій ничего подобнаго, Громовъ.

— Да о какой политикѣ вы говорите? О политикѣ Башилова? Или о политикѣ министра народнаго просвѣщенія? Или о политикѣ японскаго микадо? Вѣдь у каждаго изъ нихъ своя политика и лучшая изъ нихъ—самаго честнаго изъ нихъ.

— Позвольте, я имѣю въ виду политику въ болѣе общемъ ея значеніи. Я говорю о политикѣ государствъ, общественныхъ группъ, партій... Взгляните на Западъ...

— Ахъ, вотъ какая политика! Да, такую политику я исключаю. На Западѣ люди не лучше и не нравственнѣе, и та же бѣдность наряду съ богатствомъ, и тотъ же голодъ наряду съ пресыщеніемъ.—Иванъ Васильевичъ заерзалъ на стулѣ:

— Но тамъ представительство интересовъ... тамъ возможность борьбы за лучшее будущее...

— Какой борьбы? Укажите мнѣ борьбу безъ насилія, — живо перебилъ Громова Николай Николаевичъ:

— Право стачекъ? Но развѣ рабочіе и ихъ семьи тогда не голодаютъ? Что еще? Нѣтъ! Подальше отъ такой политики, подальше! — Молодой человѣкъ всталъ со стула и нервно заходилъ по комнатѣ. Петръ Карповичъ, весь ушедшій во вниманіе, тревожно слѣдилъ за нимъ.

— Господа отъ политики представляются мнѣ людьми глухими и слѣпыми. Они гоняются за призраками и вѣрятъ, будто дѣлаютъ важное и нужное дѣло. Ха-ха-ха... Важное дѣло! Какая-то неясная цѣль, къ которой бѣгутъ взапуски, другъ друга давятъ, спотыкаются, падаютъ, поднимаются и опять бѣгутъ, давно уже бѣгутъ, а все добѣжать не могутъ.

— Добѣгутъ!—промолвилъ Иванъ Васильевичъ, къ удивленію своему замѣчая, что разговоръ отъ него такъ легко перешелъ къ молодому Кульневу.

— Нѣтъ, не добѣгутъ! — покачалъ головой Николай Николаевичъ:

— Я не вѣрю, что дворнику Сидору или Пахому легче служить оттого, что у него хозяинъ соціалъ-демократъ, проповѣдующій равенство будущихъ человѣковъ. Я не вѣрю...—Но тутъ Николай Николаевичъ запнулся, замѣтивъ, что Петръ Карповичъ дѣлаетъ ему какіе-то знаки глазами. Молодой человѣкъ потеръ лобъ рукой, взглянулъ на Петра Карповича, потомъ на Ивана Васильевича и воскликнулъ:

— Ахъ ты, вѣчная моя разсѣянность! Простите, я забылъ, что вѣдь и вы домовладѣлецъ, хотя, къ моему утѣшенію, не соціалъ-демократъ.—Иванъ Васильевичъ черезъ силу улыбнулся, и поднялся со своего мѣста:

— Это правда, что я не соціалъ-демократъ, но, къ своему удовольствію, я домовладѣлецъ. Однако, засидѣлся у васъ, пора бѣжать... Помните же нашъ уговоръ, Николай Николаевичъ, насчетъ поѣздки въ воскресенье, — проговорилъ онъ и, пожавъ руки хозяевамъ, поспѣшно вышелъ изъ дома.

VII.

Былъ жаркій день. Въ воздухѣ стояла та томительная тишина, которая почти всегда бываетъ передъ грозою.

Петръ Карповичъ въ одномъ бѣльѣ ходилъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ, то останавливаясь и разводя въ недоумѣніи руками, то снова принимаясь шагать. Одна мысль неотступно преслѣдовала Петра Карповича: онъ видѣлъ, что у племянника начинается тотъ душевный разладъ, который характеризуется недовольствомъ собою и апатіей къ окружающему и причина котораго лежитъ въ утомленіи ума. Страхъ Петра Карповича начиналъ повидимому оправдываться. Нѣсколько дней, какъ Николай Николаевичъ жаловался на тяжесть въ головѣ и на невозможность сосредоточиться въ работѣ и раздражался изъ-за всякаго пустяка. Время между тѣмъ шло и каждый день для молодого человѣка имѣлъ значеніе. Петръ Карповичъ терялъ голову, не зная чѣмъ помочь ему.

— „Что дѣлать? Что дѣлать?"—растерянно шепталъ онъ, какъ будто разговаривая съ кѣмъ-то другимъ, бывшимъ въ комнатѣ:

— „Да, что дѣлать!"—тотчасъ отвѣчалъ онъ самому себѣ:

— „Меньше работать. Этакъ можно окончательно загубить себя".— Но едва Петръ Карповичъ заикался о работѣ въ присутствіи племянника, какъ тотъ вскипалъ, и Петръ Карповичъ терпѣлъ пораженіе. И сейчасъ старикъ ходилъ самъ не свой изъ-за размолвки, происшедшей у него съ Николаемъ Николаевичемъ, рѣшительно заявившимъ, что онъ отказывается отъ предположенной Одинцовыми на сегодня поѣздки въ монастырь.

Молодой человѣкъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ, досадуя на свою ссору съ Петромъ Карповичемъ. Онъ чувствовалъ, что долженъ пойти и успокоить старика, но ему было тя-

жело сдвинуться съ мѣста и онъ зналъ, что, начавъ говорить, онъ будетъ говорить не то, что надо, и что разговоръ въ концѣ концовъ не успокоитъ ни его, ни Петра Карповича.

„И далась же дядюшкѣ эта поѣздка!"—думалъ онъ:

„Очень, подумаешь, она нужна! Ну, и поѣду, если ему такъ хочется. Брошу все и поѣду".—Но вмѣсто того, Николай Николаевичъ склонилъ голову на руки и закрылъ глаза. Ему ничего не хотѣлось, или хотѣлось одного—покоя. Онъ не замѣтилъ, какъ изъ его руки выпала на лежавшій передъ нимъ исписанный листъ бумаги вставочка и попачкала страницу. Онъ сидѣлъ въ такомъ положеніи долго, пока внезапно не услышалъ за окномъ чей-то громкій голосъ. Онъ открылъ глаза, передъ нимъ стоялъ Громовъ.

— Николай Николаевичъ, что же вы? Мы васъ ждемъ. Всѣ въ сборѣ.... Вѣдь вы обѣщали? Я наконецъ поручился за васъ передъ Одинцовыми.

— Да, да,—заторопился Николай Николаевичъ, пряча въ столъ работу:

— Я сейчасъ.... сію минуту.... Но развѣ въ самомъ дѣлѣ такъ нужна эта поѣздка? Однако, нѣтъ, я не отказываюсь. Дядюшка!—закричалъ онъ, открывая дверь изъ комнаты:

— Вотъ, вы хотѣли, чтобъ я ѣхалъ! Я ѣду,—нервно заговорилъ онъ, но потомъ, взявши въ руки шляпу, онъ подошелъ къ Петру Карповичу и похлопалъ его по плечу:

— Не сердитесь, дядюшка. Но если бы вы знали, какъ не хочется мнѣ никого видѣть сейчасъ.

— Что ты, что ты, Колюшка! Съ чего же мнѣ на тебя сердиться?—забезпокоился старикъ, въ то же время довольный неожиданному повороту дѣла.

— И какъ это тебѣ могла такая дикая мысль въ голову прійти! Поѣзжай, мой другъ. Повѣрь, это тебѣ будетъ полезно. Не возьмешь ли съ собой зонтикъ, вѣдь жарко?—хлопоталъ Петръ Карповичъ:

— Нѣтъ? Ну, такъ можетъ мою шляпу одѣнешь? У ней поля пошире, а то какъ разъ голову напечетъ.—Но Николай Николаевичъ отказался и отъ шляпы Петра Карповича и, пожавъ его руку, вышелъ къ поджидавшему Громову. А Петръ Карповичъ, не желая показываться въ одномъ бѣльѣ, спрятался за занавѣску и оттуда сталъ слѣдить за уходившими молодыми людьми.

— Другъ мой! Милый мой другъ!—шепталъ онъ вслѣдъ племяннику.

Между тѣмъ, на берегу озера собралась цѣлая компанія. Кромѣ Анны Ивановны и Тани Одинцовыхъ, тамъ были Марья Ильинична Громова, Башиловъ и незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшій изъ лагерей Кравцовъ.

Двѣ недѣли не показываясь къ Одинцовымъ, Кравцовъ собрался къ нимъ неожиданно для самого себя, передъ самымъ отходомъ поѣзда. Еще наканунѣ мысль о поѣздкѣ въ Лыково онъ отгонялъ отъ себя. Ему казалось, что чѣмъ видѣть Таню такой, какой она была въ послѣдній разъ, лучше вовсе ее не видѣть. Онъ не могъ забыть, что Таня, въ утро отъѣзда его, не разговаривала съ нимъ, но онъ забылъ, что онъ самъ не разговаривалъ съ нею.

„А ея признаніе? Желаніе кого-то разгадать? О, если бы это не было признаніемъ",—думалось Кравцову и онъ сжималъ зубы и гналъ отъ себя всѣ воспоминанія. Но они возвращались, въ душѣ возникали новыя сомнѣнія, и онъ хотѣлъ получить на нихъ отвѣтъ. И все же Кравцовъ не поѣхалъ бы, если бы въ воскресенье утромъ къ нему въ баракъ не зашелъ Жоржъ.

— Ты въ Лыково не поѣдешь?—спросилъ онъ пріятеля.

— А ты?

— Я, нѣтъ. Я вечеромъ въ клубъ поѣду,—улыбнулся Жоржъ.

Въ послѣднее время, пользуясь близостью Петербурга, Жоржъ чуть не черезъ день ѣздилъ изъ лагерей въ одинъ

изъ петербургскихъ клубовъ, гдѣ велъ очень удачную для себя игру въ карты. Какъ всѣ игроки, вѣря въ полосу „везенія“ и „невезенія“, Жоржъ хотѣлъ не выпускать дававшагося ему въ руки счастья, и чтобы лишній разъ побывать въ клубѣ, онъ отложилъ на недѣлю свою поѣздку въ Лыково.

— Охъ, смотри, Жоржъ, продуешься,—замѣтилъ ему Кравцовъ.

Типунъ тебѣ на языкъ. Но съѣзди ты. Объясни кстати чѣмъ-нибудь мое отсутствіе,—попросилъ Жоржъ. Кравцовъ не заставилъ себя долго уговаривать. Толчокъ былъ данъ, причина для поѣздки была найдена, и за нѣсколько секундъ до отхода поѣзда онъ былъ на станціи.

Таня встрѣтила Кравцова дружелюбно. Но хотя она ничего кромѣ привѣтствія не успѣла сказать ему, взглянувъ на нее, Кравцовъ понялъ, что пріѣзжать ему было не надо. Смутный страхъ пробудился въ немъ и ему почудилось, что онъ стоитъ передъ объясненіемъ этого страха. Все въ Танѣ было прежнее, она оставалось такой, какой онъ всегда представлялъ ее себѣ, но именно потому, что она была такой, какой онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ, когда въ немъ зародились его сомнѣнія, онъ и почуствовалъ свой страхъ.

„Вотъ и этотъ монастырь“,—подумалъ Кравцовъ, узнавъ, что онъ пріѣхалъ къ самому отъѣзду Одинцовыхъ:

„все одно къ одному.... все какъ-будто нарочно складывается. Ну, и пусть себѣ, и очень радъ“... Взявъ изъ рукъ Анны Ивановны корзину съ заготовленной провизіей, Кравцовъ пошелъ слѣдомъ за Одинцовыми къ озеру. Тамъ онъ познакомился съ Громовыми, вспомнивъ, что Громова Жоржъ прозвалъ „сицилистомъ“, и съ Башиловымъ, который сразу же произвелъ на него непріятное, почти отталкивающее впечатлѣніе. А Башиловъ, сколько умѣлъ, привелъ себя въ нарядный видъ: онъ побрился и почистился.

Отойдя на нѣсколько шаговъ въ сторону, Кравцовъ сталъ прислушиваться къ разговору. Башиловъ продолжалъ громкій, прерванный приходомъ Одинцовыхъ, споръ съ Марьей Ильиничной. Они говорили о сравнительной пользѣ классической литературы и точныхъ наукъ.

„Врешь и врешь“, — началъ повторять про себя за каждымъ словомъ Башилова Кравцовъ:

„Ничего ты въ наукѣ не понимаешь, ни бельмеса..... все врешь, знаю, что врешь“, — и, брезгливо поморщившись, Кравцовъ поднялъ съ земли прутъ и сталъ бить имъ себя по колѣну.

— А гдѣ же Николай Николаевичъ?—обратилась къ Громову Анна Ивановна.

— Кульневъ? Онъ сейчасъ будетъ,—отозвался Иванъ Васильевичъ и быстро зашагалъ къ парку.

— И куда онъ сорвался? Точно съ цѣпи!—съ сердцемъ подумала Марья Ильинична, не прерывая разговора съ Башиловымъ.

„Кульневъ“! — заслышавъ слова Анны Ивановны, прошепталъ Кравцовъ:

„Да, Кульневъ! Конечно, не Башиловъ и не господинъ сицилистъ.... Конечно, нѣтъ“!—И взглянувъ на Таню, онъ, или это ему показалось, прочелъ въ глазахъ ея то, чего никто-бы не прочелъ—ожиданіе.

Между тѣмъ Таня, найдя одиноко росшую въ травѣ ромашку, задумавшись, принялась обрывать лепестки ея.

„Будетъ, не будетъ“,—слѣдя за движеніями дѣвушки, шепталъ Кравцовъ:

Будетъ! — громко проговорилъ онъ, словно угадывая ея мысль. Таня вздрогнула, обернулась на него и повела плечами. Въ то же мгновеніе изъ парка показались шедшими Николай Николаевичъ и Громовъ.

„Конечно, будетъ“, — подумалъ Кравцовъ, пристально всматриваясь въ подходившаго Кульнева.

Поздоровавшись со всѣми, Николай Николаевичъ познакомился съ Кравцовымъ.

„Вотъ онъ какой! Да, такъ вотъ онъ какой!“ — почти вслухъ выговорилъ Кравцовъ, пожимая руку молодого человѣка.

Вскорѣ все общество размѣстилось въ лодкѣ, поставивъ на дно ея запасенныя Анной Ивановной и Громовыми корзины съ закусками и посудой. На весла сѣли Иванъ Васильевичъ и Кравцовъ, а у руля помѣстилась Анна Ивановна. Послѣ нѣсколькихъ взмаховъ веслами, лодка быстро стала отходить отъ берега. Анна Ивановна заявила, что она требуетъ отъ гребцовъ полнаго къ себѣ повиновенія:

— Я желаю быть, какъ командиръ корабля въ морѣ.... Всѣ должны быть мнѣ послушными —Марья Ильинична, сидѣвшая на скамьѣ рядомъ съ Башиловымъ, саркастически улыбнулась:

— Не дай Богъ, если лодка наша будетъ изображать собой военный корабль. Тогда жизнь наша въ опасности.

— Вы такъ мало довѣряете мнѣ?—съ улыбкой спросила ее Анна Ивановна.

— О, нѣтъ! Я не говорю о командирахъ. Они выше всякой похвалы. Но суда-то у насъ ненадежныя: они то и дѣло кончаютъ жизнь самоубійствомъ.—Всѣ, не исключая Тани и Кульнева, разсмѣялись.

Самыя разнородныя чувства испытывала Таня, приготовляясь къ поѣздкѣ въ монастырь. Она была довольна ей.

Она не задумывалась надъ тѣмъ, почему она довольна, но когда она собралась идти къ озеру, ей казалось, что все вокругъ нея улыбается, кромѣ одного, неожиданно пріѣхавшаго и такого мрачнаго на видъ Кравцова. Но если ему было угодно на что-то дуться, можетъ быть даже на нее, то что же ей оставалось дѣлать? Въ чемъ она передъ нимъ виновата? Да и можно ли вообще говорить, что она

виновата передъ нимъ? Что ему въ ней не нравится? А ей то ужъ навѣрно не нравится его молчаніе и весь его какой-то дикій, неприступный видъ. Ну, и пусть остается при своемъ! Каждый живетъ для себя и дѣлаетъ то, что хочетъ, а Таня хотя и ничего, рѣшительно ничего не хочетъ, но ей просто весело и она довольна поѣздкѣ въ монастырь. Ей весело, что она молода, сильна и красива, что стоитъ жаркій, солнечный день, что поютъ птицы и что въ монастырь собирается цѣлая компанія. Но когда Таня пришла къ озеру и увидѣла однихъ Громовыхъ съ Башиловымъ, довольство ея вдругъ исчезло. Когда же Анна Ивановна замѣтила, что нѣтъ Кульнева, Таня поняла почему исчезло ея довольство и ей сдѣлалось досадно. Танѣ было досадно, когда вслѣдъ затѣмъ она вспомнила про свою послѣднюю встрѣчу съ Кульневымъ, когда онъ такъ неожиданно оборвалъ свой разговоръ съ ней и ушелъ.

„И очень можетъ быть, что не будетъ“, подумала она, срывая ромашку и обрывая у ней лепестки, въ то время, какъ Кравцовъ отвѣтилъ за нее: „будетъ!“

— Что ему надо отъ меня? Какое онъ имѣетъ право?— поведя плечами, прошептала Таня, въ то же мгновеніе замѣчая подходившаго Кульнева. Но когда она пожала его руку и взглянула въ его какіе-то особенные, открытые глаза, она забыла о словахъ Кравцова и о своей досадѣ на Кульнева и привѣтливо осмотрѣлась кругомъ себя. Попрежнему свѣтило солнце въ небѣ, и пѣли птицы, и съ тихимъ журчаніемъ плескалась у ея ногъ вода и все кругомъ нея улыбалось. Таня прыгнула въ лодку, покосившись на сѣвшаго съ ней рядомъ Кульнева. Когда лодка отчалила, Таня встрѣтилась взглядомъ съ Башиловымъ.

„Да, такъ что онъ мнѣ говорилъ?“ — вспомнила она свой разговоръ со студентомъ:

„Онъ говорилъ, что мнѣ нуженъ какой-то гроссъфурьеръ, который по паркету ходитъ, все равно какъ рыба

въ водѣ плаваетъ, а что онъ, Кульневъ, смотритъ вонъ куда".— И она подняла свою голову кверху, гдѣ разстилались голубыя, прозрачныя небеса......

Между тѣмъ Марья Ильинична, недовольная мужемъ, который всячески старался предупредить каждое желаніе Анны Ивановны, не сводила глазъ съ молодой женщины. Ей все больше и больше она не нравилась.

„Ха-ха-ха..... Собралась въ монастырь и затянулась въ корсетъ..... Нацѣпила какія-то украшенія на себя..... завилась, видно, что завилась",—думала Марья Ильинична, разсматривая Анну Ивановну со всѣхъ сторонъ. И вдругъ Марьѣ Ильиничнѣ захотѣлось въ чемъ-нибудь поддѣть молодую женщину.

— Вы бываете на художественныхъ выставкахъ? Вы любите искусства?—обратилась она къ ней съ улыбкой.

— Да, бываю! Да, люблю! — отвѣтила Анна Ивановна, удивленно подымая брови, какъ будто собираясь расплакаться. Ей совсѣмъ не хотѣлось говорить сейчасъ о выставкахъ и объ искусствѣ и ей меньше всего хотѣлось говорить съ Марьей Ильиничной.

— Вы отдаете предпочтеніе натуралистической школѣ или современному модернизму? — снова спросила ее Марья Ильинична. Марья Ильинична была увѣрена, что она понимаетъ искусство и во всякомъ случаѣ понимаетъ его лучше, чѣмъ Анна Ивановна.

„Посмотримъ, что она отвѣтитъ мнѣ", — подумала она усмѣхаясь.

— Искусство есть изображеніе тайнаго, — вмѣшался въ разговоръ Башиловъ:

-- я требую отъ искусства откровеніе невѣдомаго. Въ этомъ все содержаніе искусства.

„Врешь, вижу, что все врешь", — прошепталъ Кравцовъ и затѣмъ рѣзко обратился къ студенту:

— Что вы разумѣете подъ невѣдомымъ?

— То, чего я не знаю,—не моргнувъ глазомъ отвѣтилъ Башиловъ, искоса взглядывая на Таню. Онъ какъ будто хотѣлъ знать, какое впечатлѣніе на нее производятъ его слова. Кравцовъ сдвинулъ брови. Отвѣтъ Башилова ничего ему не объяснилъ.

„Чего я не знаю! Что я не знаю? Чортъ его знаетъ о чемъ онъ говоритъ",—подумалъ онъ, но говорить съ Башиловымъ у него пропала всякая охота. Наоборотъ, Марья Ильинична, заслышавъ твердый голосъ студента, насторожилась. Ей въ самомъ дѣлѣ въ словахъ его показалось скрытымъ какое-то содержаніе и она ждала продолженія его мысли.

— Что вы скажете?—негромко обратилась Таня къ Кульневу. Николай Николаевичъ, слушавшій съ улыбкой весь предыдущій разговоръ, сдѣлалъ усиліе надъ собой, чтобы не разсмѣяться.

— Я скажу,—промолвилъ онъ съ такимъ-же серьезнымъ видомъ, съ какимъ говорилъ Башиловъ:

— что Башиловъ—великій мастеръ искусства, потому что сказанное имъ относится именно къ области невѣдомаго и мы никогда не будемъ знать, что онъ намъ сказалъ.—Таня, Анна Ивановна и Громовъ засмѣялись.

„Такъ вонъ онъ какой! Вотъ онъ какой" — снова мелькнула мысль у Кравцова. Башиловъ сердито посмотрѣлъ на Николая Николаевича и лицо его передернулось судорогой:

— Ты все таки не того, совсѣмъ не того.... не изъ той оперы, —заговорилъ онъ оставляя свой прежній увѣренный тонъ:

— Я вѣдь только въ защиту модернизма. Взгляни на новыя картины, прочти новыхъ поэтовъ—у нихъ ты не найдешь переливанья изъ пустого въ порожнее и разсказовъ о томъ, что я ее люблю, она меня любитъ, мы оба другъ друга любимъ..... Ищутся новые пути. И я повторяю, — уже

твердо закончилъ свои разсужденія Башиловъ,— что современное искусство тѣмъ по крайней мѣрѣ значительно, что оно говоритъ о намъ невѣдомомъ.

— Ахъ, да, да, да.....— вдругъ залепетала Анна Ивановна:

— Совершенно невѣдомое и непонятное. Помнишь, Таня, ты заучила какое-то стихотвореніе одного изъ новыхъ поэтовъ и всѣхъ просила объяснить тебѣ, что онъ написалъ и никто не могъ объяснить тебѣ этого?—Таня разсмѣялась.

— Какое это стихотвореніе, Татьяна Павловна?— спросилъ Кульневъ.

— Я, кажется, его забыла. Впрочемъ, нѣтъ.... Нѣкоторыя строфы я помню. Начинается оно такъ:

Тѣлу звѣриному красное,
Зеленое тѣлу растенія.
Пойте свѣченье согласное,
Жизнь—это счастіе пѣнія.

И потомъ еще:

Кровь сокровенна звѣриная,
Страшная, быстрая, жгучая,
Львиная или орлиная,
Празднуетъ въ праздникѣ—мучая.
Слитность законченныхъ рѣкъ,
Кровью живетъ человѣкъ.

Снова дружный хохотъ прервалъ слова Тани. Всѣ заговорили, кто противъ, кто въ защиту современнаго искусства. Молчалъ одинъ Кравцовъ. Онъ давно пересталъ грести, наблюдая за Таней и Кульневымъ. И вдругъ, одинъ взглядъ Тани, брошенный ею на молодого человѣка, ожегъ его мозгъ, и какая-то тяжесть навалилась на грудь ему. Кравцовъ понялъ то, чего онъ такъ боялся, хотѣлъ и избѣгалъ понять.

Вскорѣ лодка причалила къ берегу, и всѣ съ шумомъ принялись изъ нея выходить. Рѣшено было подняться на высокій берегъ острова и расположиться у опушки недалеко отстоявшей рощи. Впереди пошли Таня и Кульневъ. Таня съ чисто дѣвичьимъ любопытствомъ присматривалась къ Кульневу. Идя съ нимъ, она испытывала какое-то странное чувство увѣренности и покоя. Они шли не торопясь и негромко разговаривая между собою. Внезапно тишину лѣтняго воздуха разбудили удары монастырскаго колокола. Заблаговѣстили къ вечернѣ. Кульневъ остановился.

— Какъ хорошо! Не правда ли, Татьяна Павловна?

— Чудесно! — отвѣтила Таня и, опустивъ глаза, продолжала:

— Вы любите стихи, Николай Николаевичъ? Конечно, не тѣ, о которыхъ говорилъ Башиловъ. Мнѣ вспомнилось сейчасъ стихотвореніе Козлова:

Вечерній звонъ, вечерній звонъ,
Какъ много думъ наводитъ онъ.

— Это любимые стихи моего дядюшки.

— Ахъ, правда? Какой хорошій, какой добрый старикъ Петръ Карповичъ. Я его очень люблю, — совсѣмъ просто вырвалось у Тани.

— Онъ вамъ платитъ тѣмъ же, Татьяна Павловна. — Таня зардѣлась и пошла впередъ.

Въ то же время остальная компанія подымалась въ гору вразбродъ. Кравцовъ и Башиловъ несли каждый въ рукахъ по корзинѣ. Хромой Башиловъ съ трудомъ тащилъ свою ношу, то и дѣло взглядывая на своего рослаго спутника. Ему хотѣлось заговорить съ нимъ, но онъ рѣшительно не зналъ о чемъ и потому изрѣдка бросалъ, ни къ кому не обращаясь, отдѣльныя, ничего не выражающія фразы:

— Хм... жарко! И чортъ его знаетъ, откуда такая жара берется? Положимъ, день солнечный, ясный, вотъ и жарко.

Особенно въ гору подыматься.—Но Кравцовъ не слушалъ того, что говорилъ студентъ, а слышалъ только его голосъ и такъ же безсознательно, какъ все, что онъ дѣлалъ сейчасъ, онъ повторялъ про себя:

„Врешь, все врешь“.

— Хорошо бы на лонѣ природы рюмку-другую водки перепустить. Весьма полезно...... Можно даже сказать очаровательно,—продолжалъ вслухъ разсуждать Башиловъ.

— Водки?—вдругъ останавливаясь, спросилъ Кравцовъ:

— А гдѣ достать водки?—Успокоившись отъ неожиданнаго вопроса своего молчаливаго компаньона, Башиловъ усмѣхнулся:

— Были бы деньги, металлъ презрѣнный и всѣмъ нужный.... Водку легко достать, особенно въ монастырѣ.

— Достаньте! — промолвилъ Кравцовъ, протягивая Башилову трехрублевку. Студентъ опустилъ на землю корзину, отъ которой у него затекли руки, и проговорилъ:

— Tout de suite, monsieur! А корзину вы донесете?

— Достаньте водки! — мрачно проговорилъ Кравцовъ, беря корзину въ свободную руку.

Между тѣмъ Иванъ Васильевичъ, идя подъ руку съ женой и замѣтивъ, что Башиловъ поставилъ корзину на землю, выпросталъ свою руку.

— Надо пойти помочь... Неудобно все-таки. — И онъ поспѣшно пошелъ по направленію къ Кравцову. Но Иванъ Васильевичъ вовсе не имѣлъ въ виду помочь Кравцову или Башилову, а хотѣлъ подойти къ Аннѣ Ивановнѣ, которая шла въ сторонѣ ото всѣхъ, собирая въ букетъ попадавшіеся ей на пути цвѣты. Поравнявшись съ Кравцовымъ, Иванъ Васильевичъ промолвилъ:

— Что, тяжело? Я сейчасъ помогу... Я передамъ только пару словъ отъ жены Аннѣ Ивановнѣ.

— Пари вами проиграно, — проговорилъ онъ, не доходя нѣсколькихъ шаговъ до молодой женщины.

— Фу, мой Богъ! Какъ вы меня напугали! Какое пари? Никакого пари я не держала. Вотъ, не хотите ли нести мой зонтикъ? — разсмѣялась Анна Ивановна. Она давно ждала, что Громовъ подойдетъ къ ней.

— Пари вами проиграно: господина Кульнева я доставилъ къ сроку,—напомнилъ Иванъ Васильевичъ.

— Господи! Какой вы несносный! Не сейчасъ же, я думаю, вы потребуете отъ меня уплаты?

— Нѣтъ, въ другомъ мѣстѣ,-- отвѣтилъ Иванъ Васильевичъ, чувствуя, что у него захватываетъ дыханіе.

— Однако, я не думала, что вы такъ опасны, --- разсмѣялась молодая женщина, нагоняя идущихъ впереди.

Вскорѣ всѣ, кромѣ Башилова, собрались у опушки рощи. Надумали, напившись чая, итти въ монастырь и прослушать вечерню. Анна Ивановна и Марья Ильинична захлопотали около корзинъ и самовара. Марья Ильинична продолжала слѣдить за молодой женщиной и находила въ ней все новые и новые недостатки. Анна Ивановна, по ея мнѣнію, была слишкомъ мала ростомъ, слишкомъ много вертѣлась и слишкомъ много говорила.

„И все пустяки, пустяки и пустяки“, — подумала Марья Ильинична.

Когда все общество размѣстилось на разостланномъ па травѣ пледѣ, ожидая, когда вскипитъ вода въ самоварѣ, Марья Ильинична предложила каждому высказать какое-нибудь свое желаніе. Марья Ильинична хотѣла знать желанія Анны Ивановны и мужа, готовая видѣть въ каждомъ словѣ, которое они скажутъ, какой-нибудь особенный, скрытый смыслъ.

— Ахъ, какъ это интересно! Да, да, всѣ должны высказать свое желаніе и непремѣнно правду,—съ заблестѣвшими глазами воскликнула Анна Ивановна.

— Прекрасно! За вами очередь, — улыбаясь обратилась къ ней Марья Ильинична.

— За мной? Почему же за мной? Впрочемъ, мнѣ все равно. Я желаю, — мечтательно подымая глаза, задумалась молодая женщина,

— да, я желаю быть всегда любимою. — И она обвела всѣхъ торжествующимъ взглядомъ.

— Ахъ, какъ это мило! Прелесть, прелесть, какъ мило,— кусая губы и улыбаясь промолвила Марья Ильинична.

— А теперь ваша очередь,—отнеслась къ ней Анна Ивановна.

— Я желаю, чтобъ всѣ говорили правду, какъ вы ее говорите. Что ты скажешь? — поспѣшно обернулась Марья Ильинична къ мужу. Иванъ Васильевичъ молчалъ. Онъ хотѣлъ сказать то, что было бы понятно одной Аннѣ Ивановнѣ, но ничего такого ему не приходило въ голову.

— Я хочу,—отвѣтилъ онъ, наконецъ, долгимъ взглядомъ смотря на молодую женщину:

— добиться того, что я хочу.

— Что онъ хочетъ? Ахъ, какъ все это становится несносно,—вздохнувъ, подумала Марья Ильинична. Въ дальнѣйшемъ ей неинтересны были ничьи отвѣты и она не торопилась съ вопросами. Черезъ нѣкоторое время къ разговаривающимъ изъ рощи вышелъ Башиловъ. Изъ кармановъ брюкъ его торчали горлышки бутылокъ.

— Башиловъ! Какое ваше желаніе?—спросилъ его Иванъ Васильевичъ.

— Я свои желанія вслухъ не говорю. А впрочемъ, сейчасъ я не прочь выпить водки,—отвѣтилъ студентъ, подсаживаясь къ Кравцову и передавая ему бутылку.

Услышавъ слова Башилова, Таня, сидѣвшая спиной къ Кравцову, вздрогнула и обернулась. Но она Кравцова не узнала, такой у него былъ придавленный видъ. Танѣ захотѣлось громко закричать, остановить его.

— Что онъ дѣлаетъ? Боже мой, что онъ дѣлаетъ? — твердила она, глядя, какъ Кравцовъ, наливъ въ стаканъ

водки, прильпулъ къ нему губами. Таня знала, что Кравцовъ не пьетъ и смотрѣла на него съ ужасомъ...

— Зачѣмъ онъ это дѣлаетъ? Зачѣмъ? — шептала она и невольно обращала вопросъ къ себѣ:

— Но что же случилось? Развѣ что-нибудь случилось?— Но она тотчасъ отвѣчала, что не случилось рѣшительно ничего и въ то же время чувствовала, что она совершенно безсильна остановить и образумить его. Содрогнувшись, Таня отвернулась и поднялась съ земли.

— Кто идетъ въ монастырь, господа?—обратилась она къ присутствующимъ. Идти согласились всѣ. кромѣ промолчавшихъ Кравцова и Башилова.

Уходя, Иванъ Васильевичъ попросилъ Башилова собрать всѣ пожитки и отнести ихъ къ лодкѣ.

— Вы навѣрно въ монастырь не попадете?—засмѣялся онъ.

— Да ужъ, мы тутъ Господу помолимся,—отвѣтилъ студентъ.

Таня шла медленно, тяжело дыша. Она думала о Кравцовѣ и чувствовала, что одинъ близкій ей человѣкъ вдругъ сдѣлался для нея безконечно далекимъ.

— Господи! Но развѣ я виновата чѣмъ-нибудь?—спросила она себя и опять отвѣтила:—нѣтъ, не виновата.—Таня собралась съ силами и постаралась отогнать прочь свои мрачныя мысли.

До монастыря идти было недалеко и вскорѣ все общество поднялось по ступенямъ паперти въ храмъ. Вечерня была на рединѣ. Неопредѣленное чувство какой-то жуткости охватило Таню, когда пройдя до середины храма она остановилась и осмотрѣлась кругомъ. Въ церкви было полутемно. Дневной свѣтъ, проникавшій сквозь небольшія сводчатыя окна, находившіяся на высотѣ человѣческаго роста, таялъ въ обширномъ помѣщеніи. Тускло горѣли немногія свѣчи и лампады передъ образами, неясно озаряя лики свя-

тыхъ и толпу монаховъ. Отъ всего вѣяло таинственнымъ и торжественнымъ. Пѣніе молитвъ по суровымъ монастырскимъ распѣвамъ, быстрое и безшумное движеніе служившихъ монаховъ и строгій порядокъ обрядности, все это останавливало любопытное вниманіе Тани, никогда не видѣвшей монастырскаго Богослуженія. Незамѣтно для себя Таня начала повторять слова молитвъ, которыя она слышала, и чувство покоя, отнятаго у ней Кравцовымъ, снова вернулось къ ней. Таня не понимала нѣкоторыхъ молитвъ и не разбирала нѣкоторыхъ словъ, но она какъ-то инстинктивно сознавала, что это вовсе неважно, а важно то чувство, подъ впечатлѣніемъ котораго она находится. Раза два Таня взглянула въ ту сторону, гдѣ остановился Кульневъ.

„О чемъ онъ думаетъ? Молится-ли онъ"? — подумала она, но, поймавъ себя на этихъ мысляхъ, она оставила ихъ безъ отвѣта.

Рядомъ съ Таней стояла Марья Ильинична. Сложивъ на груди руки, съ строгимъ выраженіемъ лица, она смотрѣла прямо передъ собой. Марьѣ Ильиничнѣ было непріятно видѣть, какъ взрослые, здоровые люди, одѣтые для чего-то въ черное, кривляются, вскрикиваютъ въ одиночку какія-то дикія, безсмысленныя слова, потомъ слова эти поютъ грубыми, разрозненными голосами, то сходятся, то расходятся, то прячутся, то опять показываются и отвѣшиваютъ одинъ другому и во всѣ стороны низкіе, неестественные поклоны. Марьѣ Ильиничнѣ было не только непріятно, но и стыдно. Ей было стыдно за этихъ людей и за саму себя, что она стоитъ посреди нихъ и какъ-будто принимаетъ въ ихъ дѣлѣ какое-то участіе. Но кромѣ того, Марьѣ Ильиничнѣ было не по себѣ, потому что она знала, что позади нея стоитъ ея мужъ и Анна Ивановна и она слышала ихъ шопотъ и ей хотѣлось ихъ видѣть и знать о чемъ они шепчутся.

— О чемъ? О чемъ?—съ тоской повторяла Марья Ильинична. А Анна Ивановна не думала ни о чемъ. Она часто

крестилась и всякій разъ, когда изъ алтаря выходилъ игуменъ, она для чего-то наклоняла голову. Но она рѣшительно не видѣла и не слышала всего того, что дѣлается вокругъ нея, а единственно прислушивалась къ тому, что нашептывалъ ей, стоявшій съ ней рядомъ, Громовъ. Случайно замѣтивъ вынесенный на середину храма аналой, Анна Ивановна какъ сквозь туманъ вспомнила, что она до сихъ поръ не вышила полосу и такимъ образомъ не исполнила своего обѣта, но, отвлеченная какимъ-то вопросомъ Громова, она тотчасъ объ этомъ забыла. Между тѣмъ Иванъ Васильевичъ, разговаривая съ Анной Ивановной, стоялъ не шевелясь, застывъ въ одной позѣ. Онъ стоялъ такъ потому, что чувствовалъ прикосновеніе къ себѣ теплаго тѣла Анны Ивановны и боялся какимъ-нибудь неосторожнымъ движеніемъ спугнуть ее. Иванъ Васильевичъ не зналъ, случайно или умышленно Анна Ивановна касается его, но разыгравшееся воображеніе рисовало ему какія-то несбыточныя картины.

— Взгляните на того монаха, что смотритъ на васъ,— прошепталъ Иванъ Васильевичъ, обращаясь къ молодой женщинѣ:

— Онъ прямо пожираетъ васъ своимъ взглядомъ.

— Фу! Какія вы гадости говорите.... И еще въ церкви,— надула она губки. Въ эту минуту одинъ изъ монаховъ сталъ обходить молящихся съ тарелкою. Къ первому онъ подошелъ къ Кульневу. Молодой человѣкъ положилъ нѣсколько имѣвшихся у него въ карманѣ мѣдяковъ. Таня заволновалась: она не взяла изъ дома портмонэ и почувствовала неловкость, что не можетъ ничего дать. Марья Ильинична и Анна Ивановна тоже ничего не положили. Иванъ Васильевичъ нѣсколько секундъ оставался въ колебаніи: въ кошелькѣ у него лежали копѣйка и полтинникъ. Вынувъ копѣйку, Иванъ Васильевичъ положилъ ее на тарелку, прикрывъ рукой. Монахъ молча поклонился и пошелъ къ нѣсколькимъ, стоявшимъ въ сторонѣ и то и дѣло вздыхавшимъ

на всю церковь, бабамъ, которыя засуетились и озабоченно стали рыться въ своихъ огромныхъ, но пустыхъ карманахъ. Вечерня подходила къ концу.

— Не пора ли итти?—обратилась къ Танѣ Марья Ильинична.

— Подождемте,—тихо отвѣтила ей дѣвушка. Марья Ильинична закусила губу. Ей стало досадно, что она спросила Таню, потому что теперь не оставалось ничего другого, какъ ждать. Черезъ полчаса служба кончилась и всѣ гурьбой пошли изъ храма. Выйдя на паперть, женщины чуть не вскрикнули отъ страха и изумленія: чистыя, голубыя небеса на половину закрылись грозно клубившеюся тяжелой тучей. Съ той стороны, откуда шла туча, слышался неясный, но безпрерывный и зловѣщій шумъ.

— Боже мой! Гроза будетъ!—испуганно залепетала Анна Ивановна, обращаясь къ Громову.

— Въ самомъ дѣлѣ, не лучше ли переждать?—предложила Марья Ильинична.

— Нѣтъ, нѣтъ, господа! Дома будутъ безпокоиться... И потомъ, чего же бояться?—промолвила Таня.

— Ну, такъ терять времени нельзя. Наши компаньоны навѣрно уже въ лодкѣ, надо торопиться,—замѣтилъ Иванъ Васильевичъ. Всѣ быстро, почти бѣгомъ, направились къ тому мѣсту, гдѣ оставили лодку.

Черная туча медленно ползла по небу. Легкій вѣтерокъ шелестилъ по временамъ листву деревьевъ, какъ-будто предупреждая все живущее объ опасности. Низко, съ громкими криками носились надъ землей ласточки, вѣрно угадывая близкую перемѣну погоды.

Спустившись съ горы и найдя лодку, всѣ удивились, что ни Кравцова, ни Башилова нѣтъ.

— Ну, ждать ихъ намъ не приходится. Скорѣй, господа, по мѣстамъ,—скомандовалъ Громовъ и, столкнувъ лодку съ берега, сѣлъ послѣднимъ на весла. Дружно, вмѣстѣ съ Куль-

невымъ, онъ ударилъ веслами по водѣ и лодка легко заскользила по озеру. Отсюда не было видно тучи,—она пряталась за монастырской горой. Но когда лодка отошла на нѣсколько десятковъ саженей отъ берега, на небѣ показалась черная кайма. Анна Ивановна, сидѣвшая у руля, обернулась и тотчасъ отвела глаза:

— Какъ страшно!—прошептала она, взглядывая на Громова. Но именно потому, что она взглянула на него, на его мужественную фигуру, она почувствовала, что страхъ ея проходитъ...

Солнце въ небѣ еще свѣтило, ласково играя своими лучами въ водѣ озера и слѣпя глаза. Но по землѣ отъ тучи заходили темныя исполинскія тѣни. Дальній лѣсъ, подернутый синеватой дымкой зноя, вдругъ почернѣлъ и подвинулся. На проселочной береговой дорогѣ закружилась пыль, поднялась и разсыпалась... А туча медленно наступала, принимая новыя очертанія и окраску.

— Нѣтъ, не успѣемъ,—нарушилъ общее молчаніе Иванъ Васильевичъ, и словно въ отвѣтъ на его слова туча озарилась молніей и по озеру прошелъ вѣтеръ. Солнце скрылось. И вдругъ, на глазахъ у всѣхъ, тихо катившаяся туча разрослась и быстро стала заволакивать все небо. Сорвался порывъ вѣтра, за нимъ другой, и спокойное озеро забурлило и по нему заходили бѣлые гребни волнъ. Крупныя капли дождя забулькали по водѣ, и черезъ минуту дождь хлынулъ какъ изъ ведра. Иванъ Васильевичъ и Кульневъ наддали сколько могли силы. Но бороться съ нароставшей волной становилось трудно. То и дѣло лодка зарывалась носомъ, взлетала вверхъ и опять падала, подбрасываемая разыгравшеюся стихіей. Минуты начинали казаться часами. Внезапно, туча опять озарилась молніей, на этотъ разъ цѣлымъ пламенемъ огня, и раздался страшный, оглушительный ударъ грома, заходившій по небу долго несмолкающими раскатами. Женщины въ испугѣ закрыли глаза, а затѣмъ вскрикнули:

налетѣвшій шквалъ накренилъ лодку, и высокая волна съ шумомъ перекатилась черезъ нее.

Ухватившись лѣвой рукой за скамейку, Марья Ильинична инстинктивно и незамѣтно для другихъ мелко крестилась и шептала какія-то безсвязныя слова. Анна Ивановна, бросивъ руль, горько плакала.

— Что вы дѣлаете?—вскричалъ Громовъ, замѣтивъ, что лодку заворачиваетъ по волнамъ. Быстрымъ движеніемъ онъ сорвался со скамьи, поставилъ руль и, бросившись на мѣсто, изъ послѣднихъ силъ налегъ на весла.

— Мнѣ страшно!—вдругъ услышалъ Николай Николаевичъ голосъ Тани. Взглянувъ на нее, онъ увидѣлъ, что она близка къ обмороку.

— Успокойтесь, скоро берегъ,—проговорилъ онъ, беря молодую дѣвушку за руку.

Еще нѣсколько десятковъ взмаховъ веслами, еще нѣсколько тревожныхъ минутъ, и лодка зашла за далеко вдававшуюся въ озеро отмель. Волненіе замѣтно стихло.

— Какъ странно,—прошептала Таня, открывая глаза и чувствуя, что къ ней возвращаются силы. Она благодарно посмотрѣла на Кульнева и ей захотѣлось не отнимать отъ него своей руки... А грозная туча, которой, казалось, нѣтъ ни конца, ни края, какъ это часто бываетъ лѣтомъ, такъ же неожиданно, какъ она нашла, стала расходиться, рваться на части. Лица всѣхъ оживились. Сквозь бездонныя трещины тучи показалось голубое небо.

Когда лодка пристала къ берегу, крупный дождь прошелъ и засѣялъ мелкою водяной пылью. Опять проглянуло солнце, и только-что бушевавшій вѣтеръ заходилъ по воздуху легкою, ласкающей волной. Съ громкимъ крикомъ взвилась кверху и закружилась ласточка. Стая воробьевъ, съ шумомъ порхая крыльями, подлетѣла къ озеру и чѣмъто спугнутая разсыпалась во всѣ стороны. И опять зашептали листья деревьевъ, обѣщая землѣ нарушенный покой.

Вымокшіе до послѣдней нитки путешественники, распрощавшись, съ шумомъ стали выходить изъ лодки. Таня и Анна Ивановна, взявшись за руки, бѣгомъ направились къ парку. Передъ самымъ домомъ Таня, обогнавшая молодую женщину на значительное разстояніе, остановилась, тяжело переводя духъ.

„Какъ странно",—подумала она, вдругъ становясь серьезною":—„Когда онъ взялъ меня за руку, я успокоилась и волненіе прошло... Да, все это очень, очень странно".

VIII.

Оставшись вдвоемъ у опушки рощи, Кравцовъ и Башиловъ, не торопясь, допили водку. Они сидѣли, оборотясь другъ къ другу лицами и подобравъ ноги, причемъ Башиловъ то и дѣло вздыхалъ и сокрушенно покачивалъ головой. Башилову было грустно, потому что ему всегда становилось грустно, когда онъ бывалъ пьянъ. Наоборотъ, Кравцовъ находился въ состояніи духа безразличномъ и совершенно не ощущалъ той тяжести, которая такъ внезапно навалилась на него. Тяжесть эта, явившаяся результатомъ того, что у Кравцова разсѣялись его сомнѣнія относительно Тани, отбившая у него мысли и желанія, — эта тяжесть возрастала у него все время, пока онъ видѣлъ Таню и рядомъ съ ней Кульнева. Для Кравцова не надо было знать Кульнева, слышать того, что онъ говоритъ Танѣ и что она ему отвѣчаетъ, ему было достаточно видѣть ихъ, чтобы придти къ единственно возможной и правильной разгадкѣ своихъ вопросовъ. Видя ихъ, Кравцовъ зналъ и чувствовалъ больше ихъ, больше того, о чемъ они могли догадываться и о чемъ они можетъ быть вовсе не догадывались. Тамъ, гдѣ Кульневу и Танѣ нуженъ былъ разсудокъ и способность анализа, Кравцову этого было не надо, потому что Таня была для него слишкомъ близкой. Въ пониманіи

Тани имъ руководилъ инстинктъ, вѣрно угадывающій и вѣрно предсказывающій, обгоняющій разсудокъ и дающій отвѣты безъ объясненія. Отвѣтъ, котораго боялся Кравцовъ и искалъ, этотъ отвѣтъ былъ ему данъ, и онъ почувствовалъ, что его нѣтъ, что не осталось въ немъ ни мыслей, ни желаній, а осталась одна придавившая его тяжесть. Но когда Кравцовъ выпилъ первый стаканъ водки, онъ увидѣлъ, что никакой тяжести въ сущности нѣтъ, а есть туманъ, застилающій ему глаза, какой-то особенный, никогда имъ неиспытанный и всего его перерождающій. Когда же Кравцовъ выпилъ второй стаканъ, то онъ почувствовалъ въ своемъ тѣлѣ пріятную пустоту, а въ головѣ нахлынувшій со всѣхъ сторонъ невѣроятный сумбуръ отрывочныхъ мыслей. Эти мысли не напоминали Кравцову ничего прошлаго; онѣ легко касались непосредственно имъ переживаемаго и того, что онъ видѣлъ въ данную минуту вокругъ себя. Кравцовъ одинаково могъ плакать и смѣяться, грозить и страшиться, въ зависимости отъ того, какая мысль изъ всего сумбура ихъ заняла бы его на короткое мгновеніе и что рѣзче обозначилось бы сквозь туманную пелену, застилавшую ему глаза. Сейчасъ Кравцовъ сидѣлъ и насмѣшливо смотрѣлъ на Башилова, который ему представлялся удивительно жалкимъ и слабымъ по сравненію съ нимъ, Кравцовымъ. Между тѣмъ небо заволокло тучей и близко сталъ погромыхивать громъ.

— Да, вотъ и дождь будетъ и прольется на землю вода,— грустно заговорилъ Башиловъ:—Прольется вода и все сдѣлается мокрымъ... все сдѣлается мокрымъ и у бабъ на огородахъ капуста, пожалуй, поправится... да, пожалуй, капуста поправится и дождь пройдетъ и опять пойдетъ... И ничего, ничего съ этимъ не подѣлаешь.

— А изъ капусты водку можно настоять?—теряя равновѣсіе и сильно наклоняясь впередъ спросилъ Кравцовъ.

— Нѣтъ, нельзя,—вздохнулъ Башиловъ.

— Ну, а наливку?

— И наливку пельзя... Капуста — овощь, — отвѣтилъ Башиловъ.

— А почему изъ вишенъ можно? — хитро улыбнулся Кравцовъ.

— Изъ вишенъ? — задумался Башиловъ: — Изъ вишенъ можно вишневку настоять, а изъ капусты нельзя... Вишня — фруктъ. То-есть, капуста — фруктъ, — поправился онъ, взглядывая на Кравцова.

„Вретъ и вретъ", — подумалъ Кравцовъ и снялъ фуражку. Ему показалось, что идетъ дождь, и онъ хотѣлъ узнать, попадетъ ли ему дождь на голову. Въ это время Башиловъ, замѣтивъ свѣтъ молніи и заслышавъ громъ, поднялся на ноги.

— Говорилъ, что дождь пойдетъ, вотъ и идетъ, — развелъ онъ безнадежно руками, а затѣмъ наклонился къ землѣ и всталъ на четверенки.

— Надо лодку въ посуду убрать и самоваръ тоже, — вспомнилъ онъ что-то изъ того, что ему сказалъ уходя Громовъ и двумя руками сталъ сгребать всю посуду въ лежавшій на землѣ пледъ.

— Въ лодку надо идти, — обернулся онъ къ Кравцову.

— Не въ лодку, а въ монастырь, — поправилъ его тотъ. — Они, — онъ попробовалъ взмахнуть рукой по воздуху, — въ лодку, а мы въ монастырь.

— Ну, въ монастырь, — согласился Башиловъ и, связавъ пледъ съ перебитой посудой въ узелъ, онъ съ трудомъ всталъ и взвалилъ кладь себѣ на плечи.

— Тяжело, — замѣтилъ онъ подпимавшемуся Кравцову.

„Вретъ и вретъ", подумалъ тотъ, описывая ногами круги.

— Да ты держись за меня... свалишься, — продолжалъ онъ, подходя съ другой стороны къ Башилову.

— Не свалюсь, я крѣпкій.

— Крѣѣѣѣпкій, — протянулъ Кравцовъ, беря студента подъ руку.

— Въ ногу иди... разъ, два... Ну, разъ, два... разъ... по военному.

— Мнѣ въ ногу трудно идти... Правая нога короткая,— грустно промолвилъ Башиловъ.

— Правую ногу оставь... лѣвой иди... Ну... лѣвой, лѣвой... Но несмотря на всѣ принимаемыя мѣры, Кравцовъ и Башиловъ подвигались впередъ медленно, раскачиваясь изъ стороны въ сторону и поминутно сбиваясь съ дороги. Они подошли къ монастырю тогда, когда дождь почти прекратился.

— Надо отъ дождя спрятаться,—догадался Башиловъ, совсѣмъ не ощущая того, что онъ вымокъ насквозь.

— Надо водки выпить,—наставительно замѣтилъ Кравцовъ.

— Водки можно выпить... вотъ, пойдемъ туда,—отвѣтилъ Башиловъ, направляя путь къ небольшой деревянной постройкѣ, монастырской гостиницѣ, на крыльцѣ которой стоялъ монахъ, передъ тѣмъ продавшій Башилову водку. Монахъ не хотѣлъ впускать Кравцова и Башилова, но потомъ раздумалъ и провелъ ихъ въ маленькій номеръ, въ самомъ концѣ коридора. Войдя въ комнату, Кравцовъ и Башиловъ, какъ были, легли на стоявшія у стѣнъ кровати и заснули.

Башиловъ открылъ глаза, когда ночь минула и наступилъ новый день. Онъ долгое время озирался по сторонамъ и не могъ вспомнить гдѣ онъ находится и что съ нимъ дѣлается. Но когда онъ повернулся къ окну и замѣтилъ сидѣвшаго за столомъ Кравцова, мысли его пришли въ нѣкоторый порядокъ.

— Иди водку пить,—услышалъ онъ голосъ Кравцова.

— Не хочу,—отвѣтилъ Башиловъ, сплевывая въ сторону.

— Иди, иди... Нечего ломаться,—сердито проговорилъ Кравцовъ, наливая стаканъ водки. Башиловъ крякнулъ, поднялся съ кровати и подошелъ къ столу. Онъ съ отвращеніемъ отхлебнулъ глотокъ и другой водки, но слѣдующіе

глотки не имѣли уже никакого привкуса и онъ опрокинулъ стаканъ безъ усилія. Кравцовъ налилъ ему еще.

— Сонъ видѣлъ?—спросилъ онъ Башилова. По наружности Кравцова и тѣмъ его словамъ, которыя онъ говорилъ, нельзя было сказать, пьянъ онъ или не пьянъ.

— Такъ, чертовщину разную, — отвѣтилъ Башиловъ, чувствуя, что комната начинаетъ у него ходить кругомъ, а Кравцовъ дѣлается то очень маленькимъ, то очень большимъ.

— Чертовщину?—сердито переспросилъ Кравцовъ:

— Въ монастырѣ и чертовщину?

— И очень просто! Именно въ монастырѣ чертовщина, къ сожалѣнію, и водится,—впадая въ свой грустный тонъ подтвердилъ Башиловъ. Кравцовъ злобно на него посмотрѣлъ и на этотъ разъ уже вслухъ проговорилъ засѣвшую у него мысль:

— И все-то ты врешь! Все врешь!

— Почему же врешь? Надо выражаться деликатнѣе,— обидѣлся Башиловъ.

— Деликатнѣе! Все ты врешь, потому что нѣтъ у тебя слова правды.

— У меня есть правда,—вздохнулъ Башиловъ.

— Нѣтъ у тебя правды, потому что нѣтъ у тебя вѣры... У каждаго человѣка есть вѣра, а у тебя нѣтъ вѣры, нѣтъ правды и весь ты изолгался. Вижу тебя насквозь!—погрозилъ пальцемъ Кравцовъ, но Башиловъ больше его не слушалъ, потому что больше его не понималъ.

Башиловъ не зналъ, сколько онъ времени сидѣлъ съ Кравцовымъ и что дѣлалось съ нимъ потомъ. Онъ не зналъ, какъ переѣхалъ съ Кравцовымъ въ монастырской лодкѣ на другую сторону озера и какъ попалъ на станцію и какъ вышелъ къ приходу поѣзда на платформу. Онъ очнулся тогда, когда поѣздъ отходилъ отъ станціи и онъ махалъ уѣзжавшему Кравцову шляпой и уговаривалъ его

уйти съ площадки вагона, чтобы не свалиться и не попасть подъ колеса поѣзда. А Кравцовъ смѣялся изъ за этого надъ Башиловымъ и говорилъ ему, что видитъ его насквозь и чувствуетъ, что онъ, Башиловъ, все вретъ, потому что у него такая ужъ изолгавшаяся натура.

Всю дорогу до Петербурга Кравцовъ проспалъ. Онъ не помнилъ, какъ по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ сидѣлъ въ буфетѣ на станціи и какъ къ нему привязался какой-то господинъ въ фуражкѣ съ кокардой, который назвалъ себя чиновникомъ и который перевезъ его затѣмъ на Финляндскій вокзалъ и тамъ купилъ на его, Кравцова, деньги два билета въ поѣздъ, до того городка, поблизости отъ котораго находился полкъ Кравцова. Не помнилъ Кравцовъ, какъ тотъ-же господинъ съ кокардой доставилъ его до самыхъ лагерей и, прощаясь, попросилъ у него взаймы двадцать рублей, которые Кравцовъ далъ и за которые тотъ назвалъ его своимъ другомъ и братомъ, поцѣловалъ и прослезился. Не помнилъ Кравцовъ и того, какъ онъ попалъ въ баракъ. Пришелъ онъ въ себя внезапно, ночью. Онъ вскочилъ съ своей походной кровати, дико озираясь по сторонамъ. Но напрасно онъ дѣлалъ попытку сосредоточиться, чтобы понять, что случилось съ нимъ. Сосредоточиться онъ не могъ и ничего изъ того, что было, вспомнить онъ тоже не могъ. Онъ чувствовалъ только все тѣло свое разбитымъ, но еще гораздо болѣе того, онъ чувствовалъ, какъ наваливается на него какая-то тяжесть. И черезъ тяжесть эту Кравцовъ понялъ, что съ нимъ произошло что-то ужасное, безнадежное. У него занялся духъ и онъ ртомъ сталъ ловить воздухъ. Подойдя къ окну барака, Кравцовъ распахнулъ его. Въ комнату пахнуло свѣжестью. Близился разсвѣтъ.

— Что же было со мной? Что?— напрягая неповинующуюся память, прошепталъ Кравцовъ. И вдругъ ему показалось, что сейчасъ онъ все вспомнитъ. Мысль его быстро заработала и на лбу проступили крупныя капли пота. Онъ присло-

нился къ косяку рамы и закрылъ лицо руками. Онъ не слышалъ, какъ дверь въ баракъ безшумно отворилась. Когда онъ взглянулъ, передъ нимъ стоялъ Жоржъ Одинцовъ.

IX.

Ночь на воскресенье, которую Кравцовъ провелъ съ Башиловымъ въ монастырской гостиницѣ, для Жоржа оказалась необычайно удачною. До разсвѣта онъ пробылъ въ клубѣ, куда пріѣхалъ со всѣми бывшими у него деньгами. Жоржъ прекрасно помнилъ, что денегъ этихъ, выигранныхъ въ прошлыя посѣщенія клуба, у него было ровно три тысячи рублей. Благодаря значительности суммы, онъ могъ метать банкъ. Въ теченіе ночи онъ металъ семь разъ, это онъ тоже хорошо помнилъ. Карта, которая вообще все послѣднее время шла Жоржу, въ ту ночь выдѣлывала чудеса. Кругомъ Жоржа стояла цѣлая толпа „мазавшихъ". „Онъ билъ" чуть ни каждую карту банкометовъ, а когда „металъ", то забиралъ чуть не всѣ ставки. Жоржъ не успѣвалъ считать своего выигрыша и подъ конецъ совсѣмъ запутался въ немъ. Результатъ игры онъ узналъ, вернувшись въ лагери. Тамъ онъ съ любовью, будто священнодѣйствуя, принялся раскладывать на столѣ ряды кучекъ изъ золота, серебра и кредитныхъ билетовъ, которыми были полны всѣ его карманы. Въ каждую кучку онъ отсчиталъ по пятьсотъ рублей и у него образовалось ихъ двадцать и одна неполная. Такимъ образомъ выигрышъ одной ночи превышалъ семь тысячъ рублей. Отъ счастья и волненія Жоржъ не могъ уснуть и просидѣлъ за подсчетомъ денегъ до той минуты, когда долженъ былъ идти на эскадронное ученіе.

Весь день Жоржъ провелъ словно въ туманѣ. Подъ вечеръ, почувствовавъ усталость, онъ прилегъ, проспалъ какъ убитый три часа и проснулся опять крѣпкимъ и бодрымъ. Умывшись и приведя себя въ порядокъ, онъ пошелъ къ

Кравцову, желая подѣлиться съ пріятелемъ вдругъ пришедшимъ къ нему счастьемъ.

Однако денщикъ Кравцова сказалъ Жоржу, что тотъ изъ Лыкова не возвращался.

— Что за оказія?—удивился Жоржъ, но тотчасъ позабылъ объ этомъ, потому что, взглянувъ на часы, увидѣлъ, что стрѣлка подходитъ къ восьми. И едва только Жоржъ увидѣлъ это, какъ вспомнилъ, что самый удобный поѣздъ въ Петербургъ отходитъ черезъ полчаса.

— Рано, но какъ-нибудь время убить надо,—рѣшилъ Жоржъ, которому не сидѣлось на мѣстѣ; его начинало разбирать нетерпѣніе, онъ чувствовалъ подъемъ силъ и ему необходимо было ихъ на что-нибудь тратить. Тогда онъ отправился за своимъ компаньономъ, который его ввелъ въ этотъ счастливый для него клубъ и съ которымъ онъ постоянно туда ѣздилъ. Компаньономъ этимъ былъ поручикъ баронъ Ротъ.

Баронъ Ротъ, уроженецъ Прибалтійскаго края, имѣвшій такую же многочисленную родню въ Германіи, какъ и въ Россіи, былъ однимъ изъ нелюбимѣйшихъ товарищами и подчиненными офицеровъ. Баронъ былъ богатъ. Товарищи не любили его за скупость, мелочность и чисто-нѣмецкую аккуратность. Баронъ терпѣть не могъ ничего русскаго, не выносилъ русскаго языка и говорилъ по-русски только съ тѣми, кто не говорилъ съ нимъ по-нѣмецки.

Войдя къ барону, Жоржъ засталъ его съ глубокомысленнымъ видомъ разсматривавшимъ въ зеркалѣ свое круглое, рябое лицо. Баронъ былъ тщедушный человѣкъ, съ большими выпуклыми глазами и забавно сидѣвшимъ на лицѣ крохотнымъ, крючковатымъ носомъ. Солдаты за глаза звали барона попугаемъ и онъ дѣйствительно до страннаго походилъ на эту птицу.

— Ну, что, баронъ, ѣдемъ?—весело спросилъ Жоржъ.

— Да, ѣдемъ... Jch fare,—отозвался тотъ, поспѣшно пряча въ столъ зеркало.

— Рано, но можно будетъ, пока что, сразиться хоть на билліардѣ,—замѣтилъ Жоржъ.

— Зачѣмъ на билліардѣ? Мы поѣдемъ въ Акваріумъ смотрѣть Біанку,—тономъ, не допускавшимъ возраженій, отвѣтилъ баронъ и затѣмъ скороговоркой продолжалъ:

— Біанка! Ты не видѣлъ ее? О, это не женщина, а огонь... Огонь, за который можно платить большія деньги.

— Ну, Біанку, такъ Біанку,—охотно согласился Жоржъ.

— Да, кстати,—прервалъ его баронъ:

— Сегодня въ клубѣ можетъ быть замѣчательная игра. Ты слышалъ про князя Лыкова, флигель-адъютанта? Мнѣ передавали, что онъ вернулся изъ Ливадіи и, значитъ, его можно ждать въ клубѣ. Я его игры не понимаю, то-есть не одобряю. Играть надо маленькими ставками и никогда ихъ не увеличивать и тогда ни за что не проиграешь. Князь Лыковъ садится только на три сдачи и мечетъ только три раза; затѣмъ онъ прекращаетъ игру: но онъ отвѣчаетъ всѣмъ желающимъ и на любую ставку. Ты понимаешь-ли, Жоржъ, на любую ставку?

— Чортъ возьми!—съ загорѣвшимися глазами воскликнулъ Жоржъ, и ему страстно захотѣлось увидѣть игру князя и, если будетъ возможно, то сыграть противъ него.

— Ну, баронъ, собирайся и приходи на станцію,—обратился онъ къ товарищу, поспѣшно выходя изъ барака.

Вернувшись къ себѣ, Жоржъ досталъ изъ сундука желѣзную шкатулку, въ которой онъ хранилъ свой выигрышъ, и съ нѣкоторымъ трепетомъ раскрылъ ее. Онъ хотѣлъ улыбнуться, но вдругъ сдѣлался серьезенъ. Какъ всѣ игроки, Жоржъ былъ суевѣренъ ко всему, что относилось къ игрѣ, и теперь, желая взять съ собой тысячъ пять, онъ вспомнилъ, что наканунѣ онъ ѣздилъ съ тремя тысячами и что именно три тысячи принесли ему счастье. Тогда, отсчитавъ ровно

три тысячи рублей, Жоржъ положилъ ихъ въ бумажникъ, остальныя деньги опять спряталъ въ сундукъ и вполнѣ успокоенный отправился на станцію.

Вскорѣ туда же пришелъ баронъ и съ ближайшимъ поѣздомъ они уѣхали въ Петербургъ. На петербургскомъ вокзалѣ офицеры наняли извозчика въ Акваріумъ.

Въ тотъ моментъ, когда Жоржъ и баронъ, взявъ билеты въ закрытый театръ Акваріума, брянча шпорами и саблями, прошли въ первый рядъ креселъ и заняли мѣста, кончился антрактъ и надъ эстрадой взвился занавѣсъ. Передъ толпой зрителей начали выступать одна за другой, разныхъ возрастовъ, національностей и наружностей, женщины съ пѣніемъ и пляской. Женщины эти были полуголыя, онѣ пѣли скабрезныя пѣсни и сопровождали ихъ вызывающими движеніями своихъ тѣлъ. Праздная толпа иногда аплодировала нѣкоторымъ изъ нихъ, а тѣхъ, которыя особенно обнажали свою наготу или произносили особенныя непристойности, заставляла выступать по нѣсколько разъ. Въ этой толпѣ зрителей были и бѣдные и богатые, старые и молодые, чиновники, купцы, военные и люди свободныхъ профессій, нѣкоторые со своими женами, нѣкоторые со своими дочерьми, юными, невинными дѣвушками. Жоржъ разсѣянно смотрѣлъ на эстраду. Внезапно онъ почувствовалъ толчокъ въ руку и услышалъ шепотъ барона:

— Смотри направо... Третій отъ меня—князь Лыковъ.

Жоржъ повернулъ голову и глаза его встрѣтились съ глазами князя. Жоржъ привсталъ и отдалъ честь и его примѣру послѣдовалъ баронъ. Князь вѣжливо имъ отвѣтилъ. Онъ встрѣчался съ барономъ въ клубѣ. Князь Лыковъ былъ человѣкъ лѣтъ тридцати трехъ — тридцати четырехъ, съ умнымъ и красивымъ лицомъ, обрамленнымъ черной бородкой, и вообще съ чертами лица, изобличавшими высокую, чистую породу. Онъ былъ полковникъ, флигель-адъютантъ, одинъ изъ богатѣйшихъ людей въ Россіи.

— Сейчасъ выходъ Біанки, — снова услышалъ Жоржъ голосъ барона.

Дѣйствительно, на смѣну сухопарой, уже немолодой нѣмки, закончившей свой номеръ, какъ-будто въ противоположность ей, сіяя молодостью и красотой, изъ-за кулисъ легко выбѣжала итальянская шансонетная пѣвица Біанка. Это была жгучая брюнетка, одѣтая въ легкую одежду, сквозь которую просвѣчивало тѣло. Взглянувъ на зрителей какой-то хищной, многообѣщающей улыбкой, Біанка подняла кверху правую руку съ бубнами и пропѣвъ довольно мелодичный куплетъ на итальянскомъ языкѣ, вдругъ опустила руку, ударила бубнами по колѣну и, подымая то правую, то лѣвую ногу, закружилась по эстрадѣ. Въ моментъ выхода Біанки и тогда, когда она плясала, изъ залы неслись апплодисменты. Временами танцовщица останавливалась, пѣла слѣдующій куплетъ, улыбаясь и сверкая глазами, и опять пускалась въ плясъ, все болѣе быстрый, сладострастный и вызывающій. И чѣмъ дольше она пѣла и плясала, тѣмъ громче становились одобренія присутствовавшей толпы, возбужденной и пьянѣющей.

— Какъ хороша! Сколько огня, Одинцовъ! Я ее приглашу ужинать,—промолвилъ баронъ.

— Ужинать? А клубъ что же?

— Въ клубъ мы успѣемъ... Только поужинаемъ. Даю тебѣ честное слово, въ клубъ не опоздаемъ. Вѣдь тамъ раньше двѣнадцати дѣлать нечего.

— Мнѣ все равно,—отвѣтилъ Жоржъ.

Баронъ поднялся съ своего мѣста и пошелъ распорядиться насчетъ ужина. Между тѣмъ Біанку замѣнилъ слѣдующій номеръ. На эстраду вышелъ неопредѣленной національности субъектъ, одѣтый во фракъ, съ пальцами, унизанными кольцами и на ломанномъ французскомъ языкѣ объяснилъ, что онъ—знаменитый путешественникъ неизслѣдованныхъ странъ, что нѣсколько лѣтъ онъ провелъ въ плѣну

у дикаго индѣйскаго племени, питающагося человѣческимъ мясомъ, что ему удалось бѣжать изъ плѣна и вывезти въ Европу настоящаго дикаря, котораго онъ и будетъ имѣть честь демонстрировать передъ почтеннѣйшей публикой. Вслѣдъ затѣмъ онъ вывелъ изъ-за кулисъ, на цѣпи, одѣтой на шею, почти нагого человѣка, съ бронзовымъ цвѣтомъ кожи, головой, украшенной перьями, высокаго и изможденнаго. Господинъ во фракѣ взялъ поданный ему огромный звонокъ и, поднявъ руку, сталъ неистово звонить надъ самымъ ухомъ своей жертвы и тянуть цѣпь книзу. „Дикарь" пугливо взглянулъ на него и сѣлъ на полъ, поджавъ подъ себя ноги. Тогда господинъ во фракѣ крикнулъ что-то, обращаясь назадъ, и изъ-за кулисъ къ его ногамъ бросили связаннаго пѣтуха. Знаменитый путешественникъ поднялъ пѣтуха и посыпалъ его табакомъ, который онъ досталъ изъ портсигара. Потомъ онъ передалъ пѣтуха въ руки „дикаря" и опять принялся звонить надъ его ухомъ. Но тотъ сидѣлъ не шевелясь и только просящими глазами смотрѣлъ на своего мучителя. „Путешественникъ" дергалъ за цѣпь, бѣгалъ вокругъ „дикаря" и продолжалъ звонить то надъ правымъ, то надъ лѣвымъ ухомъ. Наконецъ „дикарь" схватилъ пѣтуха за горло и быстрымъ движеніемъ оторвалъ ему голову. Въ публикѣ послышались крики дамъ, затѣмъ все смолкло и взоры всѣхъ съ напряженнымъ любопытствомъ остановились на чудовищномъ зрѣлищѣ. „Дикарь" еще разъ взглянулъ на господина во фракѣ, потомъ на публику, выждалъ мгновеніе и со стономъ, прильнувъ ртомъ къ еще трепещущей птицѣ, сталъ пить ея кровь... Всѣ молчали! Всѣ затаили дыханіе. И такъ продолжалось, пока дикарь пилъ кровь, потомъ рвалъ зубами и ѣлъ сырое мясо, кости и перья, посыпанныя табакомъ. Тогда занавѣсъ опустился, и публика стала вызывать знаменитаго путешественника. Въ числѣ немногихъ, при самомъ началѣ этого номера, князь Лыковъ вышелъ изъ театра. Жоржъ досидѣлъ до конца дѣй-

ствія и тогда пошелъ отыскивать барона. Онъ нашелъ его на открытой верандѣ, сидѣвшаго въ обществѣ Біанки за столикомъ, вокругъ котораго хлопотало нѣсколько человѣкъ лакеевъ. Жоржа ожидалъ накрытый для него приборъ. Познакомясь съ Біанкой, Жоржъ сѣлъ на подставленный ему слугою стулъ.

— Расходы пополамъ,—отрываясь отъ Біанки, шепнулъ баронъ.

— Хорошо, хорошо—усмѣхнулся Жоржъ, приступая къ закускѣ. Онъ только теперь разсмотрѣлъ на сколько красива Біанка. Между тѣмъ баронъ громко говорилъ съ ней, чему-то поминутно смѣясь. Онъ зналъ русскій и нѣмецкій языки, а Біанка не знала ни русскаго, ни нѣмецкаго языковъ и они тѣмъ не менѣе ухитрялись говорить и понимать другъ друга.

— Господа! Вы позволите раздѣлить съ вами компанію?— вдругъ услышалъ Жоржъ около себя чей-то голосъ. И онъ и баронъ подняли головы и узнали въ стоявшемъ передъ ними князя Лыкова. Они поднялись со своихъ мѣстъ и баронъ оставилъ даже на время Біанку. Познакомивъ князя съ Жоржемъ, баронъ объяснилъ, что Жоржъ можетъ случиться ему партнеромъ.

— Отлично! Вы собираетесь въ клубъ? Я тоже тамъ сегодня буду,—промолвилъ князь и приказалъ лакею дать стаканъ чая. Отъ ужина Лыковъ отказался. Жоржъ и баронъ не знали какъ держать себя съ нимъ. Никто изъ нихъ не предполагалъ, что князь подойдетъ и такъ просто обратится къ нимъ. Вскорѣ первоначальная неловкость отъ присутствія князя оставила барона, тѣмъ болѣе, что закуску онъ заливалъ водкой. Между тѣмъ князь, какъ будто мимоходомъ, но внимательно осматривалъ Біанку, которая, почувствовавъ въ немъ все, что долженъ былъ имѣть для нея мужчина, то и дѣло начала съ нимъ заговаривать. Но

князь ограничивался односложными отвѣтами, видимо не желая быть помѣхой барону.

— Господа! Ваше сіятельство! Можетъ быть вы разрѣшите перейти въ кабинетъ? Біанка хочетъ послушать цыганъ,—проговорилъ баронъ. Присутствіе Біанки растопляло скупость барона.

— Какъ желаете! Ѣхать въ клубъ еще рано,—отозвался князь, взглянувъ на часы. Жоржъ не сталъ перечить. Ему все это начинало надоѣдать и ему совершенно безразлично было—сидѣть на верандѣ или въ кабинетѣ. Баронъ распорядился насчетъ ужина и вся компанія перешла въ кабинетъ. Тамъ князь сѣлъ за краемъ стола и приказалъ подать себѣ еще стаканъ чая. Баронъ, развалясь на диванѣ, сидѣлъ рядомъ съ Біанкой, которая, замѣтивъ равнодушіе къ себѣ князя, удвоила къ барону свои любезности. Жоржъ сталъ пить поданное шампанское. Онъ пробовалъ нѣсколько разъ начать съ княземъ разговоръ, но изъ этого ничего не выходило: князь отвѣчалъ невпопадъ, не слушая его. Захмелѣвшему вскорѣ Жоржу молчаливый князь началъ представляться чудаковатымъ. Но все же и во хмелю Жоржъ понималъ и ощущалъ ту разницу, которая существовала между нимъ, простымъ армейскимъ, кавалерійскимъ офицеромъ и блестящимъ княземъ.

„А всетаки онъ чудакъ... Меланхоликъ вѣрно. Ха-ха-ха... кажется такое существуетъ медицинское опредѣленіе: ме-лан-хо-ликъ! Напросился въ компанію и пьетъ чай! Посмотримъ, какъ онъ въ карты играетъ... потягаемся“! подумалъ Жоржъ, чувствуя внезапный приливъ воинственности и увѣренности въ своихъ силахъ. Вскорѣ въ кабинетъ вошелъ хоръ цыганъ и вдругъ грянулъ какую-то удалую пѣснь. Отъ неожиданности Жоржъ вздрогнулъ и обернулся и въ ту же минуту его что-то какъ-будто толкнуло и отбросило на спинку стула. Среди знакомаго хора Жоржъ увидѣлъ новое лицо. Это была высокая, полногрудая, молодая цы-

ганка, кутавшая голову въ красный платокъ. Ее нельзя было назвать красивой, но въ ея фигурѣ и, въ особенности, въ глазахъ таилось столько знойнаго жара, пламени, что горячность и красота Біанки передъ ней показались дѣтскими и смѣшными. Даже князь, Жоржъ замѣтилъ это, пристально и удивленно посмотрѣлъ на нее. Но что особенно поражало и дразнило воображеніе Жоржа—это молодость цыганки и одновременно съ тѣмъ развитость ея формъ. Жоржъ всталъ и въ волненіи прошелся по кабинету. Черные глаза цыганки насмѣшливо смотрѣли за нимъ. И какъ это ни странно, передъ Жоржемъ промелькнулъ вдругъ нѣжный и хрупкій образъ Анны Ивановны; но это было только мгновеніе... Жоржъ подошелъ къ столу и залпомъ выпилъ бокалъ шампанскаго. Обернувшись, онъ опять встрѣтился съ взглядомъ цыганки. Тогда Жоржъ поспѣшно вышелъ изъ кабинета... Черезъ пять минутъ, не прерывая пѣнія, цыгане разступились и пропустили мимо себя свою молодую товарку, которую лакей тотчасъ провелъ въ кабинетъ, гдѣ ее ожидалъ Жоржъ.

Между тѣмъ баронъ продолжалъ съ Біанкой пить шампанское. Онъ сидѣлъ теперь верхомъ на стулѣ, а она шутливо била его по щекамъ, то правой, то лѣвой рукой. Смѣясь, она отказывалась отъ какого-то предложенія барона.

— Ваше сіятельство! Разззрѣшите разззздѣть Біанку,— заплетающимся языкомъ обратился баронъ къ князю.

— Я, ваше сіятельство, того... то-есть меня можетъ встряхнуть только что-нибудь особенное... когда я пьянъ, я... извините меня, я ни къ чорту тогда негоденъ. Ну, и позвольте я ее раздѣну и выпущу къ ней голаго татарченка.... Тутъ мальчишка есть такой.... Ein hinreissender Knabe; татарченокъ.... Она хотя и отказывается, но согласится.... Деньги могутъ все сдѣлать, ваше сіятельство.... На деньги можно весь міръ купить... И деньги всѣ любятъ, и за деньги все дѣлаютъ, и я это понимаю... Я баронъ Карлъ,

Юлій, Генрихъ Ротъ...—Князь ничего не отвѣтилъ и поднялся изъ за стола. Въ эту минуту въ кабинетъ вернулся усталый и пресыщенный Жоржъ.

— Одинцовъ! Князь раззрѣшилъ и я.... раздѣну Біанку и выпущу къ ней голаго татарченка.. Это будетъ номеръ! Мнѣ это надо для того... ты понимаешь? Когда я пьянъ....

— Ну, значитъ клубъ проѣхалъ?—спросилъ Жоржъ.

— Клубъ? Зачѣмъ клубъ? Нѣтъ, честное слово..... полчаса....

— Вы ѣдете въ клубъ?—неожиданно обратился къ Жоржу князь.

— Да, ваше сіятельство, собираюсь.

— Хотите, я подвезу?—у Жоржа екнуло въ сердцѣ. Онъ поблагодарилъ князя.

— Ну, такъ ѣдемте.

— Ваше сіятельство! Какъ же такъ? А я то? И я хочу.... Одинцовъ, рассходы пополамъ. Но Біанку, голую Біанку...— Но князь и Жоржъ были ужъ за дверьми.

Черезъ нѣсколько минутъ Жоржъ сидѣлъ въ роскошномъ автомобилѣ князя, стоившемъ больше всего выигрыша Жоржа.

Странное чувство испытывалъ Жоржъ сидя рядомъ съ княземъ. Напрасно онъ хотѣлъ побороть свое смущеніе.

„Ну, допустимъ, богатъ; бѣшено богатъ, но вѣдь и баронъ богатъ! Ну, флигель-адъютантъ, моихъ лѣтъ и уже полковникъ... Князь! Но и родъ Одинцовыхъ—старинный, дворянскій родъ!“ Но съ какой стороны Жоржъ ни разсматривалъ, онъ видѣлъ громадную, непреодолимую разницу между княземъ и собою. А хмель, оставившій было Жоржа, теперь, подъ вліяніемъ быстрой ѣзды и качки автомобиля изъ стороны въ сторону, опять началъ заволакивать его мысли. Ему представилось, что это не онъ ѣдетъ съ княземъ, а князь съ нимъ и что этотъ автомобиль принадлежитъ ему, Одинцову:

„И весьма возможно, что будетъ принадлежать... выиграю и у меня будетъ точно такой же.. А выиграть можно много, очень много... Впрочемъ, все это чепуха! Выиграю не выиграю, это еще бабушка на двое сказала“. Жоржъ взглянулъ на князя и улыбнулся. Онъ уже возвратилъ ему автомобиль и ему просто было пріятно сознавать, что князь пригласилъ его съ собой и не пригласилъ барона и что онъ держитъ себя на равной съ нимъ ногѣ:

„Да, конечно, на равной и иначе это быть не можетъ. Что такое баронъ? Нѣмчура нѣмецкая, попугай... А я—Одинцовъ“.... И Жоржъ почувствовалъ какое-то свое превосходство надъ кѣмъ-то и ему захотѣлось хвастнуть своимъ превосходствомъ передъ княземъ. Въ эту минуту князь, молчавшій всю дорогу, заговорилъ. Но хотя князь говорилъ вслухъ, получалось впечатлѣніе будто онъ обращается не къ Одинцову, а говоритъ, чтобы убѣдить въ чемъ-то самого себя.

— Вотъ вамъ и пресловутая Біанка, про которую столько трубятъ! Красива, безспорно красива, но если всмотрѣться.... Впрочемъ, если всмотрѣться, можетъ быть не найдется ни одной женщины.....

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ, князь!—быстро перебилъ Жоржъ:

— Вы ошибаетесь! Есть женщины, увѣряю васъ....

— Напримѣръ?—и тутъ у Жоржа въ приступѣ хвастливости вырвались тѣ слова, которыя онъ въ другое бы время не сказалъ и которыхъ онъ минуту спустя стыдился:

— Моя сестра!—вымолвилъ Жоржъ, сразу же понявъ всю пошлость и непристойность сказаннаго. Князь молча, съ набѣжавшей на губы усмѣшкой, откинулся въ глубь сидѣнія. Но ему будто показалось, что Жоржъ сказалъ не только искренно, но вѣрно.

Вскорѣ автомобиль подкатилъ къ ярко освѣщенному подъѣзду одного изъ великосвѣтскихъ клубовъ. Князь и Жоржъ вошли въ широко распахнутыя передъ ними швейцаромъ двери.

Жоржъ всегда испытывалъ нѣкоторое стѣсненіе, бывая въ этомъ клубѣ. Пестрая и броская форма Жоржа, которой онъ обыкновенно гордился и которая била въ глаза на улицахъ, среди скромныхъ одѣяній рядовыхъ обывателей, здѣсь, въ роскошномъ помѣщеніи клуба, куда собиралась богатая столичная знать и куда Жоржъ попалъ случайно, благодаря барону, здѣсь форма его была болѣе чѣмъ скромной. Проходя вмѣстѣ съ княземъ по обширнымъ комнатамъ клуба, Жоржъ видѣлъ съ какимъ почетомъ встрѣчаютъ князя знакомыя и незнакомыя ему лица. Нѣкоторымъ изъ нихъ князь протягивалъ руку, обмѣниваясь двумя-тремя словами, съ большинствомъ раскланивался издали.

— Изъ Ливадіи?—останавливая князя въ дверяхъ карточнаго зала спросилъ моложавый свитскій генералъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на Жоржа.

— Въ отпускъ,—улыбнулся въ отвѣтъ князь.

— Ну, а я туда.—И они заговорили тѣмъ свѣтскимъ языкомъ, котораго Жоржъ не понималъ, то и дѣло называя фамиліи, которыя Жоржу доводилось читать только въ газетной хроникѣ. Затѣмъ генералъ подхватилъ князя подъ руку и вернулся съ нимъ въ залъ, продолжая разсказывать что-то вполголоса. Жоржъ пошелъ за ними, вдругъ почувствовавъ, какъ онъ далекъ, чуждъ и неинтересенъ князю.

Въ залѣ карточная игра была въ полномъ разгарѣ. Кромѣ нѣсколькихъ столиковъ занятыхъ винтомъ и преферансомъ, посрединѣ зала, за двумя многоугольными столами, шла игра въ макао. Слышался негромкій, отрывочный разговоръ, звонъ золота и шелестъ кредитныхъ бумажекъ. Жоржъ подошелъ къ одному изъ столовъ и только-что вздумалъ „примазаться“ на чью-то карту, какъ услышалъ выкрикъ служителя, что есть свободныя мѣста. Жоржъ обернулся и увидѣлъ садившимися за свободный столъ князя и встрѣтившагося съ нимъ генерала. Жоржъ быстро подошелъ къ столу и занялъ мѣсто.

„Ну, начинается!“ подумалъ онъ, не замѣчая, какъ большинство столиковъ вдругъ опустѣло и вокругъ него образовалась значительная толпа. Жоржъ не предполагалъ, что многимъ было интересно взглянуть именно на его игру, которая всѣмъ въ клубѣ была извѣстна, какъ необыкновенно для него удачная, и на игру князя, отвѣчавшаго громадными суммами.

— Кому угодно?—спросилъ князь, принимая изъ рукъ лакея карты и передавая ихъ для тасовки сидѣвшему съ нимъ рядомъ Жоржу. У Жоржа, когда онъ тасовалъ карты, слегка дрожали руки, чего онъ никогда раньше за собой не замѣчалъ и его чуть-чуть лихорадило.

„Онъ „отвѣчаетъ“ только три раза“, вспомнилъ Жоржъ слова барона, возвращая карты. На предложеніе князя всѣ тотчасъ отвѣтили крупными ставками, причемъ большинство „примазалось“ къ Жоржу.

— Три тысячи,—проговорилъ Жоржъ, выкладывая на столъ всѣ взятыя съ собой деньги.

„Всѣ три раза я поставлю по три тысячи“, подумалъ онъ, пристально глядя на замелькавшія въ рукахъ князя карты. Жоржъ открылъ свою карту— у него оказался „жиръ“. Равнодушно подвинувъ къ себѣ ставку Жоржа, князь сталъ расчитываться его деньгами съ игравшими.

„Вторую карту я долженъ взять...... не могу не взять“, подумалъ Жоржъ, чувствуя все усиливавшуюся лихорадку.

— Разрѣшите „на мѣлокъ?“—обратился онъ къ князю.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Шесть тысячъ!—вдругъ удвоилъ Жоржъ ставку, но никто не обратилъ на него никакого вниманія. Каждый занятъ былъ своей мыслью, мысли всѣхъ горѣли однимъ желаніемъ. Князь сдалъ, всѣ раскрыли свои карты. У Жоржа оказалось опять меньше очковъ, онъ опять проигралъ. Холодный потъ проступилъ на лбу у Жоржа; всѣ образы и

представленія завертѣлись у него въ мозгу въ какомъ-то калейдоскопѣ. Онъ зналъ, что весь выигрышъ отъ него ушелъ и что завтра онъ долженъ отвезти всѣ оставшіяся у него дома деньги князю. Онъ зналъ, что больше ему играть не на что. Онъ все это сообразилъ, пока князь сдалъ въ третій разъ, ожидая какую сумму поставитъ Жоржъ.

— Сію минуту,—проговорилъ тотъ, чувствуя, что всѣ ждутъ его и зажмуривая глаза. Жоржъ не могъ рѣшить, встать ли ему и уйти или сдѣлать послѣднюю попытку и однимъ ударомъ отбить весь свой проигрышъ. Мысли у него разбѣгались.

— А если проиграю? А если выиграю? Да, если выиграю?— беззвучно шепталъ онъ, обѣщаясь кому-то бросить вовсе и навсегда игру, но даже въ эту минуту не вѣря своему обѣщанію.

— Боже! Боже помоги мнѣ.... Одинъ разъ въ жизни, одинъ единственный разъ....

— За вами очередь,—обратился къ нему князь.

— Да, да.... Двѣнадцать тысячъ,—какимъ-то неестественно крикливымъ голосомъ неожиданно для себя вымолвилъ Жоржъ, испуганно взглядывая на князя и чувствуя, какъ все уплываетъ у него въ туманѣ и какъ зубы его начинаютъ бить дробь. Игроки переглянулись между собою, удивленно на этотъ разъ посмотрѣвъ на Жоржа. Даже въ этомъ клубѣ такая ставка на карту была признана повидимому чрезмѣрною. Жоржъ быстро перевернулъ свою карту.

— Семерка, семерка,—торжествующимъ звономъ раздалось въ его ушахъ. Но это продолжалось одно мгновеніе. Въ слѣдующее мгновеніе князь раскрылъ свою карту—у него оказалась восьмерка. Жоржъ поблѣднѣлъ, сказалъ нѣсколько словъ князю и, шатаясь, пошелъ черезъ залъ. Потомъ онъ вышелъ изъ клуба, нанялъ извозчика. Потомъ очутился въ вагонѣ поѣзда, шедшаго въ Финляндію..... Поздно ночью Жоржъ вошелъ въ баракъ къ Кравцову.

X.

Увидѣвъ стоявшаго въ двухъ шагахъ отъ себя Жоржа, Кравцовъ остолбенѣлъ. Онъ былъ такъ подчиненъ своимъ мыслямъ, что присутствіе второго лица, съ которымъ надо было говорить и котораго надо было слушать, представлялось ему рѣшительно невозможнымъ. Все существо Кравцова было пронизано однимъ вопросомъ—что было? И было ли вообще что-нибудь изъ того чудовищнаго и безобразнаго, какимъ представлялось ему прошлое? И пристально всматриваясь въ Жоржа, Кравцову показалось, что тотъ знаетъ за нимъ все нехорошее и постыдное, что случилось съ нимъ, и теперь пришелъ и, можетъ быть, сожалѣетъ его, можетъ быть, смѣется надъ нимъ.

— Да, такая дрянь, братъ, кругомъ.... такая дрянь.....— смущенно проговорилъ онъ и, отойдя въ дальній уголъ барака, сѣлъ на стулъ и опустилъ глаза. Между тѣмъ Жоржъ жилъ сейчасъ своей полубезсознательной жизнью, въ которой понималъ только, что онъ находится на днѣ пропасти, изъ которой подняться не можетъ.

— Двадцать одну тысячу проигралъ, одиннадцать тысячъ не хватаетъ.... О, Господи! Двадцать одну тысячу, да..... двадцать одну проигралъ, одиннадцать тысячъ не хватаетъ... О, Господи!—Безпрерывно твердилъ Жоржъ и даже не онъ, а чей-то другой голосъ, глухо отдававшійся гдѣ-то внутри его. Жоржъ равнодушно смотрѣлъ на Кравцова, не слышалъ, что тотъ ему говорилъ и даже вовсе не видѣлъ его. Отчаяніе, не вылившееся еще ни въ какую форму, владѣло Жоржемъ, но ясно выражалось и въ его фигурѣ и на его лицѣ. Жоржъ и Кравцовъ молчали. Порывъ вѣтра обдалъ сидѣвшихъ предутреннею прохладой. Кравцовъ какъ-будто пробудился и вдругъ разобралъ на лицѣ Жоржа отпечатокъ того состоянія, къ которому онъ и самъ былъ близокъ. Кравцовъ широко открылъ глаза.

— Жоржъ!—окликнулъ онъ, но, не получая отвѣта, вдругъ сорвался съ мѣста и, подойдя къ нему, схватилъ его за плечи:

— Жоржъ! Что же случилось? Говори.... Таня?—вырвалось у Кравцова, и онъ сразу понялъ вокругъ кого ходили всѣ его мысли и почувствовалъ, что онъ взялся за край скрывавшей отъ него прошлое завѣсы.

— Двадцать одну тысячу проигралъ, одиннадцать тысячъ не хватаетъ,—промолвилъ Жоржъ.

— Проигралъ?

— Проигралъ!

— Таня,—прошепталъ Кравцовъ, садясь напротивъ Жоржа.

— Одиннадцать тысячъ не хватаетъ,—повторилъ тотъ.

— И что же?—уже не понимая его, спросилъ Кравцовъ. Жоржъ посмотрѣлъ на него какими-то стеклянными глазами и въ первый разъ остановился на этомъ вопросѣ. Онъ жалко улыбнулся и, обхвативъ шею руками, приложилъ потомъ кулакъ къ виску:

— Либо такъ, либо этакъ..... Взять неоткуда.... все равно! Либо петлю на шею, либо пулю въ лобъ.

— Ты думаешь? Нѣтъ, всетаки надо узнать. Можетъ быть рѣшительно ничего не было, и все это одинъ бредъ..... больной, пьяный.... пьяный!—Кравцовъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Одиннадцать тысячъ не хватаетъ.... Нѣтъ ихъ и нѣтъ!—еще разъ повторилъ Жоржъ.

Новый порывъ вѣтра ворвался въ комнату. И вдругъ все окружающее повеселѣло: восходящее солнце заиграло своими первыми, ласкающими лучами.

— Пять тысячъ у меня есть!—вымолвилъ Кравцовъ, подымаясь съ мѣста:

— Одиннадцать, ты говоришь, не хватаетъ? Пять есть. Остальныя? Остальныя у нѣмца, у попугая можно было бы

взять, — какъ-будто удивляясь своему голосу и тому, что онъ говоритъ и тому, что онъ видитъ, продолжалъ Кравцовъ:

— Впрочемъ, ну его, барона! Шесть тысячъ я тебѣ дамъ изъ полковой кассы.... Только на слово, Жоржъ, на слово, что къ двадцатому вернешь..... Ну, отца проси, мать.... А то, если хочешь..... если хочешь, не возвращай..... Мнѣ теперь рѣшительно наплевать и..... все вообще къ чорту,—махнулъ Кравцовъ рукой. Но изъ того, что онъ говорилъ, Жоржъ слышалъ только, что деньги есть и чувствовалъ, что онъ спасенъ и оживаетъ.

— Кравцовъ! Кравцовъ!—задыхаясь, вскрикнулъ Жоржъ и, вскочивъ со стула, обхватилъ Кравцова руками. Но тотъ стоялъ закрывши глаза, какъ-будто отъ усталости, что онъ сталъ мыслить и понимать, видѣть, слышать и говорить. И вдругъ, оттолкнувъ Жоржа, Кравцовъ закричалъ:

— Оставь! Не смѣй трогать! Я..... я.... Боже мой! Мнѣ такъ мало надо — только жалости, только одного участія.— Жоржъ съ ужасомъ взглянулъ въ искаженное лицо Кравцова. Но онъ не могъ долго останавливать своей мысли на немъ, онъ слишкомъ остро чувствовалъ пришедшее къ нему спасеніе, слишкомъ быстра была происшедшая съ нимъ перемѣна и онъ искалъ уже новые пути, которые бы окончательно вывели его изъ пропасти, въ которую онъ свалился.

— Кравцовъ! Еще одна просьба, одна, послѣдняя.... Я не могу ѣхать къ своимъ, не смѣю, не могу видѣть ни матери, ни жены, не могу просить отца о деньгахъ, которыхъ у него нѣтъ и которые все-таки прійдется занимать. Съѣзди ты, объясни имъ.... Скажи Танѣ, или не говори, а поступай и дѣлай, какъ хочешь, но помоги. — Кравцовъ, не отвѣчая ничего, сжалъ голову руками:

— Таня, — прошепталъ онъ:

— Поѣхать и увидѣть ее.... и все узнать....

— Да, да... Ты понимаешь ли, что я ѣхать не могу, пока... пока они всего этого не узнаютъ.

- Да, можетъ быть ѣхать надо! Можетъ быть! Но теперь, прошу тебя, Жоржъ, уйди, оставь меня..... Прійди потомъ, позже..... Я дамъ тебѣ нужныя деньги, и прочее, и такъ далѣе, и все, что хочешь.... И я поѣду.... Но, сейчасъ уйди.... Я не могу больше, не... мо... гу....—Жоржъ, ничего не понимая, повернулся и вышелъ. Съ его уходомъ Кравцовъ сидѣлъ долго, не шевелясь. И вдругъ! Крупныя слезы закапали у него изъ глазъ, а лицо перекосилось жалкою, плачущею гримасой....

XI.

Ровно въ шесть часовъ вечера, въ автомобилѣ, заказанномъ телеграммой, Жоржъ подъѣхалъ отъ финляндскаго вокзала къ богатому особняку князя Лыкова, помѣщавшемуся на набережной Невы. Въ бумажникѣ у Жоржа лежали полученныя имъ утромъ отъ Кравцова одиннадцать тысячъ рублей, да семь тысячъ ранѣе выигранныхъ имъ денегъ. Несмотря на то, что всѣ эти деньги Жоржъ долженъ былъ отдать князю, онъ чувствовалъ себя легко, подобно птицѣ, выпущенной изъ клѣтки. Сознаніе, что онъ избѣжалъ смертельной опасности, все еще владѣло имъ. Сейчасъ Жоржу не только не жаль было проигранныхъ денегъ, но онъ былъ доволенъ натянуть, что называется, князю носъ. Жоржъ даже представлялъ себѣ, какъ онъ войдетъ къ князю, какъ тотъ удивится его аккуратности и въ замѣшательствѣ потянется за своимъ выигрышемъ, который Жоржъ равнодушно положитъ ему на столъ.

„Еще бы! Такія денежки на улицѣ не валяются! Ну, и что же? Счастье—Glück, несчастье—Unglück, не болѣе того! И пусть себѣ радуется и считаетъ, а мнѣ онѣ къ чорту нужны",—вслухъ подумалъ Жоржъ, въ тотъ моментъ когда автомобиль остановился у подъѣзда. Узнавъ отъ швейцара, что князь дома, Жоржъ снялъ пальто и поднялся по нѣ-

сколькимъ ступенямъ мраморной лѣстницы на площадку. Тамъ его встрѣтилъ дежурный лакей и, введя въ обширную пріемную, пошелъ съ докладомъ. Оставшись одинъ, Жоржъ осмотрѣлся. Пріемная была обставлена дорогой, дубовой, обитой кожею мебелью; съ потолка комнаты свѣшивалась на нѣсколько десятковъ лампочекъ бронзовая люстра, а на двухъ противоположныхъ стѣнахъ висѣло по огромной картинѣ кисти знаменитаго художника. Направо изъ пріемной дверь была отворена и изъ нея Жоржъ разсмотрѣлъ длинный рядъ комнатъ, обстановка каждой изъ которыхъ должна была оцѣниваться десятками, а можетъ быть сотнями тысячъ рублей. Другая дверь изъ пріемной, плотно прикрытая ушедшимъ съ докладомъ лакеемъ, вела въ кабинетъ князя.

Въ это время князь сидѣлъ за письменнымъ столомъ, заканчивая письмо управляющему одного изъ своихъ многочисленныхъ имѣній. Письмо это князь писалъ, вслѣдствіе полученнаго отъ управляющаго донесенія, что крестьянами деревень, земли которыхъ соприкасаются съ его, князя, владѣніями, предъявленъ рядъ требованій, какъ-то: объ уничтоженіи имѣющейся черезполосицы, о прокладкѣ новой лѣсной дороги, о разрѣшеніи имъ собирать въ княжескихъ лѣсахъ валежникъ, грибы и ягоды, объ увольненіи какого-то объѣздчика и уничтоженіи какихъ-то штрафовъ за потраву. Управляющій рекомендовалъ князю удовлетворить требованія крестьянъ, при чемъ сообщалъ, что настроеніе у нихъ возбужденное и онъ не исключаетъ возможности крупныхъ безпорядковъ. Князь въ первый разъ слышалъ о томъ, что крестьяне не имѣютъ права собирать въ лѣсахъ грибы и ягоды и что они платятъ штрафъ за какую-то потраву. Все это ему казалось нелѣпымъ и смѣшнымъ и онъ хотѣлъ было затребовать объясненій отъ главноуправляющаго всѣми своими дѣлами и приказать ему исполнить справедливыя желанія крестьянъ, если бы онъ не

вспомнилъ, что крестьяне ни о чемъ не просятъ, а требуютъ и грозятъ. Потому же, что князь вспомнилъ объ этомъ, онъ рѣшилъ, будучи въ имѣніи, лично ознакомиться съ крестьянской нуждой и лично распорядиться, а пока что, въ письмѣ къ управляющему, онъ отказывалъ крестьянамъ во всемъ. Князь не желалъ, чтобы крестьяне его уступчивость приняли за страхъ передъ ихъ угрозами. Но ѣхать въ имѣніе князь собирался вовсе не потому, что его интересовали извѣстія, полученныя отъ управляющаго, а потому, что, располагая двухмѣсячнымъ отпускомъ, онъ имѣлъ въ виду часть времени провести въ этомъ имѣніи, гдѣ у него была прекрасная охота на зайцевъ и лисицъ. Въ послѣднихъ строкахъ своего письма князь приказывалъ приготовить къ его пріѣзду домъ.

Услышавъ отъ вошедшаго лакея о приходѣ Одинцова, князь тотчасъ приказалъ просить его. Онъ предупредительно поднялся изъ-за стола, когда дверь передъ Жоржемъ раскрылась.

— Поручикъ, прошу васъ, — промолвилъ князь, дѣлая нѣсколько шаговъ навстрѣчу Жоржу и пожимая его руку:

— Я сію минуту къ вашимъ услугамъ. Разрѣшите запечатать письмо? На дняхъ уѣзжаю,—долженъ сдѣлать нѣкоторыя распоряженія, — продолжалъ онъ, указывая Жоржу на кресло, стоявшее сбоку письменнаго стола и берясь за перо, чтобы написать адресъ. Жоржъ сѣлъ и опять въ глаза ему бросилась сказочно-богатая обстановка комнаты. Жоржъ представлялъ себѣ возможность роскоши и богатства, но онъ никогда не предполагалъ увидѣть ихъ въ такихъ размѣрахъ, какіе онъ встрѣтилъ у князя. Каждый предметъ въ кабинетѣ стоилъ большихъ денегъ, все было на своемъ мѣстѣ, все было строго выдержано и какъ-будто необходимо.

Между тѣмъ князь, запечатавъ конвертъ, нажалъ кнопку электрическаго звонка. Въ то же мгновеніе въ комнату вошелъ лакей, другой, не тотъ, который ввелъ Жоржа.

— Послать письмо и... Могу предложить вамъ чай, поручикъ?—обратился князь къ Жоржу. Онъ былъ какъ-будто доволенъ приходу кого-нибудь, хотя бы и Жоржа.

— Очень вамъ благодаренъ,—отвѣтилъ Жоржъ. Принявъ отвѣтъ за согласіе, князь приказалъ подать чай.

— Вы далеко собираетесь ѣхать, ваше сіятельство?—нашелъ Жоржъ возможнымъ задать вопросъ.

— Думаю проѣхать въ Италію. Впрочемъ, сперва хочу побывать на охотѣ. Вы не охотникъ? А, охотникъ! У меня тутъ неподалеку отъ Петербурга хорошая охота съ гончими.

— На станціи Лыково?

— Да, тамъ!

— Тамъ живетъ моя семья,—промолвилъ и осѣкся Жоржъ. Ему пришло на память, что наканунѣ, совершенно не зная князя, онъ что-то говорилъ ему о своей сестрѣ. Онъ замолчалъ, почувствовавъ недовольство собой и княземъ и обиду за сестру. Князь внимательно посмотрѣлъ на Жоржа, но тотчасъ равнодушно проговорилъ:

— Да, у меня тамъ кажется есть дачи.

„Кажется есть дачи“! злобно подумалъ Жоржъ, почти сожалѣя, что остался сидѣть у князя.

Въ эту минуту лакей принесъ на массивномъ серебряномъ подносѣ два стакана чая и нарѣзанный тонкими ломтиками лимонъ. Жоржъ взялъ свой стаканъ, глотнулъ изъ него, обжегъ ротъ и губы и, не совсѣмъ увѣренный то ли онъ дѣлаетъ, что надо, поставилъ стаканъ, но не на подносъ, нарочно для того оставленный, а прямо на столъ. Князь, отъ котораго не ускользнуло движеніе Жоржа, также поставилъ свой стаканъ на столъ.

Когда лакей удалился, Жоржъ досталъ бумажникъ и вынулъ изъ него деньги.

— Извольте сосчитать; восемнадцать тысячъ, — промолвилъ онъ дѣлано равнодушнымъ тономъ. Князь выдвинулъ одинъ изъ ящиковъ стола и, не считая денегъ, положилъ

нихъ въ него. Жоржа опять передернуло отъ этой небрежности князя, съ которой онъ относился рѣшительно ко всему. Но князь свободно возобновилъ свой разговоръ съ нимъ. Вынужденно отвѣчая, Жоржъ и не замѣтилъ, какъ у него развязался языкъ. Разговоръ шелъ объ охотѣ и объ интересахъ, связанныхъ съ нею, такъ непонятныхъ всѣмъ не-охотникамъ. Прошло больше часа времени, когда Жоржъ поднялся, наконецъ, со своего мѣста. Князь не удерживалъ его, но радушіе, съ какимъ онъ держался все время по отношенію къ Жоржу, нисколько отъ этого не теряли. Князь зналъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ вести себя. На прощанье онъ предложилъ Жоржу навѣдаться къ нему, когда онъ будетъ въ Лыковѣ.

— Вмѣстѣ будемъ охотиться. Я проживу въ Лыковѣ около двухъ недѣль.

Жоржъ вышелъ отъ князя, совсѣмъ позабывъ о своей давешней злобѣ на него. Мало того, какъ и наканунѣ ночью, когда онъ ѣхалъ съ княземъ въ автомобилѣ, онъ сходилъ теперь съ лѣстницы съ такимъ чувствомъ, какъ-будто онъ пріобрѣлъ что-то, что выдѣляетъ и возвышаетъ его надъ всѣми прочими. Но это чувство оставалось съ Жоржемъ только до тѣхъ поръ, пока онъ не вышелъ изъ подъѣзда княжескаго дома и не сѣлъ въ ожидавшій его автомобиль и не оказался среди обычной, уличной толпы. Тогда тщеславное и горделивое чувства оставили Жоржа и онъ вспомнилъ о своемъ проигрышѣ, показавшемся ему теперь истиннымъ несчастьемъ. Жоржъ съ ненавистью посмотрѣлъ на автомобиль, въ которомъ онъ сидѣлъ и безъ котораго онъ считалъ неудобнымъ ѣхать къ князю и съ отвращеніемъ подумалъ, что надо возвращаться въ лагери.

— О, чортъ!—вслухъ выругался онъ.

— Одна карта, одна проклятая карта! А теперь? Было десять тысячъ, а теперь? Къ двадцатому Кравцову надо отдать шесть тысячъ, потомъ... еще надо отдать пять тысячъ!

Двадцать одну тысячу проигралъ, двадцать одну...—Жоржъ тяжело вздохнулъ и, нащупавъ бумажникъ, досталъ его и сосчиталъ оставшіяся въ немъ деньги.

— Сто восемьдесятъ три рубля... А тому? Очень ему нужны эти двадцать одна тысяча моихъ денегъ... О, чортъ! Въ Акваріумъ!—закричалъ Жоржъ, высовывая голову изъ окна. Ему необходимо было забыться, избавиться отъ своихъ мыслей... Ему казалось, что онъ долженъ видѣть людей, движеніе, слышать шумъ. Но когда въ Акваріумѣ онъ очутился среди такой же, что и наканунѣ толпы и увидѣлъ на эстрадѣ театра Біанку и ѣвшаго живую птицу „дикаря", ему стало совсѣмъ не по себѣ и, не досидѣвъ до половины программы, онъ вышелъ изъ сада и нанялъ извозчика на Финляндскій вокзалъ.

XII.

Поѣздка въ монастырь, на которую Петръ Карповичъ расчитывалъ, что она развлечетъ и оживитъ его племянника, этихъ результатовъ не дала. Безпокойство Петра Карповича росло съ каждымъ днемъ, потому что ему было теперь совершенно очевидно, что молодой человѣкъ заработался и усталъ. Слабый организмъ требовалъ отдыха, отдыха во что бы то ни стало. Раздражительный изъ-за всякаго пустяка, Николай Николаевичъ—и этого болѣе всего опасался Петръ Карповичъ,—почувствовалъ себя неудовлетвореннымъ своею работою. Ему казалось, что онъ могъ ее выполнить болѣе удачно, но онъ сознавалъ, что для этого нѣтъ теперь ни силъ, ни времени. Еще недавно такъ гладко писанная имъ диссертація представлялась ему блѣдною и бездоказательною и когда оставались одни концы ея, онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что не выразилъ въ ней того, что хотѣлъ, что онъ не можетъ вывести изъ нея требуемаго заключенія, не умѣетъ связать начала съ концомъ и не имѣетъ въ головѣ ни одной

нужной ему мысли. Напрасно онъ пытался себя пересилить—перо валилось изъ его рукъ.

— Да, усталъ,—проговорилъ онъ вслухъ и съ какою-то ненавистью бросилъ мелко исписанные листы въ ящикъ стола.

— Дядюшка правъ,—продолжалъ онъ свои размышленія;

— Надо отдохнуть... Хорошъ отдыхъ!—и хрустнувъ пальцами, онъ подошелъ къ кровати и бросился на нее ничкомъ.

Въ это самое время Петръ Карповичъ сидѣлъ въ саду, грѣясь на солнышкѣ.

— Здравствуйте, Петръ Карповичъ!—неожиданно услышалъ старикъ голосъ Тани, проходившей мимо дачи.

— Что это васъ давно не видно?

— Гдѣ ужъ намъ!—вздохнулъ Петръ Карповичъ, занятый своими безпокойными мыслями. Однако, онъ поспѣшно всталъ и подошелъ къ дѣвушкѣ, остановившейся, облокотясь на изгородь. Таня была одѣта въ простенькое, но искусно сшитое свѣтлое платье, ясно обрисовывавшее ея стройную фигуру; вмѣсто затѣйливой прически на головѣ волосы ея были заплетены въ двѣ густыя, упадавшія до колѣнъ, косы. Она была дивно хороша собой. Петръ Карповичъ залюбовался ею. А издали, изъ окна, любовалась Таней старая Аксинья. И вдругъ, она озабоченно засуетилась. Она поспѣшно сняла со стола бѣлую скатерть и замѣнила ее другой, показавшейся ей еще бѣлѣе, потомъ прошла въ кладовую, гдѣ у нея постоянно хранился запасъ всевозможныхъ явствъ своего приготовленія и черезъ нѣсколько минутъ заставила ими весь столъ. Затѣмъ она принесла изъ кухни самоваръ, предварительно обтеревъ его тряпкою и наконецъ остановилась въ прихожей, передъ зеркаломъ и поправила на головѣ у себя косынку. Продѣлавъ все это, старушка вышла было на крыльцо, но потомъ поспѣшно вернулась, взяла въ руки метелку и, пройдя въ столовую, внимательно осмотрѣла всѣ предметы въ комнатѣ, готовая взмахнуть

метелкой тамъ, гдѣ это окажется нужнымъ. Во все это время старушка то и дѣло поглядывала въ окно, разговариваетъ ли еще Таня съ Петромъ Карповичемъ. Она встрѣчала Таню нѣсколько разъ въ паркѣ, слушала, когда разсказывалъ о ней Петръ Карповичъ и Таня ей нравилась. Справившись со своимъ хозяйствомъ, старушка вышла во второй разъ на крыльцо, какъ шаръ спустилась съ него и покатилась черезъ садъ.

— Пожалуйте чая откушать,—промолвила она, поклонившись Танѣ. Петръ Карповичъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ, но Аксинья, обращаясь къ Танѣ, повторила свою просьбу:

— Пожалуйте, барышня... Самоваръ на столѣ, отвѣдайте нашего чая.

— Въ самомъ дѣлѣ, Татьяна Павловна... Ай да Аксиньюшка, ай да старуха!—Въ свою очередь сталъ упрашивать Таню Петръ Карповичъ.

— Я право не знаю... Спасибо, Аксиньюшка, но я право не знаю,—смутилась Таня, но затѣмъ она рѣшительно отворила калитку и вошла въ садъ. Черезъ пять минутъ Таня сидѣла за столомъ, а около нея хлопотали Петръ Карповичъ и Аксинья.

— Николай! А, Николай! Иди смотри, какую я гостью привелъ,—закричалъ Петръ Карповичъ и, подойдя къ двери въ комнату Николая Николаевича, отворилъ ее.

— Иди, братъ! Татьяна Павловна у насъ въ гостяхъ.— Таня снова почувствовала неловкость отъ своего посѣщенія Кульневыхъ. Вскорѣ въ столовую вошелъ Николай Николаевичъ. Здороваясь съ нимъ, Таня посмотрѣла на него и ей бросился въ глаза его нехорошій, болѣзненный видъ.

Между тѣмъ Петръ Карповичъ продолжалъ свои хлопоты:

— Вотъ, не угодно ли вамъ, Татьяна Павловна, варенья изъ малины отвѣдать? Аксиньюшка мастерица его варить,—говорилъ онъ, берясь за банку съ вареньемъ:

— А то, пастилы яблочной? Тоже домашняго изготовленія.

— Яблочной не надо, черносмородинной... Да не такъ вы рѣжете, Петръ Карповичъ,—строго вымолвила стоявшая въ сторонѣ Аксинья, подходя и беря въ руки ножъ. Она ревниво смотрѣла, угощаетъ ли Петръ Карповичъ Таню тѣмъ, что самое вкусное и удачное изъ ея приготовленій.

Окруженная заботами и вниманіемъ хозяевъ, Таня быстро освоилась съ новой для нея обстановкой и смущеніе ея исчезло. Все вокругъ показалось Танѣ милымъ и привлекательнымъ. Ей была по сердцу старая и чистенькая Аксинья, совсѣмъ какъ свой человѣкъ державшаяся съ Кульневыми, ей нравился опрятный порядокъ въ веселой, залитой солнечнымъ свѣтомъ комнатѣ и безконечное переливанье канарейки, порхавшей у окна въ клѣткѣ и даже монотонное пѣніе ярко вычищеннаго самовара, тянувшаго одну ворчливую, безконечную ноту. Таня непринужденно начала говорить и отвѣчать на вопросы Петра Карповича. Но въ то же время ее удивляло разсѣянное отношеніе ко всему молодого Кульнева.

„Что съ нимъ? Почему онъ такой?“ Мелькало у ней въ головѣ.

— Такъ вотъ, такъ-то, Татьяна Павловна, мы и живемъ,— продолжалъ между тѣмъ начатый разговоръ Петръ Карповичъ:

— Пройдетъ лѣто, а вѣдь время-то летитъ, не успѣешь оглянуться, а лѣту ужъ и слѣдъ простылъ,—исполнитъ Николай свою работу и тронемся мы съ нимъ въ путь-дорогу. Хотимъ по Волгѣ проѣхаться. Хорошая это рѣка.

— Зачѣмъ говорить, дядюшка, о томъ, что будетъ? Говорите о томъ, что было, о томъ, что есть, а того, что будетъ, лучше не трогать..... Мы этого не знаемъ,—нетерпѣливо прервалъ старика Николай Николаевичъ. Петръ Карповичъ испуганно посмотрѣлъ на него и ему стало обидно, что онъ ничѣмъ не можетъ угодить племяннику.

— Да, да, конечно, лучше не говорить о томъ, что будетъ.... Это ты правъ, Николенька,—тотчасъ согласился онъ и, поднявшись со своего мѣста, заходилъ по комнатѣ, словно ища что-нибудь, что можетъ прійти ему на помощь. Танѣ сдѣлалось жаль старика.

— А гдѣ вы прошлое лѣто проводили, Петръ Карповичъ?—спросила она, чтобы что-нибудь сказать.

— Прошлое лѣто?—обрадовался Петръ Карповичъ:

— прошлое лѣто мы почти цѣликомъ провели въ Дрезденѣ.... да, по крайней мѣрѣ, большую его часть. Николай занимался тамъ въ библіотекѣ. Да вотъ, не угодно ли вамъ взглянуть въ этотъ альбомъ?—ухватился старикъ за новую мысль и, взявъ въ руки толстый альбомъ съ открытыми письмами, онъ положилъ его передъ дѣвушкой.

— Здѣсь собрано все, что мы, путешествуя за границей, видѣли.... Только то, что видѣли,—и, продолжая говорить, онъ сѣлъ рядомъ съ Танею. Таня безъ особеннаго удовольствія развернула альбомъ. Понемногу въ разговоръ вмѣшался все время молчавшій Николай Николаевичъ. Перелиставъ нѣсколько страницъ, Таня остановила вниманіе на одной изъ открытокъ.

— Это Альпы, не правда ли? Я немножко Швейцарію знаю. Въ позапрошломъ году я прожила тамъ съ мамой нѣсколько недѣль. Какое мѣсто изображаетъ эта открытка, Николай Николаевичъ?—обратилась она къ молодому человѣку. Тотъ приподнялся съ мѣста и перегнулся черезъ столъ.

— Фирвальдштедское озеро.—Таня на мгновеніе задумалась и потомъ неувѣренно спросила:

— Въ Люцернскихъ Альпахъ?

— Да. А вотъ здѣсь—вершина ихъ, гора Пилатъ. Помните, дядюшка, мы на нее подымались? Туда ведетъ зубчатая дорога и оттуда открывается роскошный видъ на горы. На самой вершинѣ Пилата озеро.

— Но какое странное названіе, Пилатъ?—удивилась Таня.

— Можетъ быть вы не станете удивляться, Татьяна Павловна, если я вамъ разскажу легенду, связанную съ этимъ именемъ,—промолвилъ Николай Николаевичъ:

— Понтій Пилатъ, предавшій Спасителя іудеямъ, кончилъ свою жизнь въ ссылкѣ, въ Галліи, куда былъ отправленъ разгнѣваннымъ на него по какому-то поводу императоромъ Калигулой. Кто знаетъ, быть можетъ онъ умеръ гдѣ-нибудь вблизи той горы, которая носитъ теперь его имя. Какъ-бы тамъ ни было, въ народѣ живетъ преданіе, что каждую Великую Пятницу Понтій Пилатъ появляется на вершинѣ горы у озера и умываетъ въ немъ руки. Такъ онъ пытается очистить себя отъ соучастія въ ужасномъ преступленіи.

Таня, задумавшись, съ интересомъ прослушала разсказъ Николая Николаевича. И вслѣдъ за тѣмъ она то и дѣло начала задавать ему вопросы о его поѣздкѣ за границу. Какъ разнилась ея жизнь въ курортахъ отъ того, что разсказывалъ Николай Николаевичъ. А онъ, не замѣчая того и увлекшись воспоминаніями, рисовалъ передъ Таней громадные холсты, возникавшіе въ его воображеніи. Онъ говорилъ ей о ледникахъ, на которые подымался, и объ озерахъ, по которымъ плавалъ, о городахъ, которые видѣлъ и о тѣхъ сокровищахъ искусства, которыя въ нихъ находятся. Онъ говорилъ умно и занимательно. Многое изъ того, что называлъ Николай Николаевичъ, Таня тоже видѣла, но она теперь понимала, что она все это видѣла словно сквозь какіе-то дымчатые очки, которые отъ нея закрывали все самое интересное и важное и которые Кульцевъ вдругъ снялъ съ нея. Петръ Карповичъ, внимательно слушавшій племянника, молчалъ, боясь проронить слово. Онъ радовался оживленію молодого человѣка и невольно переносилъ свою благодарность на Таню, не отказавшуюся зайти къ нему въ домъ.

А Таня, не замѣчая того, что она дѣлаетъ, давно отложила альбомъ въ сторону и вся превратилась въ слухъ. Она просидѣла бы въ гостяхъ у Петра Карповича долгое время, если-бы Николай Николаевичъ внезапно не замолчалъ и въ этотъ моментъ раздался бой часовъ. Имъ отозвалась канарейка, залившись звонкою трелью, а на канарейку замахала платкомъ старая Аксинья. Таня, улыбнувшись всему этому, спохватилась:

— Боже мой! Какъ я засидѣлась у васъ, Петръ Карповичъ. Дома навѣрно сѣли за обѣдъ,—промолвила она, подымаясь со стула.

— Не смѣю удерживать, Татьяна Павловна.... Благодарю покорно,—отвѣтилъ Петръ Карповичъ, прощаясь съ дѣвушкой. Таня сдѣлала нѣсколько шаговъ къ Николаю Николаевичу и, взглянувъ на него, протянула руку. Видъ его опять показался ей болѣзненнымъ и нехорошимъ. Онъ пожалъ руку Танѣ, не посмотрѣвъ на нее. Она прерывисто и незамѣтно вздохнула и, подойдя къ совершенно растерявшейся Аксиньѣ, поцѣловала ее.

— Спасибо, Аксиньюшка! Спасибо, Петръ Карповичъ! До свиданья!—промолвила выходя въ дверь и напутствуемая добрыми пожеланіями стариковъ молодая дѣвушка. Петръ Карповичъ и Николай Николаевичъ подошли къ окну. Перебѣжавъ садъ и открывая калитку, Таня обернулась и кивнула нѣсколько разъ головой.

„Обернулась..... улыбнулась...... Кому? И какія у нея удивительныя косы! И какая она замѣчательно красивая дѣвушка!“ мелькнуло въ головѣ Николая Николаевича, только теперь какъ-будто замѣтившаго необычайную прелесть Тани.

— И какая она хорошая дѣвушка!—вдругъ промолвилъ Петръ Карповичъ. Николай Николаевичъ ничего не отвѣтилъ и, точно разсердившись на что-то, отошелъ на середину комнаты.

Между тѣмъ Таня, вернувшись домой, была несказанно удивлена, заставъ въ гостиной пришедшихъ съ визитомъ Громовыхъ. Уже съ порога комнаты, по лицамъ домашнихъ, Таня замѣтила, что приходъ Громовыхъ засталъ всѣхъ врасплохъ и былъ всѣмъ непріятенъ. Павелъ Павловичъ, пріѣзжавшій на дачу обыкновенно черезъ воскресенье, сейчасъ проводилъ дома третій день подъ рядъ. Онъ писалъ секретный докладъ на имя министра и ему было удобнѣе составлять его не въ городѣ, а въ деревнѣ, гдѣ ему было легче сосредоточиться. Въ докладѣ этомъ Павлу Павловичу было предложено развить нѣкоторыя соображенія по поводу тѣхъ мѣръ, которыя возможно было бы примѣнять по отношенію къ политически неблагонадежнымъ лицамъ. Но Павелъ Павловичъ былъ несогласенъ съ тѣми основаніями, на которыя ему указало его непосредственное начальство: онъ имѣлъ свои собственныя по этому вопросу сужденія, стоялъ за мѣры болѣе строгія и рѣшительныя и, недовольный тѣмъ, что онъ не можетъ согласовать своихъ взглядовъ съ взглядами начальства, Павелъ Павловичъ былъ не въ духѣ.

При входѣ Тани въ гостиную Павелъ Павловичъ стоялъ у окна и разговаривалъ съ Иваномъ Васильевичемъ. Когда онъ поворачивалъ голову въ сторону Громова, то каждый разъ обмѣривалъ его холоднымъ взглядомъ, а слова свои словно цѣдилъ сквозь зубы. Иванъ Васильевичъ не могъ не замѣчать нѣсколько высокомѣрнаго обращенія Одинцова и поневолѣ чувствовалъ себя не совсѣмъ въ своей тарелкѣ. Тѣмъ не менѣе разговоръ свой Иванъ Васильевичъ старался вести въ непринужденномъ тонѣ, называя, впрочемъ, все время Павла Павловича — „ваше превосходительство“. Но опять таки, когда онъ произносилъ эти слова, то какъ-то особенно всякій разъ улыбался, какъ-будто желая выразить, что, относясь къ своему собесѣднику съ полнымъ почтеніемъ, онъ не придаетъ ни малѣйшаго значенія своему обращенію

къ нему. Разговаривалъ Иванъ Васильевичъ о самыхъ безобидныхъ предметахъ.

Въ то же время Марья Ильинична вела бесѣду съ сидѣвшей противъ нея на кончикѣ дивана, нахохлившейся, словно готовой каждую минуту встать и уйти изъ комнаты, Любовью Сергѣевной. Любовь Сергѣевна больше молчала, односложно отвѣчая на всѣ вопросы Марьи Ильиничны и нѣтъ-нѣтъ испуганно взглядывая на Павла Павловича.

И Павлу Павловичу и Любови Сергѣевнѣ, какъ людямъ совершенно инымъ, нежели Громовы, приходъ ихъ представлялся ничѣмъ не вызваннымъ, чуть не насильственнымъ вторженіемъ, и они смотрѣли въ эту минуту на нихъ, какъ на „tout à fait mougjks", которые не знаютъ элементарнѣйшихъ правилъ общественнаго этикета, согласно коимъ они могли ждать къ себѣ визита ихъ, Одинцовыхъ, но никакъ не дерзали быть у нихъ первыми.

Рядомъ съ Любовью Сергѣевной сидѣла Анна Ивановна, совершенно не знавшая, о чемъ говорить съ нежданной гостьей. Въ тотъ моментъ, когда въ гостиную вошла Таня, изъ противоположныхъ дверей въ комнату вошли обѣ княжны. При ихъ входѣ Марья Ильинична встала и онѣ церемонно съ ней поздоровались. Общая неловкость увеличилась послѣ того, какъ Иванъ Васильевичъ, подойдя поздороваться съ княжнами, поцѣловалъ руку у младшей княжны, ограничившись однимъ рукопожатіемъ со старшей княжной. Разговоръ окончательно пресѣкся. На нѣсколько минутъ между дамами установилось тягостное молчаніе.

— Вы любите бывать на „concours hippique", Марья Ильинична? — вздумала всѣхъ выручить Анна Ивановна, незамѣтно бросая взглядъ на Громова. Ей даже теперь казалось, что Иванъ Васильевичъ ведетъ себя такъ, какъ только и можетъ вести себя настоящій соціалистъ и она съ любопытствомъ наблюдалъ за нимъ.

— Concours hippique! Я, признаться, не нахожу въ этомъ

зрѣлищѣ ни малѣйшаго удовольствія. Оно не даетъ ничего, ни для ума, ни для сердца,—отозвалась Марья Ильинична, не замѣчая, какъ при ея словахъ обѣ княжны и Любовь Сергѣевна обмѣнялись тревожными перекрестными взглядами. Княжны и посейчасъ ежегодно посѣщали „concours hippique“ и это красивое зрѣлище навѣвало на нихъ всегда воспоминанія о давно прошедшихъ золотыхъ дняхъ, когда онѣ могли, соотвѣтственно своему богатству и рожденію, занимать достойное ихъ положеніе въ свѣтѣ.

— Въ свободное время я предпочитаю бывать въ театрахъ или на лекціяхъ, — продолжала между тѣмъ Марья Ильинична:

— Я интересуюсь сейчасъ политическими теченіями въ Европѣ и, въ связи съ этимъ, изучаю исторію французской революціи. Любовь Сергѣевна и княжны испуганно стали озираться вокругъ себя. Иванъ Васильевичъ, замѣтивъ впечатлѣніе, произведенное словами жены, счелъ нужнымъ вмѣшаться въ разговоръ. Онъ снисходительно улыбнулся и проговорилъ:

— Изъ того, что ты слышала нѣсколько лекцій Лейснера, мой другъ, мнѣ кажется, нельзя говорить, что ты изучаешь французскую революцію. Я бы сказалъ, что у тебя главную роль играетъ любопытство, можетъ-быть любознательность, но и только.

— То, о чемъ я говорю — не шутки и любопытство здѣсь не при чемъ,—обидѣлась Марья Ильинична, которую замѣчаніе мужа задѣло за живое: — Для уясненія современнаго положенія въ Россіи, необходимо знать объясненіе аналогичныхъ событій во Франціи. Наша революція...

— La révolution! Où est la révolution?—въ одинъ голосъ заговорили окончательно напуганныя княжны. Марья Ильинична густо покраснѣла, чувствуя, что ея собесѣдницы говорятъ съ нею на разныхъ языкахъ.

— Я имѣю въ виду бывшую революцію, — поневолѣ на-

чала она путаться:—Я говорю о забастовочномъ движеніи, о совѣтѣ рабочихъ депутатовъ, о возстаніи лейтенанта Шмита...

— Ah, quel horreur!—воскликнула старшая княжна, вмѣстѣ съ младшей княжной пятясь отъ Марьи Ильиничны.

Но здѣсь нашелъ себя обязаннымъ выступить Павелъ Павловичъ. Предубѣжденный къ Громовымъ самымъ приходомъ ихъ, онъ едва выносилъ разговоры Марьи Ильиничны. Когда же она заговорила о революціи, совѣтѣ рабочихъ депутатовъ и возстаніи лейтенанта Шмита, то есть о томъ, о чемъ онъ считалъ неудобнымъ высказываться даже въ кругу близкихъ ему лицъ, такъ-какъ относительно всего этого, по глубокому убѣжденію Павла Павловича, не могло быть двухъ мнѣній, онъ не стерпѣлъ и, смѣривъ Марью Ильиничну ледянымъ взглядомъ, промолвилъ:

— Сударыня! — онъ нарочно не назвалъ ее по имени: — Сударыня! Говорить о революціи въ Россіи, это... это то же занятіе, извините меня, что стучаться головою объ стѣну. Смута и вообще всѣ печальныя событія, связанныя съ ней, въ области прошлаго, — и тутъ Павелъ Павловичъ нарочно употребилъ слово—смута, вмѣсто слова революція, тѣмъ самымъ желая подчеркнуть, что никакой, въ сущности, революціи не было:—Что же касается возможности подобныхъ разговоровъ, то — Павелъ Павловичъ развелъ руками и дѣланно улыбнулся; ему хотѣлось сказать, что возможность подобныхъ разговоровъ въ своемъ домѣ онъ исключаетъ, но онъ выразился мягче: — то я ихъ считаю совершенно безпочвенными, потому что то, что у насъ было, то и осталось и, дастъ Богъ, останется навсегда.

Марья Ильинична, лихорадочно глядя на Павла Павловича, почувствовала, что на глазахъ у нея навертываются слезы. Она безпомощно посмотрѣла на мужа, какъ-бы ожидая съ его стороны поддержки. Но Иванъ Васильевичъ молчалъ, къ удивленію своему замѣчая, что онъ рѣшительно ничего не можетъ возразить Одинцову. Тогда Марья Ильинична

почти не отдавая себѣ отчета въ томъ, что она дѣлаетъ, вдругъ вскочила съ мѣста и, цѣпляясь за попадавшіеся въ комнатѣ предметы, торопливо стала со всѣми прощаться.

— Да, да, совершенно вѣрно... Я упустила изъ вида,— говорила она точно въ забытьи: — и даже вовсе не имѣла въ виду... Разные взгляды, ну, конечно, и разныя мнѣнія... Очень буду рада... Очень, очень... И у себя тоже..

Ошеломленному всей этой сценой Ивану Васильевичу не осталось ничего другого, какъ послѣдовать примѣру жены. По возможности не поддаваясь общей растерянности, онъ успѣлъ поцѣловать руки у Любови Сергѣевны, у обѣихъ княженъ и у Анны Ивановны и твердыми шагами пошелъ къ двери. Павелъ Павловичъ вышелъ вслѣдъ за Громовыми въ прихожую и при прощаніи былъ съ ними изысканно любезенъ.

Между тѣмъ съ уходомъ незванныхъ гостей, въ комнатѣ воцарилась полная тишина.

— Ils sont tout à fait socialistes,—съ грустью и не прошедшимъ еще испугомъ промолвила, наконецъ, старшая княжна, которая только теперь вспомнила и поняла о какихъ соціалистахъ говорила Анна Ивановна въ послѣдній пріѣздъ Жоржа

— И я тебѣ совѣтую, мой другъ, — обратилась Любовь Сергѣевна къ Танѣ, все время въ задумчивости стоявшей въ сторонѣ отъ остальныхъ:—съ этими людьми совсѣмъ не знаться. Они вовсе не компанія для тебя А васъ, Annette,— ѣдко замѣтила она невѣсткѣ, не въ силахъ будучи сдержать кипѣвшаго въ ней чувства возмущенія:—васъ я не понимаю... Ну, какъ вы только могли ввести въ нашъ домъ такихъ... такихъ настоящихъ соціалистовъ! — И Любовь Сергѣевна приложила платокъ къ глазамъ.

— Ah, maman! —плача, воскликнула Анна Ивановна, которая рѣшительно была не при чемъ въ неожиданномъ визитѣ Громовыхъ:—Вы всегда, всегда найдете какую-нибудь причину, что виноватой остаюсь я, одна я...

Вернувшійся въ гостиную Павелъ Павловичъ, увидѣвъ невѣстку плачущей, досадливо поморщился. Онъ хотѣлъ предостеречь Таню и Анну Ивановну относительно ихъ знакомства съ Громовыми, но пока что рѣшилъ промолчать. Всѣ, сбитые съ обычнаго настроенія, пошли въ столовую къ перестоявшемуся обѣду.

XIII.

Визитъ къ Одинцовымъ остался Ивану Васильевичу памятнымъ надолго. Перебирая въ своемъ умѣ подробности этого визита, Иванъ Васильевичъ ясно отдавалъ себѣ отчетъ, что изъ визита получилось что-то довольно несуразное. Особенно остро чувствовалъ Иванъ Васильевичъ сдержанность, которую проявилъ въ разговорѣ съ нимъ самъ Одинцовъ. И все-таки Иванъ Васильевичъ не винилъ почти ни въ чемъ никого изъ Одинцовыхъ, а винилъ свою жену. Возвращаясь отъ нихъ, Иванъ Васильевичъ не стерпѣлъ, чтобы не замѣтить, молчаливо шедшей съ нимъ рядомъ Марьѣ Ильиничнѣ, что всю кашу заварила она своимъ разговоромъ:

— Нельзя, мой другъ, всюду и вездѣ говорить то, что тебя интересуетъ. Все это можетъ ни въ малѣйшей степени не интересовать другихъ. Извѣстная выдержка... осторожность....

— Да что же такое я сказала?—съ сердцемъ прервала мужа Марья Ильинична.

— Ну, какъ же что? Завела для чего-то разговоръ о революціи, о....

— Такъ что же мнѣ, о concours hippique, что ли, надо было говорить?—вызывающе посмотрѣла она на мужа.

— Отнюдь нѣтъ! Но... но, согласись, что Одинцовы... какъ бы это сказать! Все же, они люди другой жизни, другихъ взглядовъ.

— Такъ вы прикажете мнѣ мои взгляды скрывать? Этого не было и не будетъ никогда.

— Ахъ, развѣ о томъ идетъ рѣчь? Я говорю о терпимости. Нельзя же навязывать всѣмъ только то, во что самъ вѣришь.

Марья Ильинична нервно провела рукой по волосамъ и остановилась. Къ горлу ея подступилъ какой-то комокъ. Ничего подобнаго она не ожидала услышать отъ мужа. Вмѣсто того, чтобы твердо стать на ея защиту, а она считала себя обиженной Одинцовымъ, ей приходилось выслушивать упреки отъ мужа. И вдругъ, чувство мести зашевелилось у Марьи Ильиничны въ груди. Ей вспомнилась Анна Ивановна, маленькая, болтливая Анна Ивановна, не разъ волновавшая ея воображеніе, и визитъ къ Одинцовымъ, на который она незадолго передъ тѣмъ такъ охотно согласилась, предсталъ передъ ней совсѣмъ въ другомъ видѣ.

— Я отлично васъ понимаю,—промолвила она задыхающимся голосомъ:—я очень рада, что изъ этого знакомства ничего не вышло.... Госпожа Анна Ивановна....

— Боже мой! Опять Анна Ивановна! Оставь ее, эту Анну Ивановну. При чемъ она и при чемъ я? Скажу только, что у насъ скоро ни одного порядочнаго знакомства не останется.—И, отставъ отъ жены, Иванъ Васильевичъ сталъ ходить по саду крупными, нервными шагами. Слова жены больно его задѣли.

Двѣ причины были поводомъ почему онъ рѣшилъ побывать съ визитомъ у Одинцовыхъ. Въ лицѣ Павла Павловича Иванъ Васильевичъ расчитывалъ пріобрѣсти новое, солидное знакомство, имѣть каковое онъ полагалъ себя не только въ правѣ, но желательнымъ. Разница убѣжденій—съ ней Иванъ Васильевичъ предвидѣлъ встрѣтиться у Одинцовыхъ, но развѣ разница убѣжденій обязываетъ къ чему-нибудь? Нисколько! Тотъ же Степанъ Онуфріевичъ Кубанцевъ,—Ивану Васильевичу пришелъ на память именно Степанъ Онуф-

ріевичъ,—развѣ онъ ходитъ только лѣвой ногой? Это было бы уродствомъ и этого Степанъ Онуфріевичъ не дѣлаетъ. Наконецъ, жена—Громовъ не могъ отказать ей въ прямолинейности,—и она смотрѣла на возможность знакомства съ Одинцовыми тѣми же глазами, что онъ: Павелъ Павловичъ въ нѣкоторомъ родѣ „шишка", и кто знаетъ.... Итакъ, съ этой стороны у Ивана Васильевича колебаній не было. Но кромѣ того у него была еще другая причина, почему онъ хотѣлъ завязать съ Одинцовыми знакомство: Анна Ивановна..... Но далѣе Иванъ Васильевичъ не развивалъ никакихъ возможностей даже самому себѣ и лишь имѣлъ въ виду, что существуетъ еще вторая причина. Вотъ почему Ивану Васильевичу, по выходѣ отъ Одинцовыхъ, было до нельзя досадно, что его посѣщеніе носило какой-то несуразный, почти водевильный характеръ. Онъ не могъ забыть, ни нелѣпыхъ вскрикиваній старыхъ княженъ, ни путанныхъ объясненій жены, ни ея, наконецъ, заключительныхъ словъ, изъ которыхъ онъ совершенно ничего не понялъ.

И при всемъ томъ, въ ближайшій же праздникъ Иванъ Васильевичъ ожидалъ отвѣтнаго къ себѣ визита Одинцовыхъ. Онъ и ждалъ его и сомнѣвался въ немъ. Сомнѣвался, когда вспоминалъ объ отдѣльныхъ неудачныхъ моментахъ своего посѣщенія, ждалъ—потому что хотѣлъ его.

„Въ сущности говоря", прерывалъ иногда свои размышленія Громовъ:

„разсуждая хладнокровно, что особеннаго произошло? Особеннаго во всякомъ случаѣ ничего! Сдержанность? Но ей поводъ былъ данъ женой, ея словами. Еще что? Княжны? Объ этомъ задумываться было бы немножко странно. А болѣе—рѣшительно ничего! И всякій разумный человѣкъ такъ и скажетъ—ничего! Съ другой стороны, при прощаніи, Павелъ Павловичъ былъ весьма и весьма любезенъ. Я такъ понимаю, что онъ хотѣлъ подчеркнуть, что взгляды—это одно и у него, молъ, есть свои взгляды, а знакомство—это

другое и онъ рѣшительно ничего не имѣетъ противъ. Да, очень можетъ быть, что прійдетъ, иначе это было бы совсѣмъ глупо... Растерянность Мани? Но и она понятна! Тутъ и неожиданность, и княжны, и прочее, и обычная, наконецъ, женская торопливость. Какъ бы тамъ ни было, я очень радъ, что съ Маней весь этотъ непріятный инцидентъ у меня ликвидированъ. Она повидимому поняла, что допустила промахъ, а это—главное".—Дѣйствительно, съ женой Иванъ Васильевичъ примирился, не прибѣгая для этого ни къ какимъ особеннымъ мѣрамъ. Онъ попросту далъ Марьѣ Ильиничнѣ, что называется, отойти, чему способствовало и то обстоятельство, что, въ день визита къ Одинцовымъ, онъ уѣхалъ въ Петербургъ. Вернувшись, Иванъ Васильевичъ заговорилъ съ женою въ самомъ дружелюбномъ тонѣ, какъ-будто между ними ничего особеннаго не произошло. Къ этому времени чувства у Марьи Ильиничны перебродили, непріятный осадокъ отъ посѣщенія Одинцовыхъ прошелъ и въ свою очередь она встрѣтила Ивана Васильевича, какъ всегда, дружественно. Однако Марья Ильинична не ждала къ себѣ Одинцовыхъ и старалась не думать о нихъ. Она поставила на знакомствѣ съ ними—крестъ. Наоборотъ, Иванъ Васильевичъ, тотчасъ послѣ пріѣзда своего на дачу, въ воскресенье, позавтракавъ, перешелъ въ гостиную и, волнуемый сомнѣніями, занялъ наблюдательный постъ у окна. Онъ желалъ, въ случаѣ прихода Одинцовыхъ, не дать имъ застать себя врасплохъ. Вооружившись отъ нечего дѣлать уже прочитанной газетой, Иванъ Васильевичъ мѣрно покачивался въ креслѣ-качалкѣ, то и дѣло подымая голову и поглядывая въ садъ.

— Вотъ и гость идетъ, Маруся,—крикнулъ онъ сидѣвшей въ сосѣдней комнатѣ женѣ.

— Кто такой?

— Башиловъ.

— А, Башиловъ,—отозвалась Марья Ильинична.

Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько минутъ въ гостиную вошелъ студентъ. Обмѣнявшись съ Иваномъ Васильевичемъ рукопожатіемъ, онъ проковылялъ въ комнату Марьи Ильиничны.

— Чай пили?—спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ, скоро подамъ. Садитесь, Башиловъ.—Студентъ тяжело опустился на ближайшій стулъ и утомленно потянулся.

— Что, устали Башиловъ?—повернула къ нему голову Марья Ильинична.

— Ничего, дышемъ,—небрежно бросилъ онъ свой отвѣтъ.

— А какъ дѣла?—понижая голосъ, снова обратилась къ нему хозяйка.

Башиловъ откинулъ длинныя пасмы своихъ волосъ на затылокъ и, глядя въ одну точку, произнесъ:

— Дѣла какъ нельзя лучше! Сегодня опять объѣздчикъ его сіятельства исполосовалъ погайкой деревенскаго мальчугана... въ кровь, ажно страшно смотрѣть на него... въ лѣсу поймалъ, тотъ грибы или цвѣты, чортъ его знаетъ что, собиралъ. А вчера, съ Божьей помощью, корову крестьянскую пастухи, что-ли, князевы, за потраву пристрѣлили. Все какъ нельзя лучше. Да вотъ, ужо дождемся пріѣзда господина гранда... На-дняхъ пріѣзжаетъ. Готовимся... Ха-ха-ха, готовимся къ встрѣчѣ.

— Я боюсь за васъ, Башиловъ,—вздрогнула Марья Ильинична.

— Ежели всѣ бояться будемъ, такъ въ страхѣ всю жизнь и проживемъ... И то тряслись довольно... Ну, и довольно.—

Марья Ильинична промолчала и вышла на кухню распорядиться насчетъ чая. Вскорѣ она позвала Ивана Васильевича и Башилова къ столу. Не успѣли они, однако, выпить по стакану чая, какъ въ прихожей раздался звонокъ. Иванъ Васильевичъ насторожился и испуганно посмотрѣлъ на Башилова.

— Одинцовы!—пронеслось въ головѣ Ивана Васильевича и онъ испыталъ одновременно чувство какой-то пріятной истомы и чувство почти страха, когда ему представилась возможность встрѣчи Одинцова съ Башиловымъ.

— Если это Одинцовы, Маруся,—обратился онъ къ женѣ:— мы ихъ можемъ принять въ гостиной, а Башиловъ... насъ подождетъ.—И съ этими словами Иванъ Васильевичъ вышелъ навстрѣчу ожидаемымъ гостямъ, въ то время, какъ Башиловъ проводилъ его нескрываемой усмѣшкой.

Волненіе Ивана Васильевича оказалась, однако, напраснымъ. Въ прихожей онъ увидѣлъ снимавшаго пальто Михаила Львовича Кнута.

— Ба-ба-ба, кого Богъ принесъ!—воскликнулъ Громовъ, горячо пожимая руку пріѣхавшему.

Черезъ нѣсколько минутъ Михалъ Львовичъ, грузно переваливая на короткихъ ногахъ свое тучное тѣло, вошелъ въ столовую. Поздоровавшись съ Марьей Ильиничной и Башиловымъ, онъ занялъ мѣсто за столомъ. Пока Марья Ильинична хлопотала съ чаемъ, Михаилъ Львовичъ, прищурившись, посмотрѣлъ на Ивана Васильевича и, положивъ ладони рукъ на столъ, нѣсколько разъ приподнялъ ихъ въ воздухѣ. По всему было видно, что Михаилъ Львовичъ имѣетъ сказать что-то особенное и для всѣхъ неожиданное и что онъ выжидаетъ моментъ, когда его слова могутъ произвести наибольшее впечатлѣніе. Принявъ изъ рукъ хозяйки стаканъ съ чаемъ, Михаилъ Львовичъ прервалъ, наконецъ, молчаніе:

— Я вчера пожалѣлъ, Иванъ Васильевичъ, что вы не были на собраніи комитета нашей партіи. Неожиданно рѣшился вопросъ большой важности.

Иванъ Васильевичъ метнулъ на него любопытнымъ взглядомъ. Онъ дѣйствительно не былъ вчера на засѣданіи комитета партіи, членомъ которой онъ состоялъ, но исключительно потому, что въ полученной имъ повѣсткѣ значились совершенно неинтересные для него вопросы.

— Собраніе было чрезвычайно многолюднымъ; отсутствовало всего лишь нѣсколько человѣкъ,—продолжалъ Михаилъ Львовичъ:—и по разсмотрѣніи всѣхъ текущихъ вопросовъ, президіумомъ было поставлено на баллотировку предложеніе... Я не помню чье именно предложеніе—намѣтить кандидата въ члены Государственной Думы отъ города N.

— Ну?—приподнялся Иванъ Васильевичъ со своего мѣста. Марья Ильинична застыла въ одной позѣ. Довольный достигнутымъ впечалѣніемъ, Михаилъ Львовичъ, не торопясь, отхлебнулъ изъ стакана глотокъ чая и за тѣмъ продолжалъ:

— Предложеніе единогласно было принято. Правое крыло выдвинуло кандидатуру нѣкоторыхъ своихъ и предварительная баллотировка результатовъ не дала...

— Степанъ Онуфріевичъ?—смотря во всѣ глаза на Кнута спросилъ Громовъ.

— Степанъ Онуфріевичъ, послѣ настойчивыхъ просьбъ друзей, баллотироваться согласился и борьба была жестокая.—Михаилъ Львовичъ остановился еще на одно мгновеніе и за тѣмъ, оглядѣвъ всѣхъ торжествующимъ взглядомъ, онъ бросилъ:—жестокая борьба и въ результатѣ—Степана Онуфріевича Кубанцева мы провели.

— Слава Богу!—воскликнула Марья Ильинична, тогда какъ Иванъ Васильевичъ всталъ изъ-за стола со вздохомъ облегченія:

— Фу! Отлегло отъ сердца! Воистину это лучшая новость, какую вы только могли сообщить, Михаилъ Львовичъ. Но какъ же это такъ неожиданно? Что жъ, должно радоваться и за Степана Онуфріевича и вообще за всѣхъ... и за Россію. Степанъ Онуфріевичъ—человѣкъ достойный. Побольше бы такихъ людей и легче стало бы жить и легче дышать.

И въ то время, какъ лицо Башилова передернулось судорогой, Иванъ Васильевичъ, словно отъ избытка чувствъ, потирая руку объ руку, вышелъ изъ комнаты.

Онъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, подвинулъ къ письменному столу кресло и сѣлъ въ него. Взглянувъ въ окно, Иванъ Васильевичъ на мгновенье задумался. Вмѣсто зелени сада, передъ нимъ развернулся залъ Таврическаго Дворца, а въ вѣтвяхъ ближняго дерева промелькнуло улыбающееся лицо Степана Онуфріевича.

„Да, что жъ! Своей головой и своими усиліями... Только своими! и этого никогда нельзя забывать“,—прошепталъ Иванъ Васильевичъ, отводя взглядъ отъ окна. За тѣмъ онъ досталъ изъ ящика стола листъ почтовой бумаги и принялся быстро его исписывать. Письмо свое Иванъ Васильевичъ помѣтилъ вчерашнимъ числомъ и адресовалъ Степану Онуфріевичу, ни словомъ не заикнувшись въ немъ, что ему извѣстно лестное для Кубанцева постановленіе комитета партіи. Въ письмѣ этомъ Громовъ сообщалъ, что у него много дѣлъ и что въ ближайшее время онъ не можетъ повидать Степана Онуфріевича, а потому проситъ увѣдомить его, въ какомъ положеніи находится вопросъ объ изданіи газеты, въ которой онъ хотѣлъ бы быть пайщикомъ. Послѣ неожиданной новости, сообщенной Михаиломъ Львовичемъ, Иванъ Васильевичъ рѣшилъ не откладывать отвѣта относительно своего участія въ изданіи газеты и торопился итти Кубанцеву навстрѣчу. Запечатавъ конвертъ, Иванъ Васильевичъ мечтательно улыбнулся и только что намѣревался вернуться въ столовую, какъ увидѣлъ черезъ окно вышедшую на крыльцо дачи Одинцовыхъ Анну Ивановну. Письмо, Степанъ Онуфріевичъ и газета вдругъ отступили у Ивана Васильевича на второй планъ и онъ жаднымъ взоромъ сталъ слѣдить за маленькой женщиной. Онъ не встрѣчался съ ней нѣсколько дней. И ему неудержимо захотѣлось подойти сейчасъ къ Аннѣ Ивановнѣ, увидѣть ее вблизи, услышать ее. Но одновременно съ этимъ онъ испыталъ почти физическую боль, когда вспомнилъ, что визита Одинцовыхъ онъ прождалъ напрасно.

— Ну, и прекрасно, и очень радъ... да, радъ и не нуж-

даюсь. Но Анна Ивановна! Это мы еще посмотримъ, — проговорилъ онъ вслухъ, нервно барабаня пальцами по столу.

Дождавшись пока Анна Ивановна вернулась съ крыльца обратно въ домъ, Иванъ Васильевичъ пошелъ въ столовую. Тамъ Башиловъ велъ жаркій споръ съ Михаиломъ Львовичемъ.

— Мнѣ рѣшительно начихать,—выкрикивалъ свои слова Башиловъ, заглушая голосъ Михаила Львовича:—будетъ ли въ Думѣ оппозиціонное большинство, или меньшинство и побѣдило вчера правое или лѣвое крыло вашей партіи. Либеральная буржуазія, сколько бы насъ ни увѣряли въ противномъ, никогда народу больше одного пальца не протянетъ, никогда... и это мы имѣемъ въ виду.

— Позвольте, трудовая интеллигенція идетъ рука объ руку съ народомъ... Наши мысли, наши чувства...—старался перекричать Михаилъ Львовичъ.

Иванъ Васильевичъ дождался, когда голоса спорящихъ утихли, и тогда вошелъ въ столовую. Меньше всего ему хотѣлось сейчасъ о чемъ-нибудь спорить и что-нибудь доказывать.

XIV.

Въ этотъ день Таня не выходила изъ дома. Съ утра солнце жгло какъ-то особенно немилосердно и все, что могло, живое оставалось подъ кровлею. Но когда солнце спряталось за деревьями парка и стало можно дышать, Таню неудержимо потянуло на воздухъ. Подойдя къ раскрытому настежь окну въ своей комнатѣ, она перегнулась черезъ него и съ наслажденіемъ посмотрѣла на развернувшуюся передъ ней, за паркомъ, мирную, но плѣнительную картину. Тамъ, въ одну сторону, бѣлой каймой побѣжала, скрываясь за песчаными холмиками, шоссейная дорога къ станціи, а въ другую сторону потянулись на нѣсколько верстъ засѣянныя поля, гдѣ—покрытыя начинавшею желтѣть рожью,

гдѣ блѣдно-розовою гречихой, гдѣ второй разъ взошедшимъ, разноцвѣтнымъ и душистымъ клеверомъ.

— Какъ хорошо!—невольно прошептала Таня и только-что вздумала одѣть на голову легкую соломенную шляпу, лежавшую у окна, какъ замѣтила, проходившаго мимо дачи, молодого Кульнева.

— Посмотритъ или нѣтъ?—мелькнуло у ней въ головѣ и она почувствовала тревогу ожиданія.

Но Николай Николаевичъ шелъ не оборачиваясь и не подымая головы.

— Нѣтъ, не посмотрѣлъ,—вздохнула Таня.

— Обернется или нѣтъ? Впрочемъ, для чего это? Впрочемъ, я этого хочу... Да, да, хочу!

Но Николай Николаевичъ не обернулся. А мысли Тани продолжали бѣжать. Она уже забыла, что онъ не посмотрѣлъ и не обернулся и поставила новый вопросъ:

— Свернетъ онъ вправо, или влѣво? Вправо, или влѣво? Ну скорѣй, скорѣй, пока онъ не вышелъ изъ воротъ. Да, налѣво... Я хочу, чтобъ налѣво.

Но онъ свернулъ—направо. Таня сжала губы и отошла на нѣсколько шаговъ отъ окна. Желаніе гулять у ней вдругъ прошло и она почувствовала досаду и какую-то пустоту и безполезность во всемъ, о чемъ думала.

Въ это самое время Николай Николаевичъ испытывалъ почти одинаковое съ Таней чувство. Уже нѣсколько дней, что онъ оставилъ свои занятія, съ цѣлью дать себѣ передышку, но отдыхъ былъ ему не въ отдыхъ. Въ бездѣльѣ онъ не находилъ того покоя, который приходитъ послѣ долгой, удачно исполненной работы. Работа предстояла ему впереди, ждала его и невольно мысль возвращалась къ ней и волновала его. Однако, онъ упрямо заставлялъ себя не думать о своихъ занятіяхъ. Онъ проводилъ большую часть дня на воздухѣ, чтобы по возможности утомиться и нагулять себѣ сонъ и аппетитъ.

И сейчасъ, Николай Николаевичъ шелъ безъ всякаго желанія итти, но поставивъ себѣ цѣлью сдѣлать нѣсколько верстъ и вернуться домой къ ужину. Выйдя изъ воротъ парка, Николай Николаевичъ на минуту задумался, свернуть ли ему влѣво, на шоссе, или вправо и итти вдоль парка, узкой тропой, терявшейся дальше среди засѣяннаго рожью поля. Тропа эта оканчивалась у проселочной дороги, которая вела въ ближнюю деревню. Онъ рѣшилъ пойти къ деревнѣ, потомъ спуститься къ озеру и берегомъ, мимо княжескаго замка вернуться къ парку.

Дойдя до дороги, Николай Николаевичъ пропустилъ мимо себя большое стадо коровъ и овецъ, которыхъ крестьяне, продержавъ изъ-за жары дневные часы дома, выпускали теперь въ поле до ночи. Нѣсколько деревенскихъ мальчиковъ, купаясь въ облакахъ пыли, замыкали собой шествіе, съ чувствомъ почтенія и изумленія глядя на шедшаго посреди нихъ и наигрывавшаго на самодѣльной дудкѣ, одѣтаго въ лапти и какое-то сѣрое рубище, стараго пастуха. Пропустивъ стадо, Николай Николаевичъ повернулъ на дорогу и, пройдя съ версту, вошелъ въ деревню „Верхнее Лыково".

У первой же избы Николай Николаевичъ остановился съ улыбкой. Два мальчугана, въ возрастѣ шести-семи лѣтъ, тянули за рога упрямаго, потерявшаго стадо барана. Баранъ упирался всѣми четырьмя ногами и стоялъ, какъ каменное изваяніе. Тутъ же, поджавъ хвостъ, лаялъ и на барана и на мальчугановъ большой, кудластый, охотничьей породы щенокъ.

— Хведька, а Хведька! Да ты яво ногой лягни... такъ не управимся,—училъ младшій погонщикъ, выбиваясь изъ послѣднихъ силъ.

— Чаво тебѣ, Хведька? Вишь ёнъ воротъ боится. За ворота выволокимъ—тамъ ёнъ и самъ побѣгитъ, — обливаясь десятымъ потомъ объяснялъ Федька, видимо не теряя надежды пересилить упрямое животное. Но въ это мгновеніе

товарищь Федьки увидѣлъ стоявшаго въ двухъ шагахъ отъ себя Николая Николаевича. Онъ разинулъ ротъ, а потомъ разжалъ руку. Баранъ потащилъ Федьку, Федька упалъ и тоже разжалъ свой кулакъ, а потомъ баранъ вприпрыжку пустился бѣжать вдоль деревни, а за нимъ въ погоню бросились оба мальчугана и щенокъ. Николай Николаевичъ пошелъ вслѣдъ за ними, но черезъ минуту онъ потерялъ ихъ изъ вида.

Идя деревней, раскинувшейся на добрую версту, Николай Николаевичъ невольно обратилъ вниманіе на почти полное отсутствіе въ ней мужского населенія. Только у винной лавки онъ замѣтилъ нѣсколько десятковъ бабъ и мужиковъ, съ любопытствомъ что-то разсматривавшихъ. Подойдя ближе, Николай Николаевичъ разсмотрѣлъ, какъ подъ звуки гармоники и выкрики „частушки" какого-то пьянаго парня, другой мужикъ, тоже пьяный, таскалъ за волосы ползавшую за нимъ по землѣ, на колѣняхъ, бабу.

— Батюшки... родненькіе... убьетъ... ослобоните,—причитала баба, а мужикъ, чуть не валясь съ ногъ, поучалъ ее заплетающимся языкомъ:

— Мужа? Мужа тебѣ Богомъ даннаго не моги... слышь, стерва... не моги учить... Потому, мы все знаемъ... мы...

— Что жъ это такое? Господа! Слушайте! Такъ вѣдь нельзя! Что же это?—совсѣмъ растерявшись сталъ говорить Николай Николаевичъ, но видя, что на его слова никто не обращаетъ никакого вниманія, онъ зажмурилъ глаза, закрылъ уши пальцами и бросился вонъ изъ деревни.

— Что же это? Ай-ай-ай... Что же это такое?—повторялъ онъ, стараясь избавиться отъ впечатлѣнія видѣнной имъ сцены.

Свернувъ къ озеру и пройдя нѣсколько десятковъ саженей, Николай Николаевичъ опять остановился, заслышавъ впереди какой-то неясный шумъ. Минувавъ чащу кустарника, на самомъ берегу озера, онъ увидѣлъ большую толпу мужи-

ковъ, тѣснымъ кольцомъ обступившихъ высокое, раскидистое дерево. Николай Николаевичъ пошелъ къ толпѣ. Неясный говоръ утихъ и вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, повернула въ его сторону головы.

Не замѣчая испытующихъ и недовольныхъ взглядовъ и вдругъ наступившей тишины, Николай Николаевичъ подошелъ къ собравшимся вплотную. И въ этотъ моментъ онъ услышалъ чей-то голосъ, показавшійся ему знакомымъ.

— Такъ на томъ, братцы, и порѣшимъ. Въ день пріѣзда, значитъ, попытаемъ, а тамъ посмотримъ. Намъ не дадутъ и мы не дадимъ. Другъ за дружку постоимъ крѣпко.

— Постоимъ, какъ не постоять! Имъ просто на нашемъ братѣ выѣзжать... Сами-то, небось, въ хоромахъ живутъ! Знамо дѣло, баре, князья... Ничего, всей-то деревней какъ подымемся... Еще-бъ тебѣ не всей! Всѣмъ народомъ! Управителя-то съ объѣздчиками не забудьте своей милостью... Ха-ха-ха, объ нихъ и рѣчь ведемъ...—Отдѣльныя восклицанія грубыхъ и тонкихъ голосовъ, общій шумъ, громкій, раскатистый, но какой-то недобрый хохотъ, недобрые взгляды и недобрые усмѣшки—все это вдругъ развернулось передъ Николаемъ Николаевичемъ, при зрѣлищѣ начавшей быстро таять толпы и повѣяло на него ожиданіемъ чего-то дикаго и безсмысленнаго, готоваго претвориться изъ словъ въ дѣло. Но не успѣлъ Николай Николаевичъ прійти въ себя и собраться съ мыслями, какъ увидѣлъ прямо передъ собой стоявшаго Башилова.

— А, Николай, это ты? Ишь спугнулъ насъ! Ну, да ладно, говорить больше не о чемъ,—промолвилъ Башиловъ, подходя и здороваясь съ Кульневымъ. Нѣкоторые изъ мужиковъ, поотставшіе отъ расходившихся товарищей, заслышавъ привѣтствіе Башилова, проходя мимо Кульнева, приподняли свои картузы и шапки. Но онъ не замѣтилъ ихъ движенія и смотрѣлъ на Башилова испуганными глазами.

— Башиловъ, что это?—спросилъ онъ его, переводя духъ.

— Это ты насчетъ чего?—притворился тотъ непонимающимъ.

— О чемъ ты говорилъ? Что обѣщалъ? На что они готовятся?—быстро сталъ говорить Кульневъ. Лицо Башилова передернулось судорогой, онъ нѣсколько секундъ помолчалъ и вдругъ набросился на своего собесѣдника:

— Что тебѣ нужно здѣсь? Кто тебя звалъ? Что непонятнаго для тебя случилось?

— Все, все... Но хотя то, что я слышалъ, мнѣ непонятно, я чувствую... я чувствую... Башиловъ, прости меня,—вскричалъ Николай Николаевичъ, хватая студента за руку:—но мнѣ кажется, что ты училъ ихъ чему-то страшному, преступному.... Что ты готовишь?

— Ха-ха-ха... Я-Царь! Я-Богъ! Ну, однако, пойдемъ, mon ami... Чего же намъ здѣсь топтаться на одномъ мѣстѣ,—переходя въ свой обычный тонъ, проговорилъ Башиловъ.

— Оставь! Если ты не хочешь отвѣчать, такъ и скажи,—съ сердцемъ вымолвилъ Кульневъ.

— Дѣйствительно не хочу... Это ты справедливъ, совершенно справедливъ,—разсмѣялся Башиловъ, но потомъ, пройдя нѣсколько шаговъ, онъ громко, во всю грудь вздохнулъ и внезапно сдѣлался серьезенъ.—Какой ты странный, Николай!—проговорилъ онъ, глядя куда-то въ сторону:—вѣдь вотъ, сколько я тебя знаю, а хоть разорви меня на части, смотрю иной разъ и диву даюсь. Ну, что ты—на землѣ живешь, или на лунѣ?

— Въ чемъ дѣло?—въ свою очередь удивился Николай Николаевичъ, никогда не слышавшій подобныхъ рѣчей отъ Башилова.

— Онъ еще спрашиваетъ, въ чемъ дѣло! да въ томъ дѣло, что кругомъ ужасъ одинъ стоитъ, сплошной ужасъ... Сильный душитъ слабаго, богатый—бѣднаго.

— Ужасъ! ужасъ!—задумавшись повторилъ слова студента Кульневъ.

— Ну, и въ такомъ случаѣ честные люди или не должны жить...

— Они должны жить.

— Или не должны бездѣйствовать.

— Да, да, не должны бездѣйствовать.

— Ну, и Антонъ Башиловъ не молчитъ, въ другомъ мѣстѣ, думать надо, Степанъ не молчитъ, въ третьемъ—Федоръ.

Николай Николаевичъ вздрогнулъ.

— И что же?

— Что?—переспросилъ студентъ и протянулъ впередъ свою руку вверхъ ладонью:

— То, что было такъ, мы перевернемъ этакъ,—и онъ повернулъ руку ладонью внизъ. Николай Николаевичъ остановился и какъ раньше испуганно и пытливо посмотрѣлъ Башилову въ глаза.

— Зачѣмъ?

— Вотъ, вотъ, вотъ, я говорю—съ луны упалъ, прямо съ луны,—разгорячился студентъ:

— Да за тѣмъ, чтобы князь не ѣздилъ въ автомобилѣ, мужикъ не спалъ на соломѣ, рабочій...

— И это все? И мужикъ не будетъ таскать своей бабы за волосы? И мы будемъ съ тобой понимать другъ друга? Рай, царство Божіе на землѣ...

— Да на кой мнѣ чортъ знать, рай или не рай? А впрочемъ, жаль, что ты не спросилъ одного изъ нихъ, — Башиловъ мотнулъ головой въ сторону деревни:—Имъ, пожалуй, кое-что для рая необходимо. А у князя-то!—продолжалъ онъ присѣдая, какъ-будто отъ подступившаго къ нему смѣха и указывая рукой на возвышавшійся передъ нимъ замокъ:

— Хоромы каменныя... Самъ ходитъ птицею... денегъ тьма... А ему все мало, все мало! Ну, однако, мнѣ съ тобой не по пути, — опять мѣняя тонъ, вдругъ заключилъ Башиловъ, съ видимымъ желаніемъ отвязаться отъ своего спут-

ника: — управляющій для чего-то звалъ. Пожалуй, того... пронюхалъ, мерзавецъ... Ну, да ладно, посмѣемся и мы... ухъ, какъ посмѣемся.

— Чему ты ихъ научилъ, Башиловъ? — снова вернулся къ своему вопросу Николай Николаевичъ, почувствовавъ въ словахъ Башилова угрозу.

— Пустяки! Такъ, попугаемъ пятаго-десятаго.

— А ихъ не попугаютъ? Эй, Башиловъ, не головами ли человѣческими играешься?

— Ха-ха-ха, съ луны упалъ, съ луны упалъ, — нелѣпо выкрикнулъ Башиловъ и побѣжалъ на своихъ хромыхъ ногахъ прочь отъ Кульнева.

Николай Николаевичъ не остановилъ Башилова и даже не посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Онъ продолжалъ итти впередъ, весь занятый неожиданно нахлынувшими къ нему мыслями:

„И онъ ищетъ... и ему мало“, прошепталъ онъ и въ воображеніи его предстала видѣнная имъ вокругъ Башилова толпа. Ему вспомнились отдѣльныя, услышанныя имъ, слова и фразы и ледяной холодъ пробѣжалъ у него по спинѣ:

„Намъ не дадутъ и мы не дадимъ... Въ хоромахъ живутъ, баре, князья... Всей деревней подымемся“...

— Да, да, неизбѣжно подымутся, — вслухъ проговорилъ Николай Николаевичъ: — всей землей и у всѣхъ народовъ... Всѣ ищутъ, всѣ хотятъ... всѣмъ нельзя, не хватаетъ всѣмъ.—

Николай Николаевичъ не замѣтилъ, какъ дошелъ до парка.

Солнце спряталось за горизонтомъ и, словно провожая его, деревья оживились и заговорили. Голубое небо вдругъ переодѣлось, стало розовымъ, а края его разукрасились золотисто-краснымъ поясомъ. Николай Николаевичъ посмотрѣлъ на небо. И почудилось ему, что оно горитъ жаркимъ пламенемъ и окрашиваетъ землю въ красный, кровавый цвѣтъ, а въ шепотѣ листьевъ и тихомъ шуршаніи травы,

онъ разобралъ предостерегающіе, полные угрозъ, звуки. Точь-въ-точь отдаленный шумъ толпы, но толпы несмѣтной, большей листьевъ на деревьяхъ и травы на землѣ. Шумъ растетъ. Выдѣляются отдѣльные придушенные стоны... плачъ, вопли, зубовный скрежетъ... Земля дрожитъ. Все сокрушается, все горитъ... Вѣтвистыя деревья принимаютъ форму извивающихся человѣческихъ тѣлъ... Въ предсмертной борьбѣ сплелись двѣ грозныя земныя силы...

— Отдай! Отдай! Оооооо... Аaaaaaa...—разносится и постепенно замираетъ гулъ и небо становится темнымъ и на землю спускаются ночныя сумерки.

Николай Николаевичъ сжалъ до боли виски и почти бѣгомъ направился къ дому.

— Бѣгутъ, бѣгутъ,—било у него, точно молотами, въ головѣ:—другъ друга давятъ, падаютъ, подымаются и опять бѣгутъ, а призраки все впереди, къ нимъ добѣжать не могутъ и не смогутъ...

XV.

Въ домѣ Одинцовыхъ было уныніе. Со дня отъѣзда Жоржа прошло болѣе мѣсяца и съ тѣхъ поръ онъ не пріѣзжалъ. Обѣщая въ каждомъ письмѣ побывать въ Лыковѣ при первой возможности, обѣщанія своего Жоржъ почему-то не исполнялъ. Не видно было и Кравцова.

Наконецъ, наступилъ канунъ семейнаго торжества, дня рожденія Тани, приходившагося на воскресенье. Всѣ въ домѣ были увѣрены, что уже въ субботу Жоржъ будетъ въ Лыковѣ, но суббота была на исходѣ, а Жоржъ опять не пріѣхалъ.

— Съ нимъ что-нибудь случилось. Я чувствую, что съ нимъ что-нибудь случилось,—говорила по нѣсколько разъ на дню Любовь Сергѣевна, обращаясь по очереди ко всѣмъ домашнимъ, за исключеніемъ одной Анны Ивановны, съ ко-

торой она почти не разговаривала. Любовь Сергѣевна винила молодую женщину, что та не умѣетъ привязать Жоржа и сдѣлать для него пребываніе на дачѣ пріятнымъ.

Во всемъ домѣ одна Таня относилась спокойно къ продолжительному отсутствію Жоржа и это потому, что она была увѣрена, что ничего серьезнаго съ нимъ не случилось.

Надумавъ подъ вечеръ пойти прогуляться, Таня зашла въ комнату къ Аннѣ Ивановнѣ позвать ее. Анна Ивановна сидѣла съ заплаканными глазами за рабочимъ столикомъ и писала Жоржу письмо. Она упрекала его, какъ это она дѣлала въ каждомъ письмѣ къ нему, въ нелюбви къ ней и горько жаловалась на непроходимую скуку въ Лыковѣ, отъ которой, она писала, что теперь уже навѣрно сойдетъ съ ума, если онъ продержитъ ее вдали отъ себя еще недѣлю. Увидѣвъ вошедшую Таню, Анна Ивановна начала громко всхлипывать. Не зная, чѣмъ утѣшить молодую женщину, Таня поцѣловала ее, потомъ взяла у ней изъ рукъ перо и сдѣлала въ письмѣ къ Жоржу приписку. Таня написала брату, что ему должно быть стыдно передъ женой за его лживыя обѣщанія. Прочтя эти слова, Анна Ивановна еще горше заплакала и итти съ Таней отказалась.

Таня вышла изъ комнаты и спустилась въ садъ. Увидѣвъ стоявшую у калитки мать, она предложила ей прогуляться по парку.

— Ахъ, ужъ я и сама не знаю! Такъ сжимаетъ сердце, такъ сжимаетъ,—вздохнула Любовь Сергѣевна.

— Все это противный Жоржъ виноватъ,—сдвинула брови Таня.

— Нѣтъ, нѣтъ, Таня! Ты неправа. Я чувствую, что съ Жоржемъ какое-нибудь несчастье приключилось.

— А я нисколько этого не чувствую,—съ сердцемъ вымолвила молодая дѣвушка, беря мать подъ руку.

Обойдя паркъ кругомъ, Одинцовы возвращались къ дому, когда замѣтили шедшихъ навстрѣчу Кульневыхъ. Любовь

Сергѣевна поздоровалась съ Петромъ Карповичемъ и познакомилась съ Николаемъ Николаевичемъ. Въ то время, какъ она заговорила о чемъ-то со старикомъ Кульневымъ, Таня, отойдя на нѣсколько шаговъ въ сторону, пытливо посмотрѣла на Николая Николаевича. За нѣсколько дней, что она не видѣла его, онъ показался ей еще больше измѣнившимся и осунувшимся.

„Что же съ нимъ?“ подумала она и ей стало жаль, что она не можетъ прямо спросить его объ этомъ.

Когда Любовь Сергѣевна прощалась съ Кульневыми, Таня шепнула матери, чтобы та пригласила ихъ къ нимъ въ домъ. Любовь Сергѣевна на мгновеніе замялась, но затѣмъ поспѣшно исполнила желаніе дочери.

„Ахъ, нѣтъ! Совсѣмъ, совсѣмъ не такъ надо было ихъ позвать“, думала Таня, идя рядомъ съ матерью.

Вернувшись домой, Любовь Сергѣевна и Таня застали пріѣхавшаго изъ Петербурга Павла Павловича. Онъ былъ замѣтно въ хорошемъ расположеніи духа. Вскорѣ вся семья собралась за чаемъ. Неизбѣжно разговоръ зашелъ о Жоржѣ. Однако, Павелъ Павловичъ нисколько не раздѣлялъ безпокойства жены и Анны Ивановны. Но онъ не безпокоился за сына вовсе не потому, что для этого не было достаточныхъ основаній, а потому, что онъ былъ всецѣло поглощенъ важными вопросами, касавшимися его лично. Въ Департаментѣ, по которому служилъ Павелъ Павловичъ, открывалась должность вице-директора и онъ сильно расчитывалъ быть назначеннымъ на нее.

Ради этого Павелъ Павловичъ принималъ всѣ доступныя для него мѣры. Не далѣе, какъ утромъ онъ побывалъ у одного изъ родственниковъ Любови Сергѣевны, ея двоюроднаго брата, князя Запольскаго, вліятельнаго члена Государственнаго Совѣта, пообѣщавшаго ему свою поддержку.

И теперь Павелъ Павловичъ перевелъ разговоръ на интересовавшую его тему. Онъ разсказывалъ, кого онъ встрѣ-

тилъ у Запольскихъ и куда они предполагаютъ ѣхать на оставшуюся часть лѣта.

— Кстати, надо имѣть въ виду, что завтра княгиня съ дочерью обѣщались пріѣхать къ намъ.

— Зизи? Какъ я рада ей! — съ заблестѣвшими глазками воскликнула Анна Ивановна. Зизи Муравлина, замужняя дочь княгини Запольской, была институтской подругой Анны Ивановны.

Услышавъ, что на завтра ожидаются гости, Таня поморщилась. Но она тотчасъ забыла объ этомъ, потому что занята была какими-то сложными внутренними переживаніями.

— Да, совсѣмъ, совсѣмъ мама не такъ позвала ихъ,— чуть не въ десятый разъ подумала Таня и съ внезапно назрѣвшимъ въ головѣ рѣшеніемъ, не допивъ чая, она вышла изъ-за стола.

Черезъ пять минутъ Таня была у сада Петра Карповича. Но когда на крыльцо дома вышелъ Николай Николаевичъ и пошелъ прямо на нее, Таня заколебалась въ своемъ рѣшеніи. Однако, уходить было поздно.

— Я словно чувствовалъ, что вы здѣсь... Какъ это странно, не правда ли, Татьяна Павловна? — проговорилъ Кульневъ, подходя къ ней.

— Ахъ, да, все это очень странно... Но я хотѣла вамъ сказать, васъ предупредить... впрочемъ, нѣтъ, я успѣю сказать... Я хотѣла узнать, что съ вами, Николай Николаевичъ?— не подымая глазъ, выговорила Таня.

— Со мной?—задумавшись переспросилъ онъ:—со мной, ничего.

— Ахъ нѣтъ, вы скрываетесь... Я вижу, я чувствую.

Лицо Кульнева измѣнилось и приняло почти страдальческое выраженіе. И вдругъ, сомнѣнія, которыми онъ болѣлъ все послѣднее время, нашли у него выходъ, въ неудержимо вырвавшихся словахъ:

— Если бы вы знали, какъ тяжело сознавать свое без-

силіе, можетъ быть свое неумѣніе. Вотъ-вотъ, казалось, сказано то, что хотѣлъ, о чемъ думалъ... Еще нѣсколько дней, нѣсколько словъ и работа кончена... должна была быть кончена. И вдругъ! Словно какая-то чужая сила пришла и сковала умъ... Усталъ, не выдержалъ... Нѣтъ силы. Гдѣ взять ее?—

Таня, молча слушавшая Николая Николаевича, при послѣднихъ словахъ его подняла голову и въ глазахъ ея зажглись огоньки.

— Гдѣ сила?—твердо выговорила она:—она у васъ есть. Да, есть! Вы работу кончите. Ваша работа прекрасна. Да, да, она другой быть не можетъ, она прекрасна, слышите ли вы это? И вы ее кончите потому, что я этого хочу.—Но порывъ Тани прошелъ и она остановилась. На смѣну властному, рѣшительному чувству прокралось другое — нѣжное, еще болѣе властное. Таня робко взглянула на Кульнева и, вся зардѣвшись, проговорила:

— Я вамъ хотѣла сказать... васъ предупредить.. чтобы вы завтра вечеромъ пришли къ намъ. Да, прежде чѣмъ вы возьметесь за свою работу, вы должны быть у насъ... Слышите, Николай Николаевичъ?—И почти шепотомъ она закончила:—Я васъ прошу... Я буду ждать.

Таня медленно повернулась и какъ тѣнь скрылась за деревьями.

— Милая,—прошепталъ ей вслѣдъ Николай Николаевичъ, словно просыпаясь отъ какого-то необычайнаго, чудеснаго сна.

XVI.

Съ тяжелымъ сердцемъ проводила день рожденія дочери Любовь Сергѣевна. Она болѣе не сомнѣвалась, что съ Жоржемъ приключилось какое-то несчастье. Жоржъ не только не пріѣхалъ ни съ однимъ изъ утреннихъ поѣздовъ, онъ даже не прислалъ Танѣ поздравленія.

Тотчасъ послѣ завтрака, Любовь Сергѣевна, чувствуя не въ силахъ выдерживать долѣе пытку, послала на имя Жоржа въ лагери срочную телеграмму, умоляя его не скрывать передъ ней правды, какъ-бы она ни была ужасна, и сообщить ей все, что съ нимъ произошло. Любовь Сергѣевна желала только одного, чтобъ Жоржъ былъ живъ и здоровъ.

— Все остальное пустяки, все, все, — то и дѣло повторяла она.

Не меньше чѣмъ Любовь Сергѣевна терзалась Анна Ивановна. Но терзанія Анны Ивановны происходили не отъ неизвѣстности, что съ Жоржемъ, а отъ того, что въ поведеніи мужа она усматривала полное его равнодушіе и невниманіе къ ней.

И только Павелъ Павловичъ и Таня жили сейчасъ своими личными, глубоко захватившими ихъ интересами. Павлу Павловичу не давала покоя мысль о вакантной должности вице-директора и онъ обдумывалъ тѣ шаги, которые ему надлежало предпринять для полученія этой должности, а Таня съ утра встала въ какомъ-то особенномъ, приподнятомъ настроеніи, чего-то ждала и чего-то желала.

Когда вся семья, послѣ завтрака, сидѣла на террасѣ, въ ожиданіи скораго пріѣзда княгини Запольской съ дочерью, къ калиткѣ сада подъѣхали извозчичьи дрожки и съ нихъ вышелъ Кравцовъ.

Какъ Одинцовы ни были заняты своими заботами, видъ блѣднаго, измѣнившагося въ лицѣ, Кравцова бросился имъ въ глаза. Но только одна Таня почувствовала причину происшедшей съ нимъ перемѣны. Она вспомнила послѣдній пріѣздъ его въ Лыково и поѣздку въ монастырь и ей стало безконечно жаль его.

Между тѣмъ Анна Ивановна, едва Кравцовъ поздоровался со всѣми, спросила его, что онъ скажетъ про Жоржа.

Любовь Сергѣевна вся обратилась въ слухъ. Она сама хотѣла задать этотъ вопросъ, но боялась отвѣта.

„Только бы мой мальчикъ былъ живъ и здоровъ", въ сотый разъ подумала Любовь Сергѣевна, подымая глаза къ потолку.

Съ отвѣтомъ однако же Кравцовъ медлилъ. Онъ видѣлъ Жоржа наканунѣ и по неоднократнымъ, настойчивымъ его просьбамъ сообщить Павлу Павловичу о его крупномъ проигрышѣ, рѣшилъ, наконецъ, ѣхать въ Лыково. Но откладывалъ свою поѣздку Кравцовъ со дня на день и отъ праздника къ празднику. Кравцовъ желалъ ѣхать, желалъ говорить съ Таней, но его останавливала та безобразная сцена, которую Таня можетъ быть видѣла—онъ точно этого не зналъ, когда онъ пилъ водку съ Башиловымъ и былъ пьянъ. Кравцову было невыносимо стыдно, но еще сильнѣе стыда въ немъ росло требованіе разсѣять тѣ сомнѣнія, которыми болѣла его душа. Онъ желалъ понять Таню.

— Съ Жоржемъ, вы спрашиваете, что? Съ нимъ рѣшительно ничего,—замявшись, отвѣтилъ Кравцовъ. Онъ расчитывалъ переговорить съ Павломъ Павловичемъ о проигрышѣ Жоржа съ глазу на глазъ и теперь ему было непріятно лгать.

— То-есть, какъ же такъ ничего? Здоровъ онъ?—волновалась Анна Ивановна.

— Да, здоровъ... Честное слово, совершенно здоровъ.

Любовь Сергѣевна облегченно вздохнула и перекрестилась.

— Но если онъ здоровъ, тогда почему же онъ столько времени не пріѣзжаетъ? Можетъ быть онъ съ лошади упалъ?—сдѣлала единственно казавшееся ей возможнымъ предположеніе Анна Ивановна.

— Да, да, вотъ именно, съ лошади упалъ,—подхватилъ Кравцовъ.

— Ахъ!—громко вскрикнула, хватаясь за сердце, Любовь Сергѣевна:—Убился, да? На смерть убился? Лежитъ искалѣченный, умирающій... Говорите все, я мать... Я хочу все знать.

Кравцовъ увидѣлъ себя поставленнымъ въ безвыходное положеніе.

— Тьфу ты, пропасть! Не угодно ли, въ какую исторію ввязался? Да ни съ какой онъ лошади не упалъ,—чуть не плача, закричалъ онъ: — Здоровехонекъ, вашъ Жоржъ... Ей-Богу, ну, здоровъ.

— Тогда, что же?

-- Что? Вы хотите знать—что? Въ карты Жоржъ проигрался.

Павелъ Павловичъ, начавшій проявлять признаки безпокойства, слыша путанныя объясненія Кравцова, при послѣднихъ словахъ его нахмурился и строго на него посмотрѣлъ.

— Много онъ проигралъ?

— Нѣтъ, пустяки... То-есть, конечно много, но не очень.

— Однако, сколько же?

— Вотъ этого я, ужъ вы меня извините, не знаю... Знаю только, что пять тысячъ онъ долженъ вернуть... Желательно, чтобы вернулъ,—опустивъ голову и какъ-будто разсматривая что-то на полу, промолвилъ Кравцовъ.

— Пять тысячъ!—протянулъ Павелъ Павловичъ и губы его дрогнули: — Да, не очень много... Однако, столько, что я этихъ денегъ не имѣю и... и платить ихъ не буду. — И Павелъ Павловичъ ушелъ въ комнаты.

На лицахъ у всѣхъ появилось замѣшательство. Любовь Сергѣевна, только что передъ тѣмъ желавшая одного, — чтобы Жоржъ былъ живъ и здоровъ,—пришла въ трепетъ. Пяти тысячъ, Любовь Сергѣевна это знала, у Павла Павловича не было и едва ли онъ въ состояніи былъ ихъ достать.

Анна Ивановна въ слезахъ спустилась въ садъ. Ей было жаль пяти тысячъ, но еще болѣе жаль саму себя, за то, что Жоржъ ради картъ и денегъ такъ легко забылъ о ней. Обѣ княжны, по обыкновенію молча сидѣвшія за столомъ, тоже ушли къ себѣ въ комнату.

На террасѣ осталась Таня и Кравцовъ. Они сидѣли молча, какъ-будто не зная о чемъ говорить. Танѣ казалось, что если она начнетъ спрашивать Кравцова, разговоръ не-

избѣжно перейдетъ на нее. А ей такъ не хотѣлось говорить о самой себѣ, она такъ плохо понимала сейчасъ себя и ей такъ желалось одиночества.

Между тѣмъ Анна Ивановна, побродивъ по саду, вышла въ паркъ. Хотя Анна Ивановна и не желала плакать, слезы лились у нея какъ-то сами собой. Но даже при этихъ обстоятельствахъ Анна Ивановна не забывала, что вскорѣ должны пріѣхать княгиня Запольская съ дочерью и можетъ быть невзначай кто-нибудь изъ петербургскихъ знакомыхъ Одинцовыхъ.

— Я не должна плакать,—твердо рѣшила молодая женщина: — отъ слезъ у меня всегда образуются синяки подъ глазами. Что дѣлать, мнѣ надо быть твердой.

Въ эту минуту Анна Ивановна замѣтила невдалекѣ отъ себя Громова. Она не встрѣчалась съ нимъ давно. Анна Ивановна сдѣлала надъ собою усиліе и вызвала на лицѣ улыбку.

— Боже мой! Что съ вами? — проговорилъ, подходя и здороваясь, Громовъ, отъ котораго не ускользнуло разстроенное выраженіе лица Анны Ивановны.

— Нѣтъ, нѣтъ... ничего, ничего- залепетала Анна Ивановна, чувствуя, какъ слезы опять неудержимо льются у нея изъ глазъ.

— Но, ради Бога... все что угодно! — воскликнулъ Громовъ, складывая на груди руки.

— Ахъ, нѣтъ; не вѣрю я ничему... всѣ вы мужчины гадкія, невѣрныя, противныя созданія, — продолжала Анна Ивановна, къ удивленію Громова въ одно и то же время плача и смѣясь.

— О, нѣтъ, не всѣ! Увѣряю васъ, не всѣ и... и требуйте отъ меня чего хотите, — самъ не понимая того, что онъ говоритъ, перебилъ молодую женщину Громовъ.

— Опять новое пари? — складывая ротъ въ улыбку, кокетливо спросила Анна Ивановна.

— А какъ же старое? Вы все еще моя должница? — пріободрился Иванъ Васильевичъ.

— Опять вы со своими глупостями?

— Нѣтъ, право же... И я... я долѣе ждать отказываюсь. Такъ нельзя держать пари,—обиженно проговорилъ Громовъ.

— Чего же вы хотите?

— Я хочу... Я скажу вамъ объ этомъ послѣ.

— Ха-ха-ха... Опять послѣ!

— Сегодня же, но вечеромъ.

Анна Ивановна удивленно подняла брови, но затѣмъ испугалась. Ей представилось, что Громовъ, чего добраго, явится къ нимъ въ домъ. Этого Анна Ивановна отнюдь не желала допустить, потому что она помнила визитъ Громовыхъ, изъ-за котораго она пролила не мало слезъ.

— Почему вечеромъ? Развѣ вы думаете меня увидѣть вечеромъ? Думаете, что я выйду?

— Да, я надѣюсь... Я прошу этого, какъ милости... Я требую этого, какъ справедливости, — воскликнулъ Иванъ Васильевичъ.

— Требовать, вы не смѣете... Ну, а надѣяться—я не запрещаю,—разсмѣялась Анна Ивановна и побѣжала къ дому.

Подымаясь на террасу, она повстрѣчалась съ Кравцовымъ. Анна Ивановна хотѣла ему что-то сказать, но, взглянувъ на него, молча пропустила мимо себя. На террасѣ она застала Таню, грустно слѣдившую за уходившимъ молодымъ офицеромъ.

— У нихъ было какое-то объясненіе, — рѣшила Анна Ивановна.

Но она ошибалась. Между Таней и Кравцовымъ было сказано всего нѣсколько незначительныхъ словъ. Но этихъ словъ для Кравцова было повидимому достаточно. Передъ самымъ приходомъ Анны Ивановны, онъ подошелъ къ Танѣ, какъ-бы намѣреваясь ей что-то сказать, но только махнулъ рукою, быстро повернулся и пошелъ прочь.

— Куда же вы?—хотѣла остановить его Таня, но, словно, понявъ безцѣльность этого вопроса, промолчала.

Вывели Таню изъ задумчивости показавшіяся изъ комнаты княжны.

— Où est maman?—обратились онѣ съ вопросомъ къ молодой дѣвушкѣ. Та отвѣтила, что по всей вѣроятности въ кабинетѣ у отца.

Дѣйствительно, Павелъ Павловичъ ходилъ въ это время изъ угла въ уголъ по своей комнатѣ, изрѣдка останавливаясь передъ сидѣвшей въ креслѣ и плакавшей Любовью Сергѣевной.

— И не подумаю; такъ, многоуважаемая Любовь Сергѣевна, и запишите, что не подумаю палецъ о палецъ ударить для вашего Жоржа,—говорилъ Павелъ Павловичъ, называя жену по имени и отчеству, что онъ всегда дѣлалъ, когда бывалъ кѣмъ-нибудь недоволенъ.

— Но, Paul, пощади меня... прошу тебя, пощади,—безпрестанно повторяла Любовь Сергѣевна?—Однако Павелъ Павловичъ ее не слушалъ:

— Какъ вамъ это нравится!—возмущаля онъ:

— Получаетъ ноль, полный ноль, а спускаетъ тысячи. Пять тысячъ, каково! Нѣтъ, палецъ о палецъ для вашего Жоржа я не ударю.

— Но, Paul,—начала было говорить Любовь Сергѣевна когда въ кабинетъ вошли княжны. Видъ ихъ былъ торжественный. Онѣ взглянули на Павла Павловича, потомъ на Любовь Сергѣевну и не спѣша подошли къ ней:

— Cherie, mais pourquoi pleurez vous? Pourquoi?—но спрашивать объ этомъ княжнамъ было совершенно незачѣмъ, потому что онѣ прекрасно знали причину слезъ сестры.

— Теперь слушайте, что мы надумали... И вы тоже, Paul,—промолвила старшая княжна.

— Oui, et vous aussi, Paul,—повторила младшая княжна.

— Мы рѣшили и просимъ васъ, Paul,—продайте пане

имѣніе. Да, продайте имѣніе и возьмите столько, сколько надо вамъ и сколько надо Жоржу.

Княжны замолчали, ожидая проявленія какихъ-нибудь чувствъ своихъ слушателей. Но Павелъ Павловичъ не обнаруживалъ никакой радости. Наоборотъ, онъ схватилъ подвернувшуюся ему подъ руку коробку со спичками и съ ожесточеніемъ принялся ломать ее пальцами. Но что могъ отвѣтить онъ княжнамъ?

Любовь Сергѣевна заплакала пуще прежняго. Княжны, ожидавшія совсѣмъ другого, удивленно переглянулись.

— Зачѣмъ плакать? да чего?—принялись онѣ успокаивать сестру:—мы такъ хорошо выдумали... Теперь надо смѣяться.

— Ah, merci, merci... Я теперь плачу отъ радости,—едва смогла выговорить Любовь Сергѣевна.

XVII.

Николай Николаевичъ ни словомъ не обмолвился Петру Карповичу о своемъ послѣднемъ разговорѣ съ Таней. Велико было поэтому изумленіе старика, когда на слѣдующій день, за обѣдомъ, Николай Николаевичъ заявилъ, что вечеромъ ихъ ждутъ Одинцовы. Петръ Карповичъ не сталъ разспрашивать племянника, но понялъ изъ словъ его, что онъ хочетъ итти. Этого было достаточно, чтобы итти пожелалъ и Петръ Карповичъ. Но удивляться въ этотъ день Петру Карповичу пришлось не одинъ разъ. Во-первыхъ, ему бросилось въ глаза давно небывалое, бодрое настроеніе Николая Николаевича; за тѣмъ Петръ Карповичъ увидѣлъ, что молодой человѣкъ снова взялся за работу и взялся съ видимой охотой.

— Что за притча такая? Или мои грѣшныя молитвы услышаны?—думалось Петру Карповичу и онъ чувствовалъ, будто онъ самъ молодѣетъ и крѣпнетъ.

Задолго до вечера Петръ Карповичъ сталъ готовиться къ визиту. Словно не довѣряя въ такомъ важномъ дѣлѣ Аксиньѣ, онъ самъ вынулъ изъ шкапа свое и Николая Николаевича платье, внимательно разсмотрѣлъ его и вычистилъ. Конечно, свой старый, потертый сюртукъ, сколько ни старался Петръ Карповичъ, онъ не могъ превратить его въ новый, но это вовсе не было важно. Чтобы не ударить лицомъ въ грязь передъ Одинцовыми, Петру Карповичу надо было убѣдиться, что платье племянника въ полной исправности. При этомъ случаѣ старикъ не забылъ вспомнить, какъ кстати онъ отдалъ сюртукъ Николая Николаевича въ утюжку.

Ровно въ девять часовъ Петръ Карповичъ постучался въ комнату племянника.

— Николенька! если итти, такъ надо одѣваться,—окликнулъ онъ его.

— Да, да, дядюшка, я знаю... Вы тамъ приготовьте все, а я сейчасъ... Хочу только кое-что на память себѣ записать,—услышалъ онъ отвѣтъ и пошелъ еще разъ пересмотрѣть, все ли онъ приготовилъ къ отходу.

Прождавъ полчаса, Петръ Карповичъ рѣшилъ, что долѣе ждать нельзя. Онъ осторожно отворилъ дверь и вошелъ въ комнату къ Николаю Николаевичу. Тотъ сидѣлъ за столомъ, у окна, углубившись въ письменную работу.

— Николенька, половина десятаго... Неудобно! Татьяна Павловна можетъ быть ждетъ,— промолвилъ онъ.

Молодой человѣкъ сладко потянулся.

„Да, можетъ быть ждетъ,—подумалъ онъ:—она сказала мнѣ... Что она мнѣ сказала?—Я васъ прошу... я васъ буду ждать“.

Онъ улыбнулся ему одному видимому образу и отложилъ перо въ сторону.

— Тащите-ка, дядюшка, мою аммуницію и собирайтесь.

— Сейчасъ, сейчасъ, Николенька,—заторопился старикъ.

Но едва Петръ Карповичъ вышелъ изъ комнаты, какъ молодой человѣкъ сталъ серьезенъ и снова взялся за перо.

— Вотъ, тутъ и сюртукъ твой, и галстухъ, и воротничекъ— все готово... Пойду и я одѣваться,—промолвилъ вернувшійся съ платьемъ въ рукахъ Петръ Карповичъ.

— Да, все рѣшительно будетъ готово,—не слыша словъ Петра Карповича и отвѣчая на свою мысль, повторилъ за нимъ молодой человѣкъ.

Пройдя къ себѣ, Петръ Карповичъ поспѣшно сталъ переодѣваться. Онъ остановился только въ нѣкоторомъ колебаніи, пристегнуть ли къ сюртуку георгіевскій крестикъ, заслуженный имъ въ турецкую войну.

— А почему и нѣтъ? Пускай знаютъ, что и мы съ Николенькой не кто-нибудь такіе,—рѣшилъ Петръ Карповичъ и черезъ четверть часа, пріободрившись, онъ вышелъ въ столовую.

Но у Петра Карповича руки опустились отъ огорченія, когда онъ увидѣлъ, черезъ полуотворенную дверь, что Николай Николаевичъ попрежнему сидитъ за столомъ.

— Николенька, что же это такое? вѣдь не въ полночь же въ гости итти?—проговорилъ онъ съ отчаяніемъ.

— Ахъ ты, Господи! Да дайте же вы мнѣ хоть пять минутъ. Вѣдь долженъ же я окончить работу! Только-что наладилось, а вы мѣшаете, да къ тому же еще торопите! Сейчасъ, говорю вамъ, сейчасъ!—съ сердцемъ отвѣтилъ Николай Николаевичъ.

— Все сейчасъ, да сейчасъ,—грустно вздохнулъ Петръ Карповичъ и въ ожиданіи племянника сѣлъ въ свое любимое кожаное кресло.

Посидѣвъ минутъ десять, Петръ Карповичъ, словно изъ какого-то далека, услышалъ шумъ отодвигаемаго стула.

„Ну, наконецъ-то! — подумалъ онъ зѣвая: — А то, ожидаючи, чего добраго и уснешь. Ничего мудренаго нѣтъ, что уснешь... Человѣкъ я старый..... А онъ!—сейчасъ, да

сейчасъ... Сейчасъ и уснешь",—сквозь набѣгавшую дремоту думалъ Петръ Карповичъ. Но все же онъ никакъ не ожидалъ, что эта дремота перейдетъ у него въ настоящій сонъ.

XVIII.

Къ двумъ часамъ дня къ Одинцовымъ пріѣхала княгиня Запольская съ дочерью и зятемъ. Княгиня была старая женщина, державшаяся чопорно и съ чувствомъ собственнаго достоинства. Всѣмъ, знавшимъ княгиню, было извѣстно, что она имѣетъ большое вліяніе на своего мужа и что въ свою очередь князь имѣетъ вліяніе при дворѣ. Павелъ Павловичъ относился всегда со всей возможной предупредительностью къ княгинѣ, считая ее женщиной умной и энергичной, но сегодня онъ положительно благоговѣлъ передъ нею. Вспыхнувшее въ немъ чувство благоговѣнія нисколько, однако же, не было связано съ его увѣренностью, что полученіе желаемой должности, если и зависитъ отъ нѣсколькихъ лицъ и причинъ, то оно зависитъ также отъ одного желанія княгини. Павелъ Павловичъ благоговѣлъ искренно, безъ предвзятыхъ цѣлей и помимо своихъ расчетовъ на княгиню.

Павелъ Павловичъ былъ оживленъ, много смѣялся и подшучивалъ надъ Анной Ивановной и на время онъ какъ-будто позабылъ о той непріятности, которую доставилъ ему Жоржъ своимъ проигрышемъ.

Весь день княгиня была окружена заботами и вниманіемъ хозяевъ. Впрочемъ, Любови Сергѣевнѣ, какъ она ни старалась скрыть свое безпокойство за судьбу Жоржа, это плохо удавалось. Любови Сергѣевнѣ не сидѣлось на мѣстѣ: она поминутно выходила, то въ кухню, то въ столовую, то къ себѣ въ комнату и, безцѣльно повертѣвшись тамъ, снова возвращалась въ гостиную, гдѣ княгиня сидѣла въ обществѣ Павла Павловича и обѣихъ княженъ.

Между тѣмъ все остальное общество проводило время въ саду.

Не видно было одного Кравцова. Его схватились, садясь за столъ. Послали искать, но онъ словно въ воду канулъ. За общимъ разговоромъ всѣ очень скоро позабыли о Кравцовѣ.

Дочь княгини Запольской, Зиночка Муравлина, была такая же, какъ и Анна Ивановна, оживленная и разговорчивая женщина. Она была весьма недурна собой. Мужъ ея, тихій и застѣнчивый человѣкъ, сидѣвшій за обѣдомъ между нею и Анной Ивановной, едва успѣвалъ слѣдить за ихъ шутками и смѣшками. Онъ оставался неизмѣнно влюбленнымъ въ свою жену всѣ десять лѣтъ супружеской жизни.

Зиночка Муравлина была очень дружна съ Анной Ивановной и вообще молодыя женщины симпатизировали другъ другу. Но кромѣ чувства дружбы и симпатіи, Анна Ивановна питала къ своей подругѣ чувство, близкое къ поклоненію. Аннѣ Ивановнѣ казалось, что въ Зиночкѣ сосредоточено все, что должно быть самаго завиднаго въ женщинѣ: Зиночка роскошно одѣвалась, вращалась въ высшемъ обществѣ и восхитительно умѣла вести себя съ мужчинами. Анна Ивановна съ нетерпѣніемъ ожидала конца обѣда, когда она надѣялась остаться и поговорить съ Зиночкой наединѣ.

Послѣ обѣда, въ то время, какъ Павелъ Павловичъ пошелъ устраивать карточный столикъ, чтобы посадить за него княгиню и княженъ, Аннѣ Ивановнѣ удалось сойти съ Зиночкой въ садъ вдвоемъ.

— Ахъ, наконецъ-то мы однѣ,—воскликнула Анна Ивановна, беря подругу за обѣ руки и цѣлуясь съ ней:—что новаго у тебя, Зизи? Какъ ты проводишь время?

— Премило! но разскажи, что ты дѣлаешь и какъ ты не умерла до сихъ поръ отъ скуки?

— Право, я сама не знаю, какъ я не умерла.

Нѣтъ интересныхъ знакомствъ?

Анна Ивановна мечтательно улыбнулась и загадочно посмотрѣла на подругу.

— Представь себѣ—есть!

— Да что ты? кто? гдѣ?

— Тутъ... нашъ сосѣдъ.

— Молодой?—Анна Ивановна замялась:

— Н-н-нѣтъ.. Въ моемъ, но не въ твоемъ вкусѣ. Ему лѣтъ тридцать пять или около этого.

Зизи выпятила губы и покачала головой:

— Что ни говори, Annette, мужчины—грубы.

— А развѣ грубость не имѣетъ своей привлекательности? Но кромѣ того нашъ сосѣдъ особенный! онъ... представь себѣ, Зизи, кто онъ? онъ—самый настоящій соціалистъ. Да, да... объ этомъ всѣ говорятъ и это всѣ знаютъ. Онъ меня интригуетъ.

— Соціалистъ? Да, ну, конечно... если онъ дѣйствительно соціалистъ,—задумавшись, промолвила Зизи. Она знала о соціалистахъ еще менѣе, чѣмъ о нихъ знала Анна Ивановна. Однако вслѣдъ за тѣмъ Зизи рѣшительно тряхнула головой:

— И все-таки, лучше мальчиковъ не можетъ быть ничего. Ты только представь себѣ, Annette, ихъ смущеніе, неловкость.... Ахъ, это презабавно! и ты знаешь, Annette,—быстро залепетала молодая женщина, входя съ Анной Ивановной въ стоявшую въ самомъ концѣ сада, всю заросшую зеленью бесѣдку: — на-дняхъ пріѣхалъ племянникъ мужа... Прехорошенькій... Ему что-то тринадцать или четырнадцать лѣтъ... Однимъ словомъ, самый интересный возрастъ... И я непремѣнно познакомлю тебя съ нимъ.... Устрою rendez-vous! Пріѣзжай въ Петербургъ, право же пріѣзжай... Онъ теперь готовится къ экзаменамъ въ Лицей.

— Ха-ха-ха... готовится къ экзаменамъ! Ха-ха-ха... и rendez-vous, ты говоришь. Это обѣщаетъ быть забавнымъ... Но, Зизи, какая ты неисправимая институтка.—Молодыя женщины продолжали весело болтать, довольныя, что имъ никто не мѣшаетъ.

А въ это время Таня сидѣла въ своей комнатѣ у окна, заложивъ руку за голову и сосредоточенно глядя куда-то въ даль. За цѣлый день она только теперь смогла остаться наединѣ съ собой. Ей такъ этого хотѣлось. Пріѣздъ Кравцова, всколыхнувшій въ ней тягостныя воспоминанія, и его молчаливый уходъ, потомъ—волненіе въ домѣ, поднявшееся изъ-за исторіи, разыгравшейся съ Жоржемъ и слезы матери, потомъ—пріѣздъ княгини съ дочерью—все это давило Таню и отвлекало отъ тѣхъ мыслей, которыми она была занята. Въ мысляхъ своихъ Таня не разобралась, путалась въ нихъ и потому не находила себѣ покоя.

— Скоро вечеръ, — прошептала Таня, почувствовавъ какъ въ окно потянуло прохладой. Она встала съ мѣста, подошла къ шкапу и вынула изъ него цѣлый ворохъ платьевъ. Потомъ она приблизилась къ зеркалу и, не торопясь, принялась прикладывать каждое изъ платьевъ къ своему лицу. Въ каждомъ изъ нихъ она оставалась все тѣмъ же чарующимъ и прелестнымъ созданіемъ. Но ни одно изъ платьевъ Танѣ не нравилось и она капризно откидывала ихъ въ сторону.

— Зачѣмъ я это дѣлаю? Для чего?—на минуту задумалась она, но вслѣдъ затѣмъ складка между бровей у ней разошлась, она сощурила глаза и улыбнулась.

— Ну, да... Я жду его,—прошептала она, вдругъ краснѣя отъ охватившаго ее волненія. И этотъ простой отвѣтъ сразу ей все объяснилъ и все вокругъ нея показалось ей радостнымъ и сіяющимъ.

Таня наскоро пригладила прическу на головѣ и спустилась въ столовую къ чаю.

— Mon amie, vous étez aujourd'hui charmante,—обратилась къ ней княгиня.

— Merci, ma tante,—отвѣтила Таня, слегка присѣдая. Ей было пріятно услышать эти слова и она оглядѣла всѣхъ смѣющимися глазами.

Но веселость Тани была недолгой. Къ концу чая она сидѣла, какъ на иголкахъ, то и дѣло взглядывая на закрытую дверь террасы.

— Не идетъ, не идетъ... Что же онъ не идетъ?—думала она, постукивая носкомъ башмака по полу.

— Таня! А гдѣ же Кравцовъ? Уѣхалъ онъ, что ли?—неожиданно обратилась къ дочери Любовь Сергѣевна.

— Кравцовъ? Почемъ же я знаю? Почему я должна знать?—удивилась Таня, но она ничего не успѣла отвѣтить матери, потому что услышала слова, которыя безжалостно отозвались въ душѣ ея. Ихъ вымолвила княгиня, отказавшаяся сыграть вторую пульку въ преферансъ; княгиня замѣтила, что пулька можетъ затянуться, тогда какъ часъ поздній и скоро надобно собираться домой.

— Часъ поздній! — какъ эхо отозвалось въ ушахъ Тани и мгновенно она почувствовала, что спускается откуда-то съ высоты небесъ въ бездонную пропасть.

Тотчасъ послѣ чая, отговорившись головной болью, Таня поднялась къ себѣ наверхъ. Она попросила предупредить ее, когда гости станутъ разъѣзжаться.

Между тѣмъ, Любовь Сергѣевна предложила всѣмъ перейти въ гостиную. Въ столовой, замѣшкавшись, осталась одна Анна Ивановна. Молодая женщина подошла къ дверямъ террасы, нѣсколько секундъ оставаясь словно въ колебаніи. Потомъ она тихонько пріоткрыла дверь и, выйдя на террасу, облокотилась о перила.

По небу быстро бѣжали облака, поминутно закрывая высоко стоявшую луну.

— Какъ сегодня темно,—подумала Анна Ивановна, для чего-то сходя въ садъ и сворачивая на дорожку, сосѣднюю съ садомъ Громовыхъ.

— Ужасно темно, — повторила она, чувствуя, какъ ее прохватываетъ нервная дрожь. И вдругъ Аннѣ Ивановнѣ сдѣлалось страшно. Идя по дорожкѣ почти ощупью, ей

показалось, что она вотъ-вотъ свалится сейчасъ въ какую-то яму и она боялась этого и, странное дѣло, ее неудержимо влекло туда.

— Нѣтъ, нѣтъ, надо уйти... скорѣй вернуться, — прошептала Анна Ивановна, когда передъ ней, точно изъ подъ земли, выросла чья-то исполинская фигура. Анна Ивановна поняла, что это Громовъ.

— Зачѣмъ вы здѣсь?—негромко спросила она, отступая шагъ назадъ.

— Я... Я... Постойте, ради Бога! Я ждалъ этой минуты... я молился ей,—услышала она его сдержанный, волнующійся шепотъ.

— Чтó надо вамъ?

— Пари... Мое пари!

Анна Ивановна протянула передъ собой руки, чувствуя, что ее покидаютъ силы и что волненіе Громова передается ей.

— Что же хотите вы? Говорите, — прошептала она, начиная дрожать всѣмъ тѣломъ.

— Ахъ! Какъ я не люблю, когда тянутъ,—помедливъ, промолвила она точно въ забытьѣ.

Вдругъ, двѣ сильныхъ руки подняли ее на воздухъ. Садъ и паркъ на мгновенье освѣтились вынырнувшей изъ за тучъ луной.

— Что вы дѣлаете? Какъ вы смѣете? — вскрикнула молодая женщина, вырываясь. Но Громовъ крѣпко прижималъ ее къ своей груди и шелъ, почти бѣжалъ, въ глубину сада.

— Я не хочу... Слышите? Не хочу... Я буду кричать... О, Боже мой! Что со мной?—все тише шептала Анна Ивановна, въ то время, какъ Громовъ осыпалъ ея лицо и руки жаркими поцѣлуями. Молодая женщина была почти безъ чувствъ, когда онъ внесъ ее въ бесѣдку.

Ровно въ полночь гости Одинцовыхъ стали прощаться. Вмѣстѣ со всѣми ихъ вышла провожать Таня. Тутъ же

была Анна Ивановна, вдругъ сдѣлавшаяся молчаливой и казавшаяся грустной и утомленной.

— Пріѣзжай же, Annette! Помни о нашемъ уговорѣ,— говорила, цѣлуясь съ ней, Зиночка Муравлина.

— Это что-то опасное... Посвятите меня, mesdames, въ ваши секреты,—пробовалъ шутить мужъ Зиночки.

— Еще чего недоставало! Наши секреты васъ не могутъ интересовать,—кокетливо улыбаясь, отвѣтила Зиночка.

Вслѣдъ затѣмъ всѣ отправились провожать гостей до воротъ парка, гдѣ ихъ ожидали заказанные экипажи. Послѣдней изъ дома вышла Таня. Она на много отстала отъ другихъ и шла грустная и задумчивая. Дойдя до перекрестка аллеи, которая вела къ дачѣ Кульневыхъ, Таня повернула голову и въ недоумѣніи остановилась: два окна въ дачѣ были ярко освѣщены Въ замѣшательствѣ Таня простояла нѣсколько секундъ и потомъ бѣгомъ направилась на огонь.

У калитки сада Кульневыхъ Таня опять остановилась. Грудь ея волновалась, лицо горѣло.

— Войти или нѣтъ? Да или нѣтъ? — быстро смѣнялись въ головѣ Тани вопросы.

Она распахнула калитку и, держась рукой за готовое выпрыгнуть сердце, подбѣжала къ окну. Она прильнула къ нему... Въ мягкомъ кожаномъ креслѣ, одѣтый въ сюртукъ, съ георгіевскимъ крестикомъ въ петлицѣ, спалъ, склонивъ сѣдую голову, Петръ Карповичъ... Таня ступила еще нѣсколько шаговъ, къ другому окну... Свѣтъ стоявшей на столѣ лампы падалъ на откинувшагося на спинку стула и прямо смотрѣвшаго въ окно Николая Николаевича...

Подъ ногой Тани хрустнула вѣтка. Молодая дѣвушка до крови закусила губу и замерла... Николай Николаевичъ насторожился. Онъ только-что кончилъ свою работу и вдругъ передъ нимъ воскресъ образъ Тани.

— Но кто-то стоитъ здѣсь, — прошепталъ онъ и растворилъ окно.

— Кто здѣсь?

— Я!

— Татьяна Павловна?

Николай Николаевичъ былъ уже за окномъ.

— Злой... нехорошій! Я ждала васъ.

— Татьяна Павловна! Таня! Вы ли это?

— Я... я...

— Моя? Да?

Таня вскрикнула и припала своей головкой къ нему на грудь.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

— Да, милая моя сестренка! мнѣ ужасно досадно, что я такъ и не видѣлъ твоего плѣнира,—говорилъ Жоржъ, отмѣривая шаги по комнатѣ Тани, куда онъ поднялся вслѣдъ за ней, тотчасъ послѣ утренняго чая—вчера я пріѣхалъ слишкомъ поздно, чтобъ итти и знакомиться съ нимъ, сегодня—онъ уѣхалъ слишкомъ рано—я еще спалъ. Къ тому же, ты меня не предупредила и мнѣ это обидно. Но скажи, какъ все это вышло неожиданно! maman и papa совсѣмъ потеряли головы. Впрочемъ, сіе неважно. Ихъ буркатня ни къ чему не обязываетъ, потому что, если говорить серьезно, замужество — это твое личное и только твое дѣло. Познакомь, однако же, меня съ нимъ хоть за глаза. Сколько ему лѣтъ? Двадцать шесть, ты говоришь? хм... разница въ годахъ между вами нормальная. Далѣе: что онъ собственно собой изображаетъ? Аня говоритъ, что онъ будущій ученый! но вѣдь Аня ничего въ этомъ не понимаетъ. Если онъ дѣйствительно ученый, это немножко скучно, но... отъ тебя, конечно, будетъ зависѣть его растормошить. Отвѣть мнѣ на главный вопросъ — богатъ онъ или бѣденъ?—Таня, которой видимо было непріятно выслушивать разсужденія Жоржа, сдѣлала нетерпѣливый жестъ рукой и рѣзко отвѣтила:

— Онъ бѣденъ... онъ не имѣетъ ничего.

— Вотъ это уже хуже!—покачалъ Жоржъ головою:—что ни говори, въ деньгахъ страшная сила и безъ нихъ совсѣмъ швахъ. Я тебѣ совѣтую надъ этимъ подумать. Увѣряю тебя, я очень хорошо узналъ теперь всю силу денегъ. Вѣдь пять-

за своего проигрыша въ карты и именно потому, что я не имѣлъ достаточно денегъ, я былъ близокъ къ самоубійству. Честное даю тебѣ слово. Ну, да ладно, я не люблю вспоминать непріятное. Скажи лучше, имѣешь-ли ты его фотографію? Ахъ, вотъ это вѣроятно она, — продолжалъ говорить Жоржъ, беря со столика Тани, стоявшую на немъ въ рамкѣ, карточку Николая Николаевича Кульнева.

— Что жъ, онъ недуренъ собой... право недуренъ. Конечно, мнѣ жаль, что онъ не нашъ братъ, кавалеристъ, но съ этимъ приходится мириться. Вотъ только, зачѣмъ онъ снятъ въ такой невѣроятной шляпѣ? Зачѣмъ онъ вообще ее носитъ? Положительно ему нужно перемѣнить шляпу. Онъ могъ бы купить себѣ панаму, что ли... панама, кажется, теперь въ модѣ. Ты должна ему на это указать.

—Да, да... я укажу,—прервала брата Таня и, чтобъ какъ-нибудь отдѣлаться отъ его распросовъ, она измѣнила разговоръ:

— Вѣдь ты, Жоржъ, что-то очень много денегъ проигралъ? Можно ли такъ? Кто помогъ тебѣ расплатиться?

— Опять ты напоминаешь мнѣ о проигрышѣ. Мнѣ помогъ Кравцовъ. Вчера, часть денегъ я ему вернулъ. Но, сколько мнѣ пришлось выслушать отъ papa пріятныхъ словъ, прежде чѣмъ онъ далъ эти злосчастныя нѣсколько тысячъ. Papa пѣлъ въ продолженіе добраго часа. Но все хорошо, что хорошо кончается.

— Тебѣ помогъ Кравцовъ! добрый Кравцовъ. Что съ нимъ? О немъ что-то ничего не слышно?

— Что съ Кравцовымъ? Кто его знаетъ, что съ нимъ! Онъ какъ-то спрятался ото всѣхъ, избѣгаетъ всѣхъ и меня тоже... и мнѣ это очень, очень жаль,—мѣняя тонъ, отвѣтилъ Жоржъ. Но говоря такъ, онъ зналъ на самомъ дѣлѣ почти съ увѣренностью, почему Кравцовъ избѣгаетъ его. И вдругъ, оборвавъ разговоръ, Жоржъ поставилъ съ какою-то злобой карточку Николая Николаевича, которую держалъ въ рукахъ, на столъ и пошелъ изъ комнаты

— „И почему эта соломенная шляпа? Что въ ней? Что общаго между ней и Таней?“—думалось ему. А Таня больше не замѣчала брата. Она сидѣла, задумавшись. Но думала Таня не о Кравцовѣ—у ней были свои невеселыя мечты.

Всего двѣ недѣли прошло со дня объясненія Тани съ Николаемъ Николаевичемъ, а между тѣмъ крупныя перемѣны произошли у нея за этотъ короткій срокъ, въ отношеніяхъ ея, съ близкими ей людьми. Съ грустью Таня должна была признать, что никто изъ домашнихъ не понимаетъ ее, не раздѣляетъ съ ней радости ея новаго положенія.

Матери Таня призналась во всемъ на слѣдующій, послѣ разговора своего съ Николаемъ Николаевичемъ, день. Любовь Сергѣевна слушала Таню съ видимымъ испугомъ и отвѣтила ей слезами.

Съ того дня Таня видѣла мать только плачущею, еще болѣе молчаливою, чѣмъ она была всегда. Выходило такъ, будто не радостное событіе совершилось въ домѣ Одинцовыхъ, а обрушилась на него бѣда. Напрасно Таня хотѣла понять причину слезъ Любови Сергѣевны. Любовь Сергѣевна положительно не въ силахъ была выговорить ей ни одной связной фразы.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, Таня, я не могу... Ты и вдругъ... Нѣтъ, нѣтъ, я не могу,—шептала Любовь Сергѣевна, уходя къ себѣ и оставляя Таню въ недоумѣніи. Но слезы матери ложились на душу молодой дѣвушки тяжелымъ камнемъ. Въ сущности говоря, Любовь Сергѣевна и сама не знала истинной причины своихъ слезъ. Не то ей было жаль молодости Тани, не то ее страшило будущее дочери, не то ей было обидно за какую-то свою разрушенную мечту.

Не лучше чѣмъ Любовь Сергѣевна отнесся къ рѣшенію Тани и Павелъ Павловичъ. Только однажды онъ вздумалъ говорить съ ней по этому поводу. Тогда Павелъ Павловичъ выразилъ Танѣ сожалѣніе за излишнюю съ ея стороны поспѣшность и за то, что молодой человѣкъ,- Павелъ Павло-

вичъ такъ назвалъ Николая Николаевича,—не счелъ нужнымъ, прежде своего рѣшительнаго шага, войти къ нимъ въ домъ. Потомъ Павелъ Павловичъ заявилъ, что онъ настоятельно требуетъ и ни въ какомъ случаѣ отъ требованія своего не откажется — никого, до поры до времени, не посвящать въ создавшееся положеніе. Павелъ Павловичъ выразился именно этими словами. Затѣмъ Павелъ Павловичъ высказалъ надежду, что Таня не будетъ заторапливать слѣдующихъ событій и напомнилъ ей, что бракъ есть дѣло чрезвычайно серьезное и что онъ полагается на ея благоразуміе. Въ заключеніе онъ сказалъ, что не преминетъ побывать у Петра Карповича, какъ только познакомится съ нимъ. Болѣе Павелъ Павловичъ на эту тему съ Таней ни разу не говорилъ. Въ другое время онъ, быть можетъ, какъ нибудь иначе отнесся ко всему этому, ближе принялъ бы все это къ сердцу, но тогда Павелъ Павловичъ былъ слишкомъ озабоченъ лично его волновавшими вопросами: вакантной должностью вице-директора и карточнымъ долгомъ Жоржа, за котораго онъ долженъ былъ платить по одному тому, что его вынудили къ этому княжны своимъ предложеніемъ продать имѣніе.

Княжны тоже не скрывали своего отрицательнаго отношенія къ выдумкѣ, какъ онѣ говорили, Тани. Княжнамъ ничто не нравилось въ этой выдумкѣ: ни выборъ Тани, хотя онѣ не видѣли никогда и не слышали ничего о Николаѣ Николаевичѣ, ни проявленная Таней самостоятельность и скрытность отъ близкихъ родственниковъ. Княжнамъ казалось, что Таня дѣлаетъ все какъ-то шиворотъ на-выворотъ, какъ-то очень ужъ по новому и совсѣмъ не такъ, какъ дѣлали и поступали молодыя дѣвушки въ ихъ время, когда, напримѣръ, княжна Таиса выходила замужъ за графа Бориса, а князь В. женился на баронессѣ Г. Однимъ словомъ, княжны прекрасно понимали слезы Любови Сергѣевны и сочувствовали ей всей душой.

Во всемъ домѣ радовалась за Таню одна Анна Ивановна. Но и Анна Ивановна радовалась вовсе не тому, что Таня собиралась выйти замужъ именно за Николая Николаевича Кульнева, а тому, что она вообще выходитъ замужъ. Это обѣщало перемѣны, оживленіе, рядъ новыхъ впечатлѣній и неожиданностей. Но когда Анна Ивановна увидѣла, что не только никто не радуется съ ней вмѣстѣ, а, наоборотъ, всѣ почему-то печалятся и сама Таня ходитъ грустная и задумчивая, Анна Ивановна примолкла и стала смотрѣть на Таню другими глазами: съ участіемъ, почти съ жалостью.

Общая неудовлетворенность въ домѣ Одинцовыхъ окрѣпла послѣ того, какъ Петръ Карповичъ и Николай Николаевичъ побывали у нихъ съ визитомъ. Самый визитъ Любовь Сергѣевна обставила какой-то таинственностью. Разговоръ будущихъ родственниковъ не клеился, всѣ чувствовали себя не на своихъ мѣстахъ. Никто никого не поздравлялъ, всѣ старались даже не касаться происшедшаго. Между Таней и Кульневыми—съ одной стороны, и Одинцовыми—съ другой, выростала каменная стѣна взаимнаго непониманія.

Тягостнѣе всѣхъ чувствовала себя Таня. Она была довольна, когда Петръ Карповичъ и Николай Николаевичъ, просидѣвъ съ ея родными полчаса, ушли. Таня ушла вслѣдъ за ними. Она не въ силахъ была оставаться дома; ей хотѣлось быть ближе къ Петру Карповичу и Николаю Николаевичу и еще ей хотѣлось своей близостью скрасить передъ ними тотъ конфузный пріемъ, который они встрѣтили у ея родителей. Несмотря на то, что Петръ Карповичъ виду не подавалъ, какое впечатлѣніе произвелъ на него этотъ пріемъ, Таня чувствовала, что старикъ остался обиженнымъ и огорченнымъ.

Но и на самомъ дѣлѣ Петръ Карповичъ недоумѣвалъ, какъ могутъ Одинцовы оставаться безучастными, когда ихъ дочь рѣшаетъ соединить свою судьбу съ такимъ человѣкомъ, какъ его племянникъ.

— Что они слѣпы? Глазъ у нихъ нѣтъ, что ли, что они раскусить не могутъ, какой такой Николай? Да вѣдь онъ же счастье дастъ Танѣ, самое вѣрное, самое настоящее счастье. Или мой Николай не пара Танѣ и господамъ Одинцовымъ... Ну, да ладно, дѣла намъ нѣтъ до господъ Одинцовыхъ... Намъ только бы Таню заполучить, только бы ее голубушку,—думалъ Петръ Карповичъ, но онъ никому своихъ мыслей не повѣрялъ вслухъ. Наоборотъ, догадываясь о тѣхъ чувствахъ, которыя долженъ былъ переживать Николай Николаевичъ, познакомившись съ Одинцовыми, Петръ Карповичъ старался поддержать его наружной твердостью:

— Что подѣлаешь, мой другъ, — говорилъ старикъ племяннику:—Одинцовы—люди манерные, общественные и ушли въ этомъ дѣлѣ на много впередъ насъ; ну, и Господь съ ними... Но сказать про нихъ—ничего нельзя: люди они все-таки почтенные... Ну, а перемелется—и мука будетъ.

Но въ сущности говоря, Петру Карповичу не было надобности подбадривать Николая Николаевича, когда въ домѣ ихъ бывала Таня. А Таня всѣ дни, съ утра до вечера, проводила у нихъ на дачѣ. Здѣсь Таня словно перерождалась, была радостная и оживленная, и ея радость и оживленіе какъ-то сами собой передавались Николаю Николаевичу.

Молодая дѣвушка жила вся мечтами о будущемъ. Очень часто въ общіе разговоры, затѣвавшіеся за столомъ, вмѣшивалась и старая Аксинья. Она смотрѣла теперь на Таню, какъ на своего человѣка и иначе не называла ее, какъ молодой хозяюшкой.

Каждый вечеръ старушка спрашивала Таню, что ей угодно на слѣдующій день къ обѣду и ужину, и Таня, смѣясь, отдавала распоряженія. А старая Аксинья вкладывала все свое умѣніе, чтобы угодить ей.

Будущую жизнь Таня представляла во всѣхъ подробностяхъ:

— Квартирка у насъ будетъ самая маленькая, Николенька,— вслухъ разсуждала дѣвушка. Она взяла примѣръ съ Петра Карповича звать этимъ именемъ молодого человѣка.

— И комнатки у насъ будутъ маленькія; вотъ, точно такія, какъ здѣсь на дачѣ. Я люблю маленькія комнаты, въ нихъ уютнѣе и потомъ... Насъ вѣдь такъ мало — всего трое.

Случившійся неподалеку отъ молодыхъ людей Петръ Карповичъ насторожился и съ сердцемъ выговорилъ:

— Какъ трое? Васъ двое.

— А себя вы что же не считаете, Петръ Карповичъ?— удивилась Таня.

Старикъ помолчалъ, потомъ голосъ ему измѣнилъ и, усиленно сморкаясь, онъ прерывисто заговорилъ:

— Двое васъ... Вы молодые... Куда мнѣ старому съ вами! И васъ стѣсню и себя тоже... Обязательно себя стѣсню,— пробовалъ онъ кого-то убѣдить.

Но Таня, услышавъ эти слова, не стерпѣла и топнула ногою:

— Что же это, Петръ Карповичъ? И не стыдно вамъ? Да если бы я знала, что выхожу замужъ за одного Николеньку и... вы не станете съ нами жить, такъ я бы... я тогда и Николеньку разлюбила бы... Право, кажется, разлюбила бы,—закончила она, взглядывая смѣющимися глазами на Николая Николаевича.

— Солнышко вы мое красное! Ну, за что, за что, скажите мнѣ, вы балуете такъ старика? Зачѣмъ онъ вамъ?— въ волненіи проговорилъ Петръ Карповичъ, подходя и цѣлуя Таню.

Беззаботные, спокойные и счастливые дни протекали на дачѣ у Петра Карповича. Много времени проводила Таня вдвоемъ съ Николаемъ Николаевичемъ, то совершая прогулки по окрестностямъ, то просиживая часы на облюбованной ими скамьѣ въ саду. Таня дѣлилась своими

мыслями и впечатлѣніями и съ интересомъ слушала, когда Николай Николаевичъ разсказывалъ ей о своихъ планахъ и работахъ. Будущая жизнь представлялась Танѣ спокойною колыбелью, которую она не промѣняла бы ни на какія царства міра.

Счастливые для Тани дни кончились, однако, скоро. Однажды, прійдя по обыкновенію утромъ на дачу Кульневыхъ, Таня поразилась разстроенному виду Николая Николаевича.

— Что случилось?—воскликнула она въ тревогѣ. Молодой человѣкъ молча протянулъ ей полученное имъ письмо. Таня быстро его пробѣжала.

Въ письмѣ этомъ, одинъ изъ университетскихъ профессоровъ сообщалъ Николаю Николаевичу, что въ виду близости защиты Николаемъ Николаевичемъ диссертаціи, онъ проситъ его пріѣхать въ Петербургъ для свиданія съ нимъ и переговоровъ.

— Я долженъ ѣхать, милая. Мнѣ надо успѣть отпечатать диссертацію, продержать корректуру... У меня много еще дѣла,—грустно вымолвилъ Николай Николаевичъ. Таня молчала. Но потомъ она быстро подошла къ молодому человѣку и на глазахъ у нея показались слезы:

— Неужто такъ скоро? Неужто нельзя отложить отъѣздъ на время, на самое короткое?

Таня знала, что въ близкомъ будущемъ ей предстоитъ разлука, но она не ожидала ее такъ скоро. Однако, Николай Николаевичъ объяснилъ, что ѣхать ему положительно необходимо.

— Эхъ, друзья мои,—вмѣшался въ разговоръ молодыхъ людей Петръ Карповичъ:—ни вѣсть на какой срокъ разстаетесь, а можно будетъ, Николенька разъ-другой въ Лыковѣ успѣетъ побывать. А тамъ и осень—августъ уже на дворѣ; исполнитъ Николенька свою работу и тогда на вашей улицѣ праздникъ будетъ. И исполнитъ вѣдь онъ ее

скоро. Вонъ, какъ вы его оживили, Танечка. Совсѣмъ другимъ человѣкомъ сталъ, право! Работа у него такъ и спорится. Ну, а ѣхать ему все-таки надо.

Однако Таня не поняла на этотъ разъ ни Петра Карповича, ни Николая Николаевича.

На слѣдующій день Николай Николаевичъ былъ у Одинцовыхъ съ прощальнымъ визитомъ. Въ гостиную, кромѣ Тани, вышли Любовь Сергѣевна и Анна Ивановна. Княжны чуть ли не нарочно ушли на это время изъ дому, Павелъ Павловичъ находился въ Петербургѣ. Любовь Сергѣевна, озабоченная судьбой мужа и дѣтей, слушала и отвѣчала на вопросы машинально, точно не понимая, что вокругъ нея дѣлается.

— Да, такъ значитъ вы уѣзжаете? Ну, и отлично, и очень хорошо! Когда же вы думаете вернуться?—обратилась она къ Николаю Николаевичу. Любовь Сергѣевна знала отъ Тани, что Кульневъ уѣзжаетъ совсѣмъ, но забыла объ этомъ.

— Мама, что же это такое? Такъ же нельзя! — покраснѣвъ, дрогнувшимъ голосомъ вымолвила Таня. Любовь Сергѣевна испуганно на нее посмотрѣла.

— Да, что же я сказала? Я право же ничего не хотѣла сказать... Извините меня, но я не хотѣла ничего сказать... Вы, конечно, меня поймете, не правда ли? Вѣдь все это вышло такъ внезапно. Таня и вдругъ...—и Любовь Сергѣевна спрятала лицо въ носовой платокъ.

— Да, да, я отлично понимаю, — заторопился Николай Николаевичъ:—но дѣло въ томъ, что я уже не вернусь въ Лыково. У меня много работы въ Петербургѣ. Я надѣюсь, что и вы... что и Таня скоро переѣдете въ городъ?

— Ахъ, Таня... да, Таня... Нѣтъ, Таня, я думаю... даже навѣрно она не скоро переѣдетъ въ Петербургъ,—что-то лепетала Любовь Сергѣевна. Изъ словъ Николая Николаевича она разслышала только, что онъ зоветъ ея дочь по имени и это болью отозвалось у ней въ душѣ. Но Любовь

Сергѣевна на самомъ дѣлѣ не знала, когда ея семья уѣдетъ съ дачи, потому что новый долгъ, который изъ-за Жоржа бралъ на себя Павелъ Павловичъ, окончательно разрушалъ всѣ ея планы и расчеты.

Просидѣвъ еще короткое время, Николай Николаевичъ ушелъ отъ Одинцовыхъ, дружески простясь съ Анной Ивановной, пожелавшей ему успѣха во всѣхъ его дѣлахъ.

Два слѣдующихъ дня промелькнули для Тани и Николая Николаевича незамѣтно.

Вечеромъ, наканунѣ отъѣзда Николай Николаевичъ сидѣлъ въ саду, ожидая Таню. За ней на дачу къ Петру Карповичу приходила изъ дома прислуга.

Какъ оказалось, за Таней прислали въ виду неожиданнаго и долгожданнаго пріѣзда Жоржа. Очень скоро Таня вернулась обратно. Молодые люди были задумчивые и молчаливые.

— Николенька, ты мнѣ часто будешь писать? — первою заговорила Таня.

— А ты?

— Я черезъ день, какъ обѣщала.

— Я, какъ только будетъ можно. Но какъ не хочется уѣзжать... Какъ ноетъ сердце.

— Ноетъ сердце?

— Да, милая, сегодня особенно. Мнѣ все кажется, что я сплю въ какомъ-то волшебномъ снѣ, что тебя нѣтъ... что меня окружаютъ одни призраки... Я боюсь проснуться и потерять тебя.

— Николенька, какіе ты ужасы говоришь! Зачѣмъ это?— вздрогнувъ, промолвила Таня.

Но онъ, будто не слыша ее, продолжалъ:

— Слишкомъ велико мое счастье, а счастья нѣтъ... его отъ меня отнимутъ... отнимутъ.

— Молчи, молчи, не смѣй больше говорить, я не хочу,—закричала Таня и, схвативъ его голову руками, она зашептала:

— Какъ можешь ты такъ говорить мнѣ? Вѣдь ты мнѣ, значитъ, не вѣришь? Если не вѣришь, значитъ ты меня не любишь? Кто можетъ меня отъ тебя отнять? Кто? Я твоя... твоя...

На слѣдующее утро Николай Николаевичъ уѣзжалъ. Онъ простился съ Таней въ домѣ Петра Карповича и поручилъ ему заботы о ней.

Единственнымъ утѣшеніемъ Николая Николаевича было сознаніе, что Таня остается не одна, а съ Петромъ Карповичемъ.

Тяжела была разлука молодымъ людямъ, долго они не могли оторваться одинъ отъ другого... Въ сосѣдней комнатѣ плакала старая Аксинья, да шагалъ изъ угла въ уголъ, теребя сѣдой усъ, Петръ Карповичъ.

Провожать Николая Николаевича на станцію Таня не поѣхала; она чувствовала, что не въ силахъ ѣхать. Но, когда Николай Николаевичъ, перейдя садъ, пошелъ паркомъ къ воротамъ, у которыхъ его ждалъ извозчикъ, Таня бросилась за нимъ, нагнала его и, глотая слезы, заговорила:

— Выйдешь за ворота — обернись на мою комнату... я буду на тебя смотрѣть, мой Николенька.

Выйдя изъ воротъ, прежде чѣмъ сѣсть на извозчика, Николай Николаевичъ долго простоялъ на одномъ мѣстѣ, глядя на раскрытое въ дачѣ Одинцовыхъ окно, изъ котораго, перевѣсившись, Таня махала ему на прощанье своимъ мокрымъ отъ слезъ платкомъ.

Николай Николаевичъ уѣзжалъ, чувствуя, что онъ оставляетъ за собой что-то недосказанное, невыясненное и недодѣланное.

II.

Просидѣвъ нѣсколько времени послѣ ухода Жоржа въ задумчивости, Таня рѣзкимъ движеніемъ поднялась съ кресла и нѣсколько разъ прошла изъ угла въ уголъ по комнатѣ.

„Да, такъ что онъ мнѣ сказалъ? — сдвинула она брови, вспоминая слова брата: — что надо купить панаму... вотъ все, что онъ могъ мнѣ сказать“. Таня вздумала было сойти внизъ на террасу, но, представивъ себѣ въ сборѣ всю свою семью, тотчасъ отказалась отъ этого намѣренія. Тогда она рѣшила пойти къ Петру Карповичу.

Она застала старика за укладкою книгъ, оставленныхъ Николаемъ Николаевичемъ, въ большой ящикъ. Казалось, что и въ отсутствіи племянника, Петръ Карповичъ могъ жить только дѣлая что-нибудь для него.

Кульневъ обрадовался приходу Тани и предложилъ ей напиться съ нимъ чаю. Однако, не успѣла Аксинья наставить самоваръ, какъ Таня заявила Петру Карповичу, что она уходитъ. Здѣсь ей особенно остро все напоминало Николая Николаевича.

— Я уйду, Петръ Карповичъ. Не сердитесь на меня, я приду завтра и буду сидѣть у васъ каждый день подолгу, по скольку вы захотите, но сегодня я не могу. Мнѣ все кажется, что Николенька рядомъ въ комнатѣ и вотъ-вотъ выйдетъ, а между тѣмъ его нѣтъ.

— Ну, что дѣлать, Танечка! Терпи, говорится, казакъ — атаманомъ будешь, — старался утѣшить дѣвушку Петръ Карповичъ, провожая ее до калитки сада.

Таня знала, что Петръ Карповичъ остался въ Лыковѣ, главнымъ образомъ, ради нея, она была ему за это безконечно благодарна, но сейчасъ она охотно уходила отъ него. Но охота ея тотчасъ прошла, потому что она увидѣла, что не имѣетъ вообще ни къ чему никакой охоты, никакой цѣли, никакого желанія, потому что ей никуда не хочется итти, ничего дѣлать. Таня почувствовала себя всѣми оставленной, одинокой. Она машинально опустилась на одну изъ скамеекъ парка и заглянула въ будущее. Грядущіе дни ей представились такими же безрадостными, какимъ былъ для нея сегодняшній день отъѣзда Николая Николаевича.

— Николенька! зачѣмъ, зачѣмъ ты меня оставилъ?— прошепетала она, заламывая пальцы рукъ. Таня не предполагала, что стоитъ наканунѣ событій, которыя вихремъ налетятъ на нее, закружатъ и сомнутъ ее.

Молодая дѣвушка въ удивленіи подняла голову, неожиданно заслышавъ звонъ бубенчиковъ и топотъ лошадиныхъ ногъ. Вслѣдъ затѣмъ она увидѣла, какъ въ ворота парка въѣхала коляска, запряженная четверней вороныхъ рысаковъ. Коляска на минуту остановилась и изъ нея выпрыгнулъ какой-то военный. Потомъ коляска поѣхала проѣзжей аллеей парка къ княжескому замку, а вышедшій изъ нея офицеръ пошелъ по той дорожкѣ, на которой была Таня. Она издали разсмотрѣла его легкую и твердую походку. Однако, когда разстояніе между нею и пріѣхавшимъ сблизилось, она отвернулась въ сторону, ожидая, когда онъ пройдетъ мимо. Роскошныя косы Тани, лежавшія на скамьѣ, упали на землю и оттянули ея головку кверху. Граціознымъ движеніемъ она ихъ подхватила и обвила ими шею.

— Что-же онъ не проходитъ?—досадливо подумала Таня, въ то же мгновеніе почуствовавъ на себѣ взглядъ чужихъ глазъ. Она обернулась и увидѣла стоявшаго, словно въ замѣшательствѣ, мужественнаго и красиваго человѣка. Лицо его было смуглое, верхняя губа слегка приподнята, обнажая рядъ крупныхъ бѣлыхъ зубовъ, а сѣрые глаза его смотрѣли прямо на Таню.

Едва Таня взглянула на него, онъ приподнялъ надъ головою фуражку и, пробормотавъ какое-то извиненіе, прошелъ мимо.

— Что это значитъ? Кто онъ такой?—подумала Таня, когда увидѣла шедшаго по направленію къ ней Башилова.

— Ха-ха-ха... Видѣли? Вотъ это и есть онъ самый—гроссъфурьеръ, грандъ,—проговорилъ Башиловъ, сильно встряхивая протянутую Таней руку.

— Я не понимаю васъ.

— Князь Лыковъ, вѣрноподданный и самъ владѣлецъ многихъ тысячъ рабовъ.

— Почему же рабовъ?

— А какъ вы прикажете называть тѣхъ людей, которые на его сіятельство работаютъ? Вѣдь если они сегодня заболѣютъ, то завтра помрутъ, потому что господинъ грандъ вышвырнетъ ихъ на улицу и отниметъ у нихъ кусокъ хлѣба. Они нужны ему до тѣхъ поръ, пока онъ можетъ изъ нихъ выжимать сокъ.

— Вы, кажется, говорите, что живутъ тѣ, кто работаетъ?

— Хм... Гранды живутъ и не работаютъ, вотъ что я говорю.

— Господинъ Башиловъ, а вы... вы тоже работаете?

По лицу Башилова пробѣжала судорога и онъ уставился на Таню удивленными глазами. Этотъ простой и естественный вопросъ, въ устахъ Тани, былъ ему непонятенъ.

— Помоги господи, чтобъ другіе не меньше Башилова работали. Только и всего, только и всего!—и искоса взглянувъ на молодую дѣвушку, онъ продолжалъ:—Ждемъ-пождемъ его сіятельство. Встрѣчу готовимъ. Молиться собираемся.—Но словно спохватившись, Башиловъ замолчалъ. Потомъ, замѣтивъ шедшаго по дорожкѣ Жоржа, онъ поспѣшно протянулъ Танѣ руку:

— Ну, я, знаете-ли, деркача задамъ. Не умѣю съ господами оруженосцами бесѣды вести. Чего добраго сорвется какое-нибудь слово, а онъ скажетъ—бунтъ, революція и сѣкимъ башку устроитъ. А гдѣ потомъ правду искать? Правда-то въ русской землѣ давно подъ семью замками прячется. Всего наилучшаго и прочихъ благъ.

— Дуракъ,—чуть не сорвалось у Тани съ языка.

Въ эту минуту къ ней подошелъ Жоржъ.

— Те-те-те! Это еще что за гусь такой,—разсмѣялся онъ.

— Да, ты вѣдь его не знаешь? Это студентъ, фамилія его—Башиловъ.

— Сицилистъ! право же, самый настоящій товарищъ. Вотъ, Аня все жалуется, что никакъ не можетъ повстрѣчать что-нибудь подобное на свободѣ. Ха-ха-ха... Хочетъ съ сицилистомъ познакомиться, а онъ тутъ, какъ тутъ—подъ самымъ, какъ говорится, бокомъ. Но о чемъ ты съ нимъ говоришь?—заинтересовался Жоржъ.

— Ни о чемъ! впрочемъ, онъ говоритъ много, но всегда злобно и непріятно и всегда кажется, что ни о томъ, что хочетъ сказать. Сегодня онъ ругалъ грандовъ и гроссъ-фурьеровъ, послѣ того, какъ увидѣлъ пріѣхавшаго князя.— Нехотя отвѣтила Таня.

— Князя Лыкова? Онъ пріѣхалъ?—воскликнулъ Жоржъ и, не ожидая отвѣта, позабывъ рѣшительно обо всемъ, онъ сталъ разсказывать о своемъ знакомствѣ съ княземъ. И чѣмъ больше Жоржъ говорилъ, тѣмъ въ большій восторгъ приходилъ отъ князя, который въ самомъ дѣлѣ въ воспоминаніяхъ начиналъ представляться ему самымъ умнымъ и замѣчательнымъ человѣкомъ, какого онъ когда-либо видѣлъ.

— Онъ звалъ меня, Таня, къ себѣ. Да, богачъ, милліонеръ, близкое ко Двору лицо и такъ просто, такъ мило онъ обходился со мной. Завтра я обязательно у него буду,— заключилъ свои слова Жоржъ, подходя съ Таней къ дачѣ.

Вечеръ всѣ Одинцовы проводили дома. Любовь Сергѣевна, обрадованная пріѣздомъ сына и тѣмъ, что ему удалось получить деньги отъ Павла Павловича и хотя отчасти расплатиться со своимъ долгомъ, не спускала съ него глазъ, стараясь предупредить малѣйшее его желаніе. За долгій срокъ Любовь Сергѣевна впервые чувствовала себя нѣсколько успокоенной и довольной, говорила и даже смѣялась, когда Жоржъ разсказывалъ что-нибудь забавное. Но при всемъ томъ Любовь Сергѣевна ревниво слѣдила, какъ нѣжно Жоржъ обходится съ Анной Ивановной и нѣсколько разъ выискивала предлоги, чтобы чѣмъ-нибудь кольнуть моло-

дую женщину. Но ни Анна Ивановна, ни Жоржъ этого не замѣчали. Жоржъ былъ искренно радъ, что смогъ, наконецъ, пріѣхать въ Лыково и свидѣться съ женой, по которой онъ соскучился. При встрѣчѣ съ ней, Жоржъ, къ своему удивленію, почувствовалъ какую-то особенную привлекательность въ ней, которую прежде онъ какъ-будто не замѣчалъ. Въ свою очередь Анна Ивановна забыла все, въ чемъ она упрекала мужа въ письмахъ и всячески старалась угодить ему. Къ своему удовольствію Анна Ивановна успѣла заручиться обѣщаніемъ Жоржа не оставлять ее долѣе въ Лыковѣ. Анна Ивановна расчитывала проѣздомъ въ Финляндію остановиться въ Петербургѣ, погостить у Зиночки Муравлиной.

Тотчасъ послѣ вечерняго чая, когда вся семья сидѣла въ столовой, Жоржъ предложилъ сыграть въ какую-нибудь общую карточную игру. Однако не успѣлъ онъ достать карты, какъ внезапно послышались удары церковнаго колокола. Всѣ между собой переглянулись. И въ ту же минуту колоколъ зачастилъ набатнымъ звономъ.

— Вѣроятно, пожаръ... вѣроятно, горитъ какая-нибудь деревня,—промолвилъ Жоржъ, вставая съ мѣста и направляясь къ дверямъ.

— И мы съ тобой, и мы съ тобой,—въ одинъ голосъ закричали Таня и Анна Ивановна. Жоржъ отмахнулся отъ нихъ рукой и, взявъ фуражку, поспѣшно вышелъ изъ дома. Анна Ивановна и Таня послѣдовали за нимъ.

Еще будучи въ паркѣ, онѣ увидѣли сквозь просвѣты деревьевъ раздувавшееся вѣтромъ огненное пламя. Когда Одинцовы, запыхавшись, выбѣжали изъ парка, глазамъ ихъ представилась страшная и вмѣстѣ съ тѣмъ изумительная по красотѣ картина: среди набѣгавшихъ сумерекъ, въ полуверстѣ отъ парка, въ недалекомъ разстояніи отъ княжескаго замка, пылало два огромныхъ деревянныхъ строенія. Это горѣли набитые сѣномъ амбары. Черные клубы дыма то вздымались

высоко къ небу, то, гонимые вѣтромъ, стлались по самой землѣ, увлекая за собой огромные клочья горящаго сѣна. Казалось, что по землѣ вокругъ пожара ходятъ огненныя волны. Милліоны искръ летали по воздуху, кружась и сталкиваясь, и грозный трескъ занимавшагося сухого дерева тревожилъ тишину. Бѣлый замокъ, стороной, обращенной. къ пожарищу, то вспыхивалъ яркимъ свѣтомъ, то потухалъ... Неслись чьи-то крики... Жалобно и громко звучалъ набатъ... Таня и Анна Ивановна, прислонясь плечомъ къ плечу, смотрѣли словно завороженныя.... Изъ парка бѣжали дачники, и вскорѣ Одинцовы стояли, окруженные нѣсколькими десятками встревоженныхъ и перепуганныхъ людей. Тутъ же были Громовы.

Но вотъ глаза всѣхъ устремились въ одну сторону: отъ горящихъ построекъ къ княжескому замку медленно подвигалась, то останавливаясь, то опять наступая, огромная, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, толпа людей. Въ ней не было ни женщинъ, ни дѣтей. Толпа что-то кричала, заглушая своими голосами шумъ огня, и видно было, какъ въ толпѣ этой подымались руки, а въ рукахъ двигались колья, вилы и топоры...

— Берегись! сторонись!—вдругъ раздался вблизи чей-то громкій окрикъ и едва Таня отступила съ дороги шагъ въ сторону, какъ мимо нея, на неосѣдланномъ конѣ, проскакалъ человѣкъ, въ порванномъ платьѣ, безъ шапки, по лицу котораго широкою струей лилась кровь.

— Стражникъ! — пронеслось среди тѣхъ, кто окружалъ Таню, а онъ крикнулъ:

— Бунтъ!—и помчалъ дорогою къ станціи.

Но не сразу всѣ поняли, что это дѣйствительно бунтъ, кровавый, дикій, крестьянскій бунтъ. Одна лишь Марья Ильинична Громова неслышно прошептала:

— Башиловъ,—и крѣпче оперлась на руку мужа...

А толпа подвигалась къ замку все ближе и ближе, все

росла, все громче становились ея крики... Но вотъ Таня увидѣла, какъ изъ замка вышелъ человѣкъ, одинъ...

— Князь!—вскрикнулъ Жоржъ.

— Да, князь,—какъ эхо повторила Таня.

— Князь, князь...

Танѣ казалось, что она видитъ его смуглое лицо, гордую и мужественную осанку... А глаза смотрятъ прямо на толпу... Вотъ князь повернулся въ сторону, къ тремъ выбѣжавшимъ откуда-то людямъ ступилъ къ нимъ шагъ, поднялъ руку и они упали. Толпа остановилась, и князь опять пошелъ на нее... Медленно, но легко и твердо. Да, это онъ! еще шагъ, еще ближе... Въ толпѣ опустились руки. Передній рядъ поддался назадъ. Не слышно криковъ, только слышенъ трескъ разрушающихся строеній. Князь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ толпы... Вотъ она дрогнула... Обнажила головы... Еще мгновеніе—сухой трескъ, князь взмахнулъ руками и упалъ навзничь!

— Ахъ!—вскрикнула Таня, падая безъ чувствъ на руки Анны Ивановны. Кругомъ раздались женскіе вопли, рыданія.

— Убитъ!—воскликнулъ Жоржъ и побѣжалъ къ замку напрямикъ, вспаханнымъ полемъ, цѣпляясь за кочки свѣжей земли.

— Ну, это ужъ безуміе,—промолвилъ дрожащимъ голосомъ блѣдный, какъ полотно, Громовъ и пошелъ съ женой къ парку.

А толпа ринулась впередъ, оставила лежавшаго князя за собою, разсыпалась, и вскорѣ запылали новыя строенія и запылалъ замокъ.

III.

По пріѣздѣ въ замокъ, князь прошелъ въ отведенныя ему комнаты. Онъ любилъ изрѣдка наѣзжать сюда и останавливаться именно въ этихъ комнатахъ, откуда открывался роскошный видъ на озеро и стоявшій посреди его на высо-

комъ островѣ монастырь. Но теперь, хотя князь и подошелъ къ растворенному настежь окну, онъ какь-будто не замѣчалъ развернувшейся передъ нимъ панорамы.

Еще полчаса тому назадъ ничѣмъ не волнуемый, немного скучающій, князь чувствовалъ себя сейчасъ сбитымъ со своей позиціи, въ твердости которой онъ былъ болѣе чѣмъ увѣренъ. Ему не было ничего надобно, потому что онъ рѣшительно все имѣлъ и, кажется, ничего не желалъ имѣть. Будучи сравнительно молодымъ еще человѣкомъ, князь съ юныхъ лѣтъ былъ окруженъ тысячами соблазновъ, но не проживя и полъ-жизни, онъ убѣдился, что соблазновъ въ сущности нѣтъ, потому что всѣ они достижимы и для ихъ удовлетворенія не надо даже присутствія воли, а одного только желанія. Князь шелъ по жизненному пути твердо и легко, никакихъ загадокъ передъ собой не видѣлъ и никакихъ загадокъ не имѣлъ позади. Въ рѣдкихъ случаяхъ, если ему представлялся въ чемъ-нибудь выборъ, онъ намѣчалъ то, что казалось предпочтительнѣе, сообразно съ этимъ поступалъ и не оглядывался. Онъ не сомнѣвался, а потому и не ошибался. И вдругъ теперь князь увидѣлъ, что онъ ошибся, ошибся глупо, какъ мальчишка. Велъ себя непростительно до смѣшного, до одуренія! Простоялъ передъ этой дѣвочкой въ паркѣ нѣсколько секундъ, можетъ быть, нѣсколько минутъ—онъ этого не помнилъ и не хотѣлъ вспоминать. Потомъ, сказалъ какое-то извиненіе, кажется, поклонился, да, даже навѣрно поклонился.

„Чортъ знаетъ, что такое“! сдвинувъ брови, подумалъ князь и повернулся на стукъ отворяемой двери. Личный камердинеръ князя, сопровождавшій его во всѣхъ путешествіяхъ, справился, не угодно ли ему умыться и перемѣнить бѣлье и платье.

— Да, да... я скажу... Ступай,—промолвилъ князь и принялся ходить по паркету комнаты

Князь все болѣе и болѣе удивлялся.

— Смѣшно, смѣшно, — говорилъ онъ вслухъ, вызывая на лицѣ улыбку: Однако, если это она... Кто она? Трижды какое-то чародѣйство, но она — Одинцова и ея братъ, тотъ кавалерійскій офицеръ, который такъ жестоко проигрался тогда въ клубѣ и на слѣдующій день съ такой отвагой вернулъ мнѣ свой проигрышъ. Онъ правъ! Да, онъ правъ! Но она ли это? Ха-ха-ха... Не все ли мнѣ равно? Она—не она — это становится похожимъ на какую-то комедію, которую разыгрывать я не... Но, тѣмъ не менѣе, я ее разыгрываю и... разыгрывалъ! Зачѣмъ-то стоялъ, въ чемъ-то извинялся, кланялся и не получилъ отвѣта... Sacre... Но какъ она восхитительно хороша!

— Ваше сіятельство! Когда изволите обѣдать? — услышалъ князь опять голосъ своего камердинера, который, на настойчивыя просьбы дворецкаго и старшаго повара, рѣшилъ войти и обезпокоить своего господина.

— А что же умыться?

— Я докладывалъ... Вы приказали...

— Ахъ, да, — улыбнулся князь, котораго положительно начинали забавлять тѣ легкія, душевныя колебанія, которыя вывели его изъ состоянія равновѣсія. Съ помощью камердинера, князь быстро умылся и переодѣлся и прошелъ нѣсколькими комнатами въ столовую.

Здѣсь, во второмъ этажѣ замка находились тѣ комнаты, которыя предназначены были когда-то для жилья своихъ владѣльцевъ, тогда какъ въ первомъ этажѣ помѣщались громадныя книгохранилища, со многими тысячами томовъ самыхъ разнообразныхъ сочиненій, старинныхъ, собранныхъ и перевезенныхъ сюда Богъ вѣсть кѣмъ изъ предковъ князя. Тамъ же нѣкоторыя комнаты представляли собой цѣлые музеи рѣдчайшихъ бронзовыхъ, фарфоровыхъ и фаянсовыхъ издѣлій, тоже составленные чьей-то забытою, заботливою рукой и хранившіеся въ образцовомъ порядкѣ, передаваемые изъ рода въ родъ.

Здѣсь любителю старины было надъ чѣмъ остановиться и потратить не одинъ годъ, чтобы все это разсмотрѣть и облюбовать. Но князь, въ рѣдкіе свои наѣзды въ имѣніе, занятый тогда охотою, не всегда имѣлъ время и желаніе сойти въ нижній этажъ. Князь не былъ любителемъ старины, какъ и вообще онъ не былъ любителемъ чего-нибудь. Князь какъ-будто сдерживалъ себя и, можетъ быть, именно потому онъ былъ такъ увѣренъ въ себѣ. Онъ будто боялся входить во что-нибудь глубоко, боялся зарваться и потому бралъ все съ поверхности и смотрѣлъ на все спокойно.

„Тѣмъ не менѣе, я желаю знать, кто она“, подумалъ князь, кончая обѣдъ и только что хотѣлъ отдать соотвѣтствующее распоряженіе, когда камердинеръ доложилъ ему о приходѣ управляющаго.

— Ну, и что же?—спросилъ князь, какъ-будто удивляясь, что управляющій явился къ нему безъ зова.

— Просилъ доложить, что по важному, безотлагательному дѣлу.

— Ахъ да, тутъ какія-то недоразумѣнія съ крестьянами, какія-то домогательства,—вспомнилъ князь о полученномъ имъ въ Петербургѣ нѣсколько времени назадъ письмѣ и приказалъ привести къ себѣ управляющаго.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошелъ и почтительно поклонился, остановясь у дверей, тучный, лысый человѣкъ.

— Здравствуйте! Въ чемъ дѣло?—обратился къ нему князь.

Тотъ въ короткихъ словахъ сообщилъ князю, что крестьяне нѣсколькихъ ближайшихъ деревень, дождавшись пріѣзда князя, настаиваютъ, чтобы онъ лично ихъ выслушалъ и съ ними говорилъ.

Князь поморщился.

— Прекрасно! Предложите имъ выбрать довѣренныхъ лицъ и пусть тѣ явятся. Говорить со всѣми я не буду, да

это и не къ чему. А теперь, сообщите мнѣ подробности того, что они желаютъ и въ чемъ, вы думаете, можно имъ помочь,— проговорилъ князь и, вставъ съ мѣста, онъ сталъ ходить изъ угла въ уголъ.

Управляющій, нѣмецъ, который аккуратно велъ дѣла по имѣнію и аккуратно богатѣлъ на княжескихъ хлѣбахъ, началъ знакомить князя съ порядками своего хозяйства. Хотя онъ всячески старался ничѣмъ не выдать своего волненія, на самомъ дѣлѣ онъ чрезвычайно безпокоился за исходъ тѣхъ переговоровъ, которые князь будетъ вести съ крестьянами. Управляющій зналъ, что крестьяне недовольны имъ и собираются принести на него рядъ жалобъ. Въ письмѣ къ князю онъ потому и предлагалъ пойти на уступки крестьянамъ, что хотѣлъ предотвратить возможность непосредственныхъ переговоровъ. Къ большому огорченію управляющаго князь отказалъ тогда крестьянамъ въ ихъ требованіяхъ, возбудилъ ихъ этимъ еще болѣе, а теперь пріѣхалъ и желаетъ съ ними говорить. Управляющій боялся и крестьянъ и князя и чувствовалъ себя между двухъ огней. Невольно въ своихъ объясненіяхъ князю онъ говорилъ не столько о нуждахъ и жалобахъ крестьянъ, сколько о своихъ заслугахъ по управленію имѣніемъ.

Въ другое время князь замѣтилъ бы его невольныя ухищренія, но сейчасъ онъ думалъ больше не о томъ, что слышалъ, а о томъ, что его занимало.

„Вѣдь вотъ, навѣрно этотъ господинъ знаетъ, кто она? То-есть, точно ли она — Одинцова“, мелькнула мысль въ головѣ у князя и онъ рѣшилъ послѣ доклада управляющаго спросить его объ этомъ.

Между тѣмъ пока князь выслушивалъ управляющаго, въ полуверстѣ отъ замка, у конторы имѣнія, стояла огромная толпа крестьянъ. Здѣсь собралось все взрослое мужское населеніе трехъ большихъ деревень—Верхняго, Средняго и Нижняго Лыкова, да трехъ маленькихъ деревушекъ, надѣлы

которыхъ соприкасались съ княжескими владѣніями. Толпа была замѣтно возбуждена и ожидала возвращенія ушедшаго съ докладомъ къ князю управляющаго.

Въ центрѣ толпы находились два человѣка: одинъ—высокаго роста старикъ, съ сѣдой окладистой бородою и умными глазами, зажиточный крестьянинъ Верхняго Лыкова, по имени Парфенъ Овцебыкъ, другой—щупленькій, рябой, лѣтъ двадцати пяти парень, на лѣто вернувшійся изъ Петербурга на побывку къ роднымъ, слесарь изъ той же деревни, Ѳедотъ Ѳедотовъ.

— Годите, робя! Чего шумѣть зря! Ужо нѣмца дождемся, что онъ скажетъ, примѣрно, насчетъ объѣздчиковъ, выгона и потравы. Можетъ князь и самъ выйдетъ,—старался успокоить нетерпѣливо настроенную толпу старикъ, кладя свою увѣсистую руку на плечо щупленькаго слесаря.

— А тебѣ, дядя Парфенъ, все годить, да годить... А вотъ ежели бы у тебя, какъ у Елизара, скотинку-то перебили, такъ ты годить бы пересталъ,—тряхнулъ головой слесарь, указывая рукой на замореннаго рыжаго мужиченку, въ армякѣ, растопыря ноги и уныло свѣсивъ голову, стоявшаго тутъ же, рядомъ.

— Дуракъ ты, Ѳедотъ! Нешто я не понимаю?—сдвинулъ брови Парфенъ:—Не о томъ я рѣчь веду, а торопиться, говорю, некуда. Что ужъ ты мнѣ со скотинкой Елизаровой! У меня похуже! У меня во гдѣ горитъ, въ нутрѣ въ самомъ горитъ, а я молчу. Самъ знаешь, объѣздчики моего парнишку какъ подарили... Дитё, значитъ, мое... А я молчу! Ну, а ужъ ежели они—нѣтъ, такъ и я—нѣтъ!—въ волненіи закончилъ Парфенъ, вспоминая свою обиду и глаза его зажглись недобрымъ огнемъ и руку, сжатую въ кулакъ, онъ поднялъ и опустилъ.

— Убивцы... Всѣхъ бы ихъ на одну осину,—раздались въ толпѣ отдѣльные голоса. Но Парфенъ задумавшись ихъ не слышалъ и не слышалъ ихъ рыжій мужиченка Елизаръ.

Елизаръ Калистратовъ былъ тихій, работящій, но совсѣмъ нищій крестьянинъ. Земли у Елизара было меньше малаго, всего на полторы души, а семья большая — самъ десять. Семья Елизара совсѣмъ заѣдала. И все бы ничего, если бы корова Елизарова не отбилась отъ стада и не зашла въ княжескіе овсы. Тамъ ее Елизаръ черезъ два дня нашелъ убитою пулею. Не иначе, какъ было это дѣломъ княжьихъ объѣздчиковъ, потому больше, какъ они никто пулей коровы бить не станетъ. А у Елизара и корова-то была одна, совсѣмъ лядащая коровенка—на три бутылки молока, а безъ коровы этой ему хоть ложись и помирай. Одна надежда на князя! Да и на князя надежды нѣтъ, а такъ, на что-то туманное и Елизару неизвѣстное. Вотъ, можетъ на то, о чемъ говоритъ Өедотъ, слесарь.

А щупленькій Өедотъ, знай, дудитъ въ свою дудку. Не даромъ онъ въ Питерѣ на заводѣ по зимамъ живетъ, умныхъ людей слушаетъ, да и Башилова, что въ лѣсникахъ, что ли, у князя служитъ, понимаетъ и бесѣды съ нимъ при крестьянахъ ведетъ. Лѣсникъ не лѣсникъ Башиловъ, то кто его знаетъ? Говорятъ—„скубентъ“, можетъ и „скубентъ“. Спасибо ему, что уму-разуму наставляетъ. Все какъ по писанному разъяснилъ и насчетъ земли, и насчетъ воли. Елизаръ забылъ, да и много ихъ Елизаровъ забыло, какъ и что Башиловъ разъяснилъ, но разъяснилъ дѣльно, правильно. Вотъ, Өедотъ помнитъ.

— Вся земля, братцы, всему трудящемуся народу,—старался Өедотъ покрыть своимъ тоненькимъ голоскомъ наростающій шумъ:—касательно выгона и потравы, кто споритъ, указать можно... Только вы княжескую анбицію не перешибете... Главное, насчетъ земли. Кто землю пашетъ, тому ее и давай. Къ примѣру сказать, я не пашу, мнѣ и земли не надо. Не о себѣ хлопочу. Мнѣ, значитъ, подавай восьмичасовой рабочій день, вотъ оно что; потому, вы—трудовое крестьянство, а я—пролетарій.

— Что ты, Ѳедотъ, головы кружишь? Земля землей, голыми ее руками не возьмешь. Жди приказа, время прійдетъ—грамота насчетъ земли выйдетъ... Намъ бы хоша объѣздчиковъ убрать, да выгонъ, да потравы...

— Да, это правильно, дядя Парфенъ... Намъ бы выгонъ, да потравы... Вѣрно, вѣрно Парфенъ!—раздалось нѣсколько десятковъ голосовъ, но не меньше голосовъ, болѣе молодыхъ и болѣе громкихъ, потянули сторону слесаря Ѳедота:

— Жди приказа-то! И то ждали, ждали, а слышь, Башиловъ то, что сказывалъ—Дума, говоритъ, хотѣла дать, а ее по башкѣ... Сами не возьмемъ — никто не дастъ... Опять же подати... Все для нихъ, для помѣщиковъ! Они народъ душатъ! Изверги... А пойди, закинь слово, земскій-то и того!

Рѣчи разбились. Кто кричалъ о необходимости пониженія аренды за выгонъ, кто о разрѣшеніи собирать валежникъ въ лѣсахъ, кто о томъ, что землю надо отобрать вразъ, всѣмъ народомъ, а помѣщиковъ повыгнать, кто о томъ, что помѣщиковъ надо перевѣшать и перевѣшать княжескихъ объѣздчиковъ, кто о несправедливыхъ штрафахъ за потраву, кто объ избитомъ сынѣ Парфена, кто объ убитой Елизаровой коровѣ... Одинъ Елизаръ молчалъ, но онъ тоже думалъ о своей коровѣ, потому что онъ ни о чемъ другомъ думать не могъ.

Но вотъ вся толпа разомъ смолкла. Изъ-за поворота дороги вышелъ управляющій, а за нимъ человѣкъ десять стражниковъ, какъ ихъ крестьяне звали—объѣздчиковъ, всѣ съ ружьями за плечами, всѣ съ нагайками въ рукахъ.

По мѣрѣ того, какъ управляющій шелъ, шагъ его становился все болѣе неувѣреннымъ, а лицо корчило гримасу. Какъ давеча управляющій боялся допустить князя разговаривать съ крестьянами, такъ теперь онъ, и даже болѣе того, боялся говорить съ крестьянами. Онъ чувствовалъ, что дѣло подымается нешуточное и что если крестьяне молчали до сихъ поръ, то только потому, что они выжидали пріѣзда князя.

Но именно потому, что управляющій боялся стоявшей передъ нимъ огромной толпы, онъ и обратился къ ней неестественно громкимъ, почти кричащимъ голосомъ:

— Князь приказаль выбирайтъ выборныхъ и пускай они идутъ и съ княземъ говоряйтъ... Князь ихъ будитъ слюшайтъ.—Управляющій покосился на стоявшихъ позади стражниковъ, а толпа замерла, какъ-будто переваривая то, что она услышала.

— Выборныхъ, такъ выборныхъ... Это все одно,—первымъ промолвилъ дядя Парфенъ.

— Дурова голова! — вскинулся на него слесарь:—нешто не понимаешь, что выборные опосля въ отвѣтѣ будутъ? Всѣмъ міромъ стоять надо.

И опять поднялись крики и опять толпа раздѣлилась на двѣ спорящихъ стороны.

„Гдѣ же міромъ говорить? Выборныхъ надыть... Дядю Парфена, да Ѳедота, да... Поговори съ нимъ, съ княземъ-то... Пропащее наше дѣло, вотъ что!“

И неизвѣстно, чѣмъ бы кончились разговоры мужиковъ, если бы не тихій Елизаръ, который стоялъ, не понимая, о чемъ люди спорятъ, а понималъ только, что вмѣсто князя пришелъ опять управляющій, съ тѣми самыми стражниками, которые его корову убили. И позабывъ обо всемъ, кромѣ горькой своей нужды, Елизаръ вдругъ подскочилъ къ управляющему и, схвативъ себя за волосы, неистово завопилъ:

— А мнѣ, что жъ, умирать надыть? Корову то мою, корову за что убили? у-у-у... Нѣмецъ! креста на тебѣ нѣтъ! у-у-у... Пропалъ я пропадомъ.

— Вонь пошель,—крикнулъ на насѣдавшаго Елизара управляющій, а одинъ изъ стражниковъ поднялъ надъ Елизаромъ нагайку и со свистомъ опустилъ ее ему на спину.

— Ать! — взмахнулъ огромнымъ кулакомъ дядя Парфенъ и ударилъ обидчика со всего плеча въ грудь.—Не трошь! это за сына... за дит...—Но Парфенъ не кончилъ, потому что

другой стражникъ ружейнымъ прикладомъ свалилъ его на землю...

Толпа съежилась, рявкнула и двинулась впередъ... Управляющій и стражники бѣжали, но не всѣ...

Черезъ нѣсколько минутъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла толпа, она топталась, а надъ ней взлетали, подбрасываемые сотнями рукъ, два человѣческихъ тѣла. Отъ нихъ брызгало кровью, они шлепались о землю, опять взлетали, падали и ихъ топтали. Сперва они взмахивали головами, руками и ногами, потомъ не стало видно ни головъ, ни рукъ, ни ногъ. Это были уже не тѣла, а два безформенныхъ куска мяса...

Толпа озвѣрѣла. Дико блуждали глаза, изъ грудей вырывались хриплые, нечеловѣческіе вопли. Толпа жила одной жизнью, представляла одно чудовищное существо. Вотъ оно покатилось дорогою по деревнѣ, разобрало ближайшій заборъ, вооружилось кольями, вилами и топорами... Вотъ существо это докатилось до казармъ стражниковъ и казармъ не стало, докатилось до амбаровъ сѣнныхъ—и они запылали... Существо это покатилось къ княжескимъ конюшнямъ, откуда на глазахъ его выскочилъ на неосѣдланномъ конѣ одинъ изъ вырвавшихся отъ него стражниковъ и помчалъ къ станціи, а остальные стражники бросились по дорогѣ къ замку... И тысяченогое чудовище, подъ звонъ пѣвшаго ему набата, при свѣтѣ разгоравшагося пожара, медленно стало ползти туда-же... Вотъ нѣсколько ногъ отъ него отдѣлилось и тлѣющими головнями пошло палить княжескія конюшни... Вотъ двери замка растворились и вышелъ князь! Онъ увидѣлъ грозно двигавшуюся на него толпу и только теперь понялъ, съ чѣмъ онъ имѣетъ дѣло. На мгновенье князь какъ-будто заколебался, но затѣмъ быстро пошелъ навстрѣчу толпѣ.

Вотъ трое поджигателей.

„На колѣни!“

Они упали. Толпа остановилась.

Еще нѣсколько шаговъ — въ толпѣ поснимали шапки. Князь почувствовалъ, что она дрожитъ.

„На колѣни!“

Грянулъ выстрѣлъ и князь упалъ. Выстрѣлъ былъ съ той стороны, гдѣ стоялъ слесарь Ѳедотъ...

„А-а-а-а... О-о-о-о“... Прошумѣло надъ княземъ тысяченогое чудовище и, потоптавъ его, бросилось къ замку... И замокъ запылалъ!

Дымясь занимались желтые листы книгъ въ тяжелыхъ переплетахъ, лопались фарфоровыя вазы, чашечки и статуэтки, и дымъ съ пламенемъ искалъ выхода и простора...

Надъ окровавленнымъ княземъ остановился запыхавшійся Жоржъ, ища помощи...

Вотъ къ замку съ тяжелой дубиной въ рукахъ бѣжитъ рыжій мужиченка, самый нищій во всей деревнѣ, Елизаръ.

— Помоги перенести, чучело гороховое,—остановилъ его Жоржъ.

— Ась? никакъ побитый? эко, горе какое! экій грѣхъ! — промолвилъ Елизаръ, отбрасывая въ сторону дубину и разстилая по землѣ армякъ. Бережно съ Жоржемъ переложилъ онъ на него князя, потомъ черезъ силу поднялъ свой конецъ и пошелъ за Жоржемъ, цѣпляясь за кочки земли свѣже вспаханнаго поля.

IV.

Когда князя принесли въ домъ Одинцовыхъ, онъ находился въ безпамятствѣ. Его помѣстили въ комнату Тани, какъ наиболѣе удобную и уединенную. Поднялся переполохъ. Жоржъ съ помощью жены и матери раздѣлъ князя и осмотрѣлъ его. Въ правой верхней части живота нашли слѣдъ пулевой раны. Изъ нея по каплямъ сочилась кровь, начинавшая уже застаиваться. Сколько можно было, рану обмыли и перевязали. Князь, не открывая глазъ и не приходя въ

себя, изрѣдка громко стоналъ. Послали на станцію за докторомъ и въ Петербургъ срочную телеграмму Павлу Павловичу.

Но раньше чѣмъ посланный успѣлъ доѣхать до станціи, предупрежденные прискакавшимъ стражникомъ о вспыхнувшемъ бунтѣ, въ Лыково ѣхали уже власти, докторъ и полицейская стража. Изъ ближайшаго города вызвана была команда войска.

Никто изъ Одинцовыхъ не ложился спать. У постели князя Таня и Анна Ивановна учредили дежурство и Анна Ивановна отложила предположенный ею отъѣздъ изъ Лыкова. Всѣ волновались, что скажетъ осматривавшій князя докторъ. Но онъ ничего опредѣленнаго сказать не могъ и только выразилъ мнѣніе, что везти князя въ Петербургъ нельзя, но и нельзя оставить его безъ операціи. Положеніе князя онъ призналъ опаснымъ, мѣстонахожденіе пули опредѣлить не могъ и посовѣтовалъ вызвать хирурга. Телеграммой, отъ имени князя, пригласили извѣстнаго петербургскаго оператора.

Только къ утру, усталые, всѣ разошлись по своимъ комнатамъ.

У князя осталась одна Таня. Утомленная, она не могла уснуть. Видѣнная ею кошмарная картина все еще стояла передъ ней во всемъ своемъ грозномъ величіи. Ей слышались удары набатнаго колокола и, минутами забываясь, она вздрагивала и испуганно смотрѣла передъ собой... Вотъ объятые пламенемъ, окруженные милліонами искръ, безформенные силуэты горящихъ построекъ... Море огня! Вотъ на ворономъ конѣ мчится, о чемъ-то крича, всадникъ... Вотъ толпа! Вотъ передъ нею онъ—князь! мужественно безстрашно, онъ идетъ на вѣрную себѣ гибель.

— Безумный!—шепчетъ Таня и, отогнавъ дремоту, подходитъ къ кровати князя и смѣняетъ ему положенный на голову компрессъ.

И кажется Танѣ, что князь вовсе не въ забытьѣ, а смо-

тритъ на нее какими-то странными, смѣющимися глазами. Если это такъ, пусть смотритъ—Таня служитъ не князю, а страдающему, безпомощному человѣку.

„Но лишь бы докторъ, лишь бы онъ поскорѣе пріѣхалъ изъ Петербурга",—думаетъ Таня.

Въ одиннадцатомъ часу утра, у постели князя, Таню смѣнила Анна Ивиновна и въ это же время пріѣхалъ въ Лыково Павелъ Павловичъ и въ одномъ съ нимъ поѣздѣ хирургъ. Павелъ Павловичъ былъ ошеломленъ и растерянъ. Въ то время какъ докторъ осматривалъ раненаго, Любовь Сергѣевна разсказывала мужу всѣ страшныя подробности минувшей ночи.

Черезъ часъ послѣ пріѣзда, докторъ вышелъ въ комнату, гдѣ собрались въ нетерпѣливомъ ожиданіи Одинцовы, и сообщилъ имъ результатъ своего осмотра. Рану, какъ таковую, онъ призналъ тяжелою, но для жизни неопасною. Производство операціи отклонилъ. Прописалъ кое-какія укрѣпляющія и болеутоляющія средства и воспретилъ всякую пищу.

— Все зависитъ отъ того, будетъ-ли у князя воспаленіе брюшины или не будетъ. При воспаленіи брюшины шансовъ на выздоровленіе почти нѣтъ, въ противномъ случаѣ — черезъ двѣ недѣли князь будетъ на ногахъ. Организмъ крѣпкій. Сердце дѣйствуетъ удовлетворительно. Черезъ трое сутокъ, при нормальномъ теченіи болѣзни и нормальной температурѣ, данныя за выздоровленіе увеличатся во много разъ. Слѣдите за температурой,—заключилъ свои соображенія знаменитый хирургъ и, преподавъ кое-какія указанія оставшемуся въ Лыковѣ желѣзнодорожному врачу, съ ближайшимъ поѣздомъ онъ уѣхалъ въ Петербургъ.

У Одинцовыхъ потянулись томительные, полные безпокойства за князя часы. Таня и Анна Ивановна, словно не зная усталости, поперемѣнно смѣняли другъ друга у постели больного. Кромѣ нихъ и въ рѣдкихъ случаяхъ лакея

Павла Павловича, входъ въ комнату князя былъ всѣмъ воспрещенъ. На этомъ рѣшительно настояла Таня. И все-же Любовь Сергѣевна раза два-три въ день ухитрялась проникать къ князю и, дѣлая видъ, какъ-будто она пришла по какому-нибудь неотложному дѣлу, она съ тревогой, смѣшанной съ любопытствомъ, оглядывала больного.

Павелъ Павловичъ въ первый день своего пріѣзда, пользуясь тѣмъ, что Таня, послѣ безсонной ночи, пошла уснуть, пробрался въ полутемную, съ опущенными синими шторами на окнахъ, комнату, въ которой лежалъ князь и, замахавъ руками на повернувшуюся къ нему Анну Ивановну, приблизился къ его постели. Князь лежалъ съ открытыми глазами, но видимо ничего не сознавая. Павелъ Павловичъ сдѣлалъ въ сторону князя какое-то движеніе губами, но затѣмъ, при видѣ мертвенно-блѣднаго лица, не носившаго на себѣ никакихъ признаковъ жизни, пятясь къ дверямъ спиной, онъ вышелъ изъ комнаты.

— Да, плохъ, очень плохъ!—вздохнулъ Павелъ Павловичъ, почему-то ожидавшій чего-то другого отъ своего осмотра.

Болѣе Павелъ Павловичъ къ князю не входилъ. Но онъ не уѣзжалъ и въ Петербургъ, желая выждать три первыхъ опасныхъ дня. Павелъ Павловичъ укрѣпился еще болѣе въ своемъ желаніи остаться въ Лыковѣ послѣ того, какъ на имя князя стали во множествѣ получаться телеграммы отъ Высокихъ Особъ и высокопоставленныхъ лицъ съ запросами о его здоровьѣ и всякими благопожеланіями. О событіяхъ, разыгравшихся въ Лыковѣ, стало извѣстно Двору и правящему Петербургу, а вслѣдъ затѣмъ и всей Россіи, черезъ печать, наславшую въ Лыково спеціальныхъ корреспондентовъ. Корреспонденты эти описывали и освѣщали происшедшее тѣми красками, въ цвѣтѣ которыхъ видѣли его или, правильнѣе сказать,—желали видѣть. Такимъ образомъ на Лыково были обращены взоры многихъ и Павелъ Павловичъ это зналъ и чувствовалъ себя въ центрѣ большого дѣла.

Павелъ Павловичъ и раньше слышалъ о блестящемъ и богатѣйшемъ князѣ Лыковѣ и почиталъ за честь знать, что тотъ нашелъ пріютъ въ его домѣ, но при видѣ заботъ и милостиваго вниманія, оказаннаго князю со стороны, Павелъ Павловичъ положительно началъ терять голову и проникаться къ князю тѣмъ чувствомъ благоговѣнія, которое онъ испытывалъ, напримѣръ, передъ княгиней Запольской. Ему все казалось, что онъ и всѣ домашніе дѣлаютъ не то и не такъ какъ надо. Дошло до того, что Павелъ Павловичъ только и говорилъ всѣмъ, кого встрѣчалъ, одну фразу:

— Тише! ради Бога тише! вѣдь у насъ князь!—Но говорить этого было незачѣмъ, потому что большей тишины въ домѣ быть не могло. Даже въ нижнемъ этажѣ разговоры велись шепотомъ и всѣ ходили на цыпочкахъ.

На дачу по распоряженію Павла Павловича никого изъ постороннихъ не пускали и никому никакихъ свѣдѣній о князѣ не сообщали. Павелъ Павловичъ почему-то считалъ такое распоряженіе необходимымъ.

Изъ всѣхъ дачниковъ, интересовавшихся судьбой князя, только Марья Ильинична Громова, по нѣсколько разъ въ день выходившая въ садъ, ловила иногда Таню и узнавала отъ нея, въ какомъ положеніи находится князь. Изъ Одинцовыхъ Марья Ильинична продолжала встрѣчаться и разговаривать съ одной Таней.

Два первыхъ дня князь ни о чемъ не говорилъ, хотя по временамъ приходилъ въ себя. На исходѣ вторыхъ сутокъ, во время дежурства Тани, князь глубоко вздохнулъ и прошепталъ:

— Кто здѣсь?—Таня вздрогнула, подошла къ кровати и озабоченно посмотрѣла на князя.

— Да, это вы... Одинцова?—князь говорилъ съ видимымъ усиліемъ.

— Да, Одинцова.

— Имя? какъ имя?

— Татьяна.

— Какое... славное.

— Не говорите. Вамъ нельзя говорить.—Смутясь, строго остановила его Таня.

Съ этой минуты, каждый разъ, когда Таня подходила къ его кровати или смѣняла Анну Ивановну, князь, если глаза его были открыты, какъ-будто слѣдилъ за Таней, точно занятъ былъ неотступной какою-то мыслью.

Наступили третьи сутки, и вопросъ о жизни и смерти во многомъ зависѣлъ отъ ихъ исхода. Съ утра у князя температура была слегка повышенная и всѣ съ тревогой ожидали ночи. Наружные признаки теченія болѣзни ни въ чемъ не измѣнились. Князь часто впадалъ въ забытье, стоналъ и попрежнему лицо его оставалось мертвенно-блѣднымъ.

Въ полночь Таня вошла смѣнить задремавшую Анну Ивановну, хотя дежурство той еще не было кончено. Однако Таня рѣшительно заявила, что она отдохнула достаточно. Анна Ивановна ушла. Тогда Таня взяла термометръ и осторожно приблизилась къ постели раненаго. Ей казалось, что онъ спитъ. Но князь вдругъ открылъ глаза, далъ поставить термометръ и слабымъ голосомъ проговорилъ:

— Какъ мнѣ легко, когда вы здѣсь. Не уходите...

— Нѣтъ, я не уйду, но молчите же.

Черезъ четверть часа Таня съ видимымъ волненіемъ поднесла термометръ къ глазамъ. Она облегченно вздохнула.

— Значитъ вамъ не все равно?—неожиданно спросилъ князь, не спускавшій глазъ съ молодой дѣвушки.

— Что не все равно?

— Останусь ли я живъ?

Таня испуганно на него посмотрѣла.

— Вамъ надо уснуть.

— Отвѣтьте!

— Нѣтъ... конечно, не все равно,—съ занявшимся дыханіемъ отвѣтила она.

— Тогда и мнѣ... тоже... я хочу... жить... не уходите,— и князь странно сталъ говорить, и Таня не сразу поняла, что онъ бредитъ. Князь говорилъ о паркѣ и своей встрѣчѣ съ Таней, о томъ, какъ ему легко и какъ онъ жаждетъ выздоровленія... Но бредъ князя былъ спокойный, потому что онъ находился не въ забытьѣ, а въ крѣпкомъ снѣ.

Князь спалъ безъ перерывовъ долго и проснулся, когда солнце стояло высоко. Онъ проснулся замѣтно окрѣпшимъ съ лицомъ, носившимъ отпечатокъ жизни. Осматривавшій князя докторъ объявилъ Одинцовымъ, что князь спасенъ.

Въ этотъ день Таня отправилась къ Петру Карповичу. Она чувствовала себя легко и рада была повидать старика. Танѣ казалось, что она не видѣлась съ нимъ давно.

— Здравствуйте, здравствуйте, золотая!—привѣтствовалъ ее Петръ Карповичъ:

— Заждался я васъ, соскучился! Ну да, я знаю, что вамъ былъ недосугъ, что въ домѣ у васъ хлопоты. Какъ же здоровье раненаго?

— Отлично, Петръ Карповичъ; онъ будетъ жить,—воскликнула Таня и принялась разсказывать всѣ подробности болѣзни и своего ухода. Но по мѣрѣ того, какъ Таня говорила, на лбу у Петра Карповича все глубже складывалась морщина.

— А Николенькѣ вы писали?—спросилъ онъ дѣвушку, когда она замолчала.

— Нѣтъ! Когда же мнѣ было писать? я сейчасъ ему напишу,—отвѣтила Таня, нѣсколько обиженная тѣмъ, что Петръ Карповичъ могъ задать ей подобный вопросъ. Таня прошла въ комнату Николая Николаевича и, взявъ листъ почтовой бумаги, принялась быстро его исписывать.

Когда черезъ полчаса Петръ Карповичъ подошелъ къ Танѣ, она взялась уже за второй листъ.

— Ну вотъ, зато теперь обрадуете его длиннымъ письмомъ,—промолвилъ онъ, улыбаясь.

— Ахъ, да! Такъ о многомъ хочется поговорить съ Николенькой! Такъ жаль, что его нѣтъ здѣсь.

Но Таня не замѣчала, что все письмо ея было заполнено одними упоминаніями о князѣ и что она кончила его, когда писать о князѣ было больше нечего.

Посидѣвъ съ Петромъ Карповичемъ еще недолгое время, Таня собралась домой.

— Какъ, уже?—воскликнулъ старикъ, но Таня дѣловито объяснила ему, что за княземъ требуется серьезный уходъ и что ей надо смѣнить Анну Ивановну.

— Да, ну, конечно... Долгъ прежде всего! Долгъ—это все,—проговорилъ Петръ Карповичъ, провожая Таню черезъ садъ.

По уходѣ молодой дѣвушки, Петръ Карповичъ вернулся въ комнаты и озабоченно сталъ ходить по нимъ.

— Что за нелѣпость! Что за дикія мысли! Ну, конечно же, уходъ за раненымъ человѣкомъ. Ну, конечно же, одинъ только уходъ,—проговорилъ онъ почти вслухъ и сталъ поджидать почту, съ которой расчитывалъ получить письмо отъ племянника.

V.

Деревня „Верхнее Лыково“ представляла собой необычайную картину. Двѣ роты солдатъ занимали ее постоемъ и съ утра до ночи у волостного правленія толпилось десятка два полицейскихъ стражниковъ. Помногу разъ въ день стражники разсылались по крестьянскимъ дворамъ и въ окрестныя деревни и приводили оттуда для допроса, засѣдавшимъ въ правленіи властямъ, уличаемыхъ въ бунтѣ мужиковъ. Мужикамъ было объявлено запрещеніе куда бы то ни было отлучаться изъ своихъ дворовъ, и такимъ образомъ на деревенскихъ улицахъ кромѣ солдатъ да полиціи видны были иногда только перепуганныя лица бабъ,

да фигуры любопытныхъ ребятишекъ. Работы въ деревняхъ стали и на поляхъ оставались стоять неубранными и несвезенными въ гумна бабки ржи.

Поведенное по горячимъ слѣдамъ слѣдствіе, изъ опроса управляющаго, слугъ княжескаго замка и оставшихся въ живыхъ стражниковъ, выяснило слѣдующій рядъ фактовъ, которые должны были въ будущемъ лечь въ основу обвинительнаго акта: движеніе среди крестьянъ возникло на почвѣ нѣкоторыхъ экономическаго характера требованій. Первоначально требованія крестьянъ были ими представлены въ письменной формѣ управляющему имѣніемъ князя Лыкова, а управляющимъ сообщены самому владѣльцу. Крестьяне были предупреждены, что ихъ домогательства будутъ разобраны княземъ лично, по его пріѣздѣ. Въ день пріѣзда князя, крестьяне шести деревень собрались у конторы имѣнія и, вызвавъ управляющаго, предложили ему сообщить князю требованіе выслушать ихъ лично. Послѣ того, какъ управляющій объявилъ крестьянамъ, что князь желаетъ говорить съ выборными отъ нихъ, вспыхнули ничѣмъ не вызванные безпорядки, закончившіеся нанесеніемъ тяжелой и опасной для жизни раны владѣльцу имѣнія, князю Лыкову, убійствомъ двухъ стражниковъ и болѣе или менѣе легкими пораненіями управляющаго имѣніемъ и трехъ стражниковъ. Безпорядки сопровождались поджогами княжескихъ службъ и замка, при чемъ въ огнѣ погибъ какъ самый замокъ, такъ равно и большинство службъ съ находившимся въ нихъ живымъ и мертвымъ инвентаремъ. Какъ на главныхъ руководителей безпорядковъ опрошенные свидѣтели указали на крестьянина деревни Среднее Лыково, Елизара Калистратова и крестьянъ деревни Верхнее Лыково—Парфена Овцебыка и Ѳедота Ѳедотова, по ремеслу слесаря. Со стороны крестьянъ слѣдствіе зарегистрировало тринадцать человѣкъ убитыми и тридцать одного ранеными, главнымъ образомъ подоспѣвшей съ ближайшей

желѣзнодорожной станціи полицейской стражей, заставшей безпорядки въ полномъ разгарѣ.

Таковы были свѣдѣнія, собранныя изъ опроса потерпѣвшихъ лицъ, и слѣдователь приступилъ уже къ снятію показаній съ крестьянъ, когда изъ Петербурга послѣдовало распоряженіе, не прерывая слѣдствія, дать мѣсто имѣющимъ прибыть жандармскимъ властямъ. На событія въ Лыковѣ было обращено особое вниманіе и приказано было произвести разслѣдованіе всесторонне.

Съ пріѣздомъ жандармовъ теченіе дѣла во многомъ измѣнилось. Негласнымъ дознаніемъ, произведеннымъ черезъ спеціально для того привезенныхъ людей, жандармскія власти обнаружили присутствіе среди крестьянъ политической агитаціи, причемъ какую-то роль во всѣхъ событіяхъ игралъ нѣкій студентъ петербургскаго лѣсного института, Антонъ Башиловъ, находящійся на временной службѣ у князя.

Собравъ эти свѣдѣнія и ознакомившись съ данными, добытыми слѣдователемъ, прибывшій изъ Петербурга жандармскій полковникъ рѣшилъ приступить къ допросу крестьянъ. Первымъ онъ приказалъ привести къ себѣ уже арестованнаго одного изъ главныхъ, какъ казалось слѣдователю, зачинщиковъ безпорядковъ, крестьянина Елизара Калистратова.

Введенный двумя жандармами, съ шашками наголо, въ избу волостного правленія тихій и тщедушный Елизаръ долго смотрѣлъ осоловѣвшими, ничего непонимающими глазами на трехъ важныхъ господъ въ синихъ, обшитыхъ серебряными галунами, мундирахъ, сидѣвшихъ на лавкѣ передъ столомъ. Грузный, сѣдой полковникъ трижды его окликнулъ, пока онъ, наконецъ, отозвался.

— Какъ звать?

— Ась? Елизаромъ меня звать.

— Елизаръ Калистратовъ?

— По отцу выходитъ, что Калистратовъ.

— Что же ты, Калистратовъ, можешь намъ разсказать по поводу случившагося?

— Ась?—спросилъ, ничего не понявшій Елизаръ.

— Чего ась? Что ты можешь насчетъ бунта объяснить?—старался наставить мужика полковникъ.

— А я ничаво.

— Вотъ, извольте радоваться—ничего!—повелъ глазами полковникъ на сидѣвшихъ по обѣ его стороны двухъ офицеровъ помоложе.

Бунтъ былъ?

Елизаръ, потупивъ глаза, сталъ вертѣть въ рукахъ шапку.

— Бунтъ былъ? тебя я спрашиваю.

— А мнѣ ни къ чему! Може былъ, а може и не былъ! Вамъ лучше знать... потому я по безграмотству, значитъ,—вздохнулъ Елизаръ.

— Хм... Стражниковъ, или какъ вы ихъ тамъ зовете, объѣздчиковъ били?

— Это точно, что били.

— Какъ же вы ихъ били? За что?

— Да за все... Всѣмъ міромъ, значитъ, били.

— Кто же первый сталъ бить?

— А кто его знаетъ! Всѣ били... И дядя Парфенъ, и Ѳедотъ... всей деревней били.

— Постой, подожди... Какой дядя Парфенъ?

— Это, господинъ полковникъ, очевидно, Парфенъ Овцебыкъ, умершій отъ ранъ. Слѣдователь указываетъ на него, какъ на одного изъ главныхъ заправилъ,—вмѣшался въ допросъ, сидѣвшій по лѣвую руку полковника, рыжеволосый ротмистръ.

— Овцебыкъ?

— И Овцебыкъ билъ.

— Ну, а что это за Ѳедотъ? это слесарь?

— Ѳедотъ точно слесарь.

— А за что Парфенъ и Ѳедотъ стали бить стражн... объѣздчиковъ?

— Всѣ бить стали...

— Это я ужъ слышалъ, что всѣ... За что, я спрашиваю, Парфенъ и Ѳедотъ ихъ били?

— А они меня били... Нагайкой, значитъ.

— Ага, языкъ-то развязывается,—пробормоталъ полковникъ, на что оба его сотрудника самодовольно улыбнулись.

— А тебя за что били?—обратился онъ опять къ Елизару въ то время, какъ рыжій офицеръ принялся записывать отвѣты допрашиваемаго.

Елизаръ помялся, потеръ лобъ рукой и, догадавшись, наконецъ, что отъ него хотятъ узнать то, что уцѣлѣло въ его памяти, началъ объяснять:

— Коровенка, значитъ, у меня пропала... Ну, пропала коровенка, я ее и побѣгъ искать... Побѣгъ искать, а она въ овсахъ княжьихъ...

— Да что ты мнѣ объ овсахъ, да о коровенкѣ! Людей вы поубивали, а вовсе не коровенку,—нахмуря брови, промолвилъ полковникъ и сердито посмотрѣлъ на Елизара. Онъ увидѣлъ, что съ этой стороны допросъ ничего не дастъ и рѣшилъ итти къ цѣли прямо:

— Башилова, студента, что у князя служитъ, знаешь?

Елизаръ удивленно взглянулъ на полковника и ему стало конфузно, что онъ опять не сумѣлъ говорить такъ, какъ отъ него требовали.

— Башилова господина знаю!—отвѣтилъ онъ.

— Разговаривалъ съ нимъ? слушалъ его?

— Какъ же не слухать? всѣ слухали...

— Хм... Всѣ! а о чемъ же Башиловъ говорилъ со всѣми?

— Да такъ... вобче говорилъ... И насчетъ выгона, опять же насчетъ потравы... Коровенка у меня...

— Ну, а о землѣ Башиловъ говорилъ? — перебилъ Елизара полковникъ.

— Это точно.

— Что жъ онъ о землѣ говорилъ?

— Не упомню... Вотъ, Ѳедотъ слесарь, тотъ знаетъ... Тотъ въ Питерѣ жилъ, такъ все это понимаетъ, а я, извѣстно, человѣкъ темный, безграмотный...

— Уфъ! извольте отъ такого господина что-нибудь достукаться! понятно, онъ пойдетъ на что хотите,—промолвилъ полковникъ и зѣвнулъ. Онъ привыкъ въ это время соснуть часъ-другой и потому чувствовалъ себя усталымъ и разбитымъ. Однако, вспомнивъ, чье вниманіе обращено на порученное ему дѣло, онъ передернулъ плечами, словно отгоняя отъ себя дремоту, и приказалъ одному изъ охранявшихъ Елизара жандармовъ привести слесаря Ѳедота.

Стоявшій все время какъ каменное изваяніе жандармъ круто повернулся и, лязгнувъ шпорами, вышелъ изъ избы. Черезъ нѣсколько минутъ онъ ввелъ щупленькаго слесаря Ѳедота.

Ѳедотъ исподлобья оглядѣлъ обстановку, въ которую попалъ и, пощипавъ свой черный усъ, остановился рядомъ съ Елизаромъ.

— Какъ звать?—обратился къ нему, какъ давеча къ Елизару, полковникъ.

— Ѳедотъ Ѳедотовъ.

— Слесарь?

— По ремеслу слесарь.

— Что знаешь о происшедшемъ?

— Это насчетъ чего?—притворился Ѳедотъ непонимающимъ.

— А вотъ насчетъ того, что вы тутъ натворили?

— Я ничего рѣшительно не знаю и не видѣлъ.

— Ну, это гусь другого порядка... Это изъ товарищей, — откинувшись назадъ, за спиной полковника, обратился къ другому офицеру рыжій ротмистръ.

Тотъ молча кивнулъ головой и пристально уставился на Ѳедота.

— Ну, а Башилова знаешь? О чемъ онъ говорилъ съ крестьянами?

Ѳедотъ усмѣхнулся.

— Не могу и этого знать... Я, извините, чужихъ разговоровъ передавать не умѣю.

— Такъ что ты отвѣчать отказываешься? — наклонился впередъ туловищемъ полковникъ.

— Ничего не знаю и не слышалъ. Провокаціей заниматься не стану, къ примѣру говоря, вродѣ иллюстраціи писемъ въ черномъ кабинетѣ и всего прочаго.

— Фю-фю-фю... Съ нимъ придется поговорить особо, — присвистнулъ полковникъ и мигнулъ жандарму увести Ѳедота.

Ѳедотъ поблѣднѣлъ и у него дрогнула нижняя челюсть.

А Елизаръ съ завистью посмотрѣлъ на него.

„Хорошо умному человѣку! и сказать и объяснить, все могитъ“,—подумалъ онъ.

Между тѣмъ дознаніе продолжалось. Вскорѣ увели Елизара и на его мѣстѣ оказался слѣдующій, такой же, какъ и онъ безграмотный мужикъ. Но, перебравъ человѣкъ двадцать, жандармскій полковникъ рѣшилъ, что есть достаточно данныхъ для допроса Башилова. Поэтому онъ отдалъ распоряженіе разыскать и привести его.

VI.

Едва Башилову сдѣлалось извѣстно, что слѣдствіе перешло въ руки жандармовъ, онъ приготовился къ тому, что можетъ быть арестованъ. Не принимая никакого непосредственнаго участія въ происшедшихъ въ Лыковѣ событіяхъ, Башиловъ тѣмъ не менѣе понималъ, что дѣятельность его будетъ обнаружена допросомъ крестьянъ.

Какъ разъ въ то время, когда было отдано приказаніе объ его арестѣ, онъ сидѣлъ у Громовыхъ.

Студентъ казался озабоченнымъ и недовольнымъ и нехотя отвѣчалъ на вопросы, которыми его засыпали хозяева.

Между тѣмъ Громовы, не видѣвшіе Башилова давно, рады были его приходу и расчитывали узнать отъ него всѣ подробности разыгравшагося бунта. Но въ то время, какъ Иванъ Васильевичъ полагалъ, что Башиловъ можетъ разсказать болѣе того, что извѣстно было ему, потому только, что Башиловъ жилъ рядомъ съ происшедшими безпорядками и, слѣдовательно, видѣлъ ихъ своими глазами, Марья Ильинична смотрѣла на студента совсѣмъ инымъ образомъ. Для Ивана Васильевича Башиловъ былъ не болѣе, какъ неудачливый студентъ и какъ большинство студентовъ—крайнихъ, но понятныхъ каждому взглядовъ. Но мало-ли какіе у людей могутъ быть взгляды! Важно, чтобы взгляды находили отраженіе въ поступкахъ, опирались на какую-нибудь сущность, занимающую извѣстное мѣсто въ общемъ жизненномъ круговоротѣ. Принадлежность къ политической партіи, общественная служба, вообще личное положеніе, даже матеріальная независимость—что-нибудь и тогда можно говорить о дѣятельности и взглядахъ, вредныхъ или полезныхъ, но съ которыми нужно считаться. А Башиловъ? Онъ можетъ быть чуть-чуть вреденъ, или чуть-чуть полезенъ и не болѣе того. Добрый малый, чудакъ, но актеръ безъ роли, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ, по крайней мѣрѣ безъ роли отвѣтственной.

Не то совсѣмъ видѣла въ Башиловѣ Марья Ильинична. Въ происшедшихъ въ Лыковѣ событіяхъ ее интересовалъ прежде всего и больше всего — онъ. Но напрасно Марья Ильинична надѣялась узнать что-нибудь особенное отъ Башилова о его роли. Ничего особеннаго, ничего героическаго въ роли его не было, а потому и прежде, до пріѣзда князя, онъ могъ говорить только полунамеками, самъ не зная, во что выльется замѣченное и подогрѣваемое имъ недовольство среди крестьянъ, а теперь и вовсе онъ не зналъ, какъ опре-

дѣлить свою роль въ происшедшемъ. Но Марьѣ Ильиничнѣ и въ молчаніи Башилова чудилась какая-то обязательная для него таинственность:

— Такъ вы говорите, въ деревнѣ слѣдствіе, Башиловъ?— обратилась она съ вопросомъ къ ходившему по гостиной хромоногому студенту.

— Да, слѣдствіе... Скверно, что въ дѣло вмѣшалась жандармерія. Теперь весьма возможно и даже навѣрно меня попросятъ.

— То-есть, какъ это попросятъ? куда? — взволновался Иванъ Васильевичъ.

— Сцапаютъ и въ мѣста не столь отдаленныя... И сцапаютъ, по всѣмъ видимостямъ, очень скоро.

— Васъ? хм... Васъ сцапаютъ? — сталъ Громовъ втупикъ, недовѣрчиво глядя на своего гостя.

— Башиловъ, вамъ бѣжать надо... Скорѣй бѣжать! — вскрикнула Марья Ильинична.

— Куда? бѣжать некуда! захотятъ, такъ сцапаютъ все равно... Нѣтъ, объ этомъ что жъ говорить, а вотъ, — Башиловъ на мгновеніе замялся:—скверно, что монеты нѣтъ. Ну, а безъ монеты путешествовать куда невесело. Вотъ, если бы заемъ временный учинить.

— Да, да, конечно... Развѣ объ этомъ можно говорить!— заторопился Иванъ Васильевичъ и быстро опустилъ руку въ боковой карманъ платья и медленно ее оттуда вынулъ.

„Нѣтъ“, подумалъ Иванъ Васильевичъ: „Дать денегъ немного—не того... и вообще безполезно; дать много—могутъ найти, если только сцапаютъ, и тогда... дознаются кто далъ и чортъ знаетъ какія непріятности изъ-за пустяковъ выйдутъ. Нѣтъ, такъ нельзя“. — Маня, — обратился онъ къ женѣ:—у меня такихъ денегъ нѣтъ... Можетъ быть у тебя?

— Сейчасъ, сію минуту,—засуетилась Марья Ильинична, выходя изъ комнаты.

Иванъ Васильевичъ тотчасъ послѣдовалъ за ней.

— Маня! присутствіе у насъ Башилова, когда его могутъ арестовать... Ты понимаешь, чѣмъ это можетъ кончиться? затѣмъ—деньги... все это рискъ и... и здѣсь возможенъ рядъ неожиданностей.

Марья Ильинична тревожно взглянула на мужа. Ей въ голову не приходили тѣ опасности, на которыя онъ намекалъ.

— Да, но бѣдный Башиловъ!—нерѣшительно промолвила она.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось у Марьи Ильиничны совѣщаніе съ мужемъ, если бы она не взглянула въ окно и не увидѣла шедшаго мимо ихъ дачи Петра Карповича.

— Ахъ! я придумала! — вскрикнула Марья Ильинична, выбѣгая въ комнату, гдѣ оставался Башиловъ: — я придумала, Башиловъ... Я васъ спасу! мы васъ спасемъ!

Студентъ въ удивленіи повернулъ къ ней голову, но Марья Ильинична, не обращая на него вниманія, подошла къ окну и окликнула Петра Карповича:

— Петръ Карповичъ! пожалуйста... на одну минуту. Мнѣ очень надо васъ повидать.

Петръ Карповичъ досадливо поморщился и пошелъ черезъ садъ. Старикъ думалъ свои думы и ему вовсе не хотѣлось встрѣчаться и говорить съ Громовыми. Онъ думалъ о томъ, что за нѣсколько ближайшихъ дней Таня заходила къ нему всего одинъ разъ и то просидѣла самое короткое время.

Войдя къ Громовымъ, Петръ Карповичъ съ неудовольствіемъ покосился въ сторону Башилова.

— Ради Бога, Петръ Карповичъ,—помогите!—обратилась къ нему Марья Ильинична, приглашая его сѣсть.

— Да въ чемъ дѣло?—спросилъ старикъ, невольно обращая вниманіе на разстроенныя лица хозяевъ.

— Въ Лыковѣ ведется слѣдствіе по поводу безпорядковъ и прочаго... Ну, и Башилова могутъ арестовать и... Я не знаю, что съ нимъ могутъ сдѣлать... Посадятъ въ тюрьму, сошлютъ въ Сибирь... Вѣдь это же не люди, а звѣри!

— Да что же господину Башилову за дѣло до безпорядковъ?

— Какъ же что! Онъ замѣшанъ... его замѣшаютъ..

— Замѣшанъ? какой ужасъ! Да вѣдь тамъ людей убивали! Боже мой, какой ужасъ!—закрывая лицо руками, дрогнувшимъ голосомъ. промолвилъ Петръ Карповичъ...

Но не успѣла Марья Ильинична что-нибудь отвѣтить ему, какъ Башиловъ, блѣдный, съ трясущимися губами, закричалъ какимъ-то пискливымъ голосомъ:

— Я всегда зналъ, что вы старый человѣкъ и многаго не можете осмыслить, да-съ, не въ состояніи осмыслить. Ну, а теперь я вижу, что вы попросту выжили изъ ума.

— Что? Ахъ ты, попрыгунъ хромоногій! Брысь отъ меня!— воскликнулъ Петръ Карповичъ, и за минуту передъ тѣмъ добродушный старикъ вдругъ преобразился и твердо пошелъ на Башилова. Студентъ помедлилъ нѣсколько секундъ и быстро заковылялъ изъ комнаты:

— А въ помощи я ничьей не нуждаюсь, да-съ .. И никого адвокатствовать и вмѣшиваться въ мои дѣла не прошу,—крикнулъ онъ изъ-за двери.

— Башиловъ! Башиловъ!—закричала ему вслѣдъ Марья Ильинична, просовывая голову изъ окна. Но Марья Ильинична тотчасъ замолчала, увидѣвъ подошедшихъ къ калиткѣ ея сада двухъ жандармовъ. Сердце ея замерло, и не въ силахъ будучи что-нибудь произнести, она только замахала рукой, подзывая къ себѣ мужа.

А жандармы, дождавшись, пока Башиловъ вышелъ изъ сада, объявили его арестованнымъ и повели за собой.

— Петръ Карповичъ! Ради Бога! Помогите... Спасите его... Вѣдь вы можете... Вѣдь Татьяна Павловна такъ близка теперь къ князю... Если она захочетъ, если она скажетъ ему... Попросите, не забудьте,—прикладывая руки къ груди, черезъ силу говорила Марья Ильинична.

Петръ Карповичъ, все еще тяжело дыша, вдругъ ос-

тановился передъ Марьей Ильиничной и, пошатнувшись, ухватился за спинку стула. Потомъ онъ повернулся и медленно пошелъ къ двери.

— Да, да, не забуду,—шепталъ онъ, отвѣчая на вдругъ навѣянную ему мысль:

— Близка, вы, говорите, Таня... Татьяна Павловна къ князю? Нѣтъ, не забуду... Не забуду я этого никогда.

VII.

Неувѣренныя предсказанія врачей относительно исхода полученной княземъ раны, послѣ трехъ сутокъ пребыванія его въ домѣ Одинцовыхъ, не внушали уже никому никакого сомнѣнія, что князь останется въ живыхъ. Каждый новый день приносилъ князю силы, и здоровье его замѣтно поправлялось. Очень скоро уходъ за княземъ Тани и Анны Ивановны былъ признанъ излишнимъ, и князь сталъ обходиться услугами своего камердинера. Нѣсколько разъ навѣдавшійся изъ Петербурга докторъ объявилъ, что если и впредь выздоровленіе пойдетъ такими же быстрыми шагами, то черезъ двѣ недѣли князь можетъ встать на ноги.

Наконецъ этотъ желанный для князя день насталъ, и хотя съ большой осторожностью, но все же самостоятельно, онъ началъ дѣлать первые послѣ болѣзни шаги. Павелъ Павловичъ тотчасъ распорядился перевести князя изъ верхняго этажа въ нижній, гдѣ онъ уступилъ ему свой кабинетъ. Съ этого дня князь подчинился общему распорядку жизни въ домѣ Одинцовыхъ.

За долгое сравнительно пребываніе въ семьѣ Павла Павловича у князя успѣли сложиться вполнѣ опредѣленныя отношенія съ каждымъ изъ ея членовъ. Въ основу этихъ отношеній легла увѣренность князя, что своимъ спасеніемъ онъ обязанъ заботамъ о немъ Одинцовыхъ и

главнымъ образомъ своевременной и самоотверженной помощи, оказанной ему Жоржемъ.

Жоржъ, пріѣзжавшій теперь въ Лыково въ канунъ каждаго праздника, буквально не отходилъ отъ князя. Князь платилъ Жоржу искренней дружбой, и въ первый же пріѣздъ его былъ съ нимъ уже на „ты“. Жоржъ всѣмъ сердцемъ цѣнилъ расположеніе къ себѣ князя и готовъ былъ пойти за него въ огонь и въ воду. Въ лагеряхъ Жоржъ только и говорилъ, что о князѣ и возбуждалъ понятную зависть къ себѣ со стороны товарищей. Сослуживцы Жоржа были убѣждены и не скрывали отъ него, что теперь черезъ князя онъ можетъ устроить свою судьбу, какъ только захочетъ. Но Жоржъ меньше всего думалъ объ этомъ, потому что привязанность его къ князю была искреннею и безкорыстною.

Иначе князь относился къ Павлу Павловичу. Онъ смотрѣлъ на него, какъ на старшаго, и умно, деликатно и осторожно подталкивалъ передъ собой. Но ему пришлось употребить не мало усилій, прежде чѣмъ сопротивлявшійся Павелъ Павловичъ сталъ смотрѣть на него, какъ на равнаго, какъ на своего въ семьѣ человѣка. Съ Любовью Сергѣевной и княжнами князь держался съ большой предупредительностью и почтеніемъ и старался доставить имъ пріятное въ тысячѣ мелочей совмѣстной съ ними жизни. Всѣ три сестры были очарованы княземъ, причемъ княжны въ тайнѣ сравнивали его съ предметами своихъ увлеченій давней молодости, такими же, какъ имъ казалось, блестящими молодыми людьми.

А Анна Ивановна заняла къ князю совсѣмъ несвойственную ей позицію: Анна Ивановна не интересовалась—нравится она князю или нѣтъ. Она не предполагала, что это князь поставилъ ее въ такое безразличное къ нему положеніе и что если бы онъ захотѣлъ, то она тотчасъ перемѣнила бы свое поведеніе. Но при всемъ томъ, Анна Ивановна была очарована княземъ не менѣе остальныхъ Одинцовыхъ.

Совсѣмъ особенно держался князь съ Таней. Къ ласковому и благодарному отношенію къ Танѣ, съ какимъ онъ велъ себя во все то время, когда она ходила за нимъ, едва онъ началъ поправляться, примѣшалось, ни для кого незамѣтное, безобидное, но Таня чутко его улавливала, легкое, касавшееся ея подтруниванье. Князь для чего-то какъ-будто подчеркивалъ Танѣ ея молодость, какъ-будто отрицалъ за ней какія-то права. Однимъ словомъ, онъ относился къ ней не какъ ко взрослой, самостоятельной дѣвушкѣ, какой Таня хотѣла считать себя, а какъ къ полуребенку. Благодаря тому, что между княземъ и Таней существовала большая разница лѣтъ — онъ былъ почти вдвое старше ея, никому не казалось страннымъ такое обращеніе князя. Но Таня сперва удивленно присматривалась къ манерѣ князя держать себя съ ней, потомъ удивленіе смѣнилось въ ней чувствомъ задѣтаго самолюбія и досады. Она строже стала слѣдить за своими поступками и словами, обдумывать ихъ, но, благодаря этому, невольно впадала въ искусственность, становилась на какія-то ходули. Таня злилась тогда и на себя и на князя, чувствовала, что онъ правъ, хотѣла узнать, почему онъ правъ, но узнать этого не могла, потому что не желала признаться въ своей молодости.

И при всемъ томъ, хотя Таня и дѣлала попытки доказать князю, что она вовсе не такая, какой онъ ее представляетъ, хотя она иногда и злилась на него, она любила проводить время въ его обществѣ.

Князь былъ занимательный и интересный собесѣдникъ. Нѣкоторые разговоры его, особенно разсказы о жизни при Дворѣ, производили впечатлѣніе на всѣхъ Одинцовыхъ. Анна Ивановна, въ тѣхъ случаяхъ, когда князь раскрывалъ тотъ золотой кругъ, въ который доступъ имѣютъ очень немногіе, чувствовала себя совсѣмъ блѣдненькою и незамѣтною. Анна Ивановна не только не мечтала увидѣть что-нибудь подобное, но даже лучшую свою подругу, въ

которой она находила такъ много обаятельнаго и столько недостающихъ ей самой качествъ, Зиночку Муравлину, она считала для этого круга непригодною.

Между тѣмъ князь говорилъ такъ, что ничего, кромѣ интереса, въ своихъ слушателяхъ не возбуждалъ. Онъ не дѣлалъ никакихъ сравненій и о себѣ никогда не упоминалъ. Привычка говорить у князя была съ нѣкоторою небрежностью въ голосѣ и манерахъ. Но никто никогда не замѣчалъ, ни даже Таня, что иной разъ, посреди своего разсказа, князь вдругъ умолкалъ, бросалъ на Таню мимолетный взглядъ, какъ бы желая удостовѣриться, слушаетъ ли она его, и тогда говорилъ дальше. Но стоило Танѣ заговорить съ княземъ или вообще проявить себя чѣмъ-нибудь, онъ тотчасъ переводилъ разговоръ на тонъ шутки и подсмѣиванія, словно отказываясь видѣть въ томъ, что говоритъ и что дѣлаетъ Таня, что-нибудь серьезное.

Порой Таня сама начинала чувствовать, что вотъ-вотъ она отплатитъ князю той же монетой, и она была увѣрена, что сумѣетъ это сдѣлать, но она воздерживалась. Порой ей хотѣлось такъ же громко смѣяться, какъ смѣялись вокругъ нея остальные, но смѣхъ свой она глушила. Ей казалось, что не время, что она не должна смѣяться. Таня держала себя постоянно на возжахъ, слѣдила за собой, уходила въ себя. Но, право, минутами ей чудилось, что въ ней сидитъ какой-то звѣрекъ, который можетъ выскочить и набѣдокурить, и Таня не выпускала его.

Въ первые дни болѣзни князя, пока онъ нуждался въ уходѣ, вся ушедшая въ заботы о немъ, потомъ Таня не имѣла чего-нибудь, что бы ее заполняло. Оттого она испытывала иногда пустоту, иногда тоску и тогда переносилась мыслями къ Николаю Николаевичу. Она писала ему, какъ придется, но и отъ него она получала письма неаккуратно. Таня прекрасно понимала, что Николай Николаевичъ занятъ и не всегда можетъ располагать своимъ временемъ, а по-

тому и не осуждала его за неаккуратность, но она не винила и саму себя, потому что и у ней жизнь совсѣмъ вышла изъ колеи, послѣ того, какъ у нихъ въ домѣ поселился князь.

Надъ тѣмъ, что будетъ завтра и въ слѣдующіе дни, Таня не задумывалась, потому что она знала, что ничего особеннаго быть не можетъ. Но она не желала останавливаться и надъ прошлымъ, по крайней мѣрѣ надъ недавнимъ. Изъ всего прошлаго ей упрямо вспоминалось то, что произвело на нее наибольшее, неотразимое впечатлѣніе. То были разыгравшіяся на ея глазахъ кровавыя, лыковскія событія. О нихъ Таня избѣгала думать, потому что думать о нихъ—было то же, что думать о князѣ. По всему этому Таня старалась не оставаться одна и проводила почти все время съ родными.

Неизбѣжно ей приходилось иногда оставаться вдвоемъ съ княземъ. Но въ присутствіи князя, даже когда онъ подшучивалъ надъ ней, даже когда она злилась на него, она была какъ-то внутренне спокойна за себя. Впрочемъ, именно тогда, когда князь бывалъ съ глазу на глазъ съ Таней, она менѣе всего замѣчала какое-нибудь постороннее намѣреніе его. Онъ просто разсказывалъ ей все, что ему приходило въ голову и, чего онъ не дѣлалъ при другихъ, онъ разсказывалъ ей о себѣ. Этому князь бывалъ даже какъ-будто доволенъ, какъ-будто радъ былъ искренно, безъ прикрасъ показать Танѣ самого себя.

Особенно часты стали разговоры между Таней и княземъ, когда онъ началъ выходить на воздухъ. Завидѣвъ молодую дѣвушку въ саду, занятую какой-нибудь рукодѣльной работой или съ книжкой въ рукахъ, князь тотчасъ выходилъ изъ своей комнаты и подсаживался въ ея компанію.

Въ одинъ изъ такихъ дней, когда молодые люди сидѣли на ступенькахъ террасы, Таня замѣтила шедшаго мимо ка-

литки сада Петра Карповича. Таня оборвала свой разговоръ съ княземъ и сдѣлала нѣсколько шаговъ къ старику. Но тотъ шелъ, словно ее не замѣчая. И Таня остановилась. Ея память, какъ молнія, прорѣзала мысль, что она не можетъ сейчасъ подойти къ Петру Карповичу, что она виновата передъ нимъ. Таня вспомнила, что за много дней она заходила всего одинъ разъ къ Петру Карповичу и ей сдѣлалось стыдно, когда она вспомнила, какъ она была довольна въ тотъ разъ уйти отъ него. Петръ Карповичъ такъ странно держалъ себя тогда съ нею. Онъ какъ-будто избѣгалъ смотрѣть на нее и казалось, что говорилъ не о томъ, что его занимало. И только когда Таня собралась уходить, Петръ Карповичъ неожиданно, въ первый разъ при ней, упомянулъ имя князя. Ничего особеннаго Петръ Карповичъ не сказалъ, но Таня вспыхнула и смутилась. Таня даже не разслышала хорошо словъ Петра Карповича. Но теперь ей было болѣе всего стыдно именно потому, что она вспомнила его слова. Петръ Карповичъ просилъ заступничества Тани за Башилова.

„Почему же меня? Почему? И какъ могла я забыть объ этомъ?"— съ краской въ лицѣ подумала молодая дѣвушка, удаляясь отъ террасы въ глубину сада.

„Да, все это очень нехорошо съ моей стороны",— продолжала она размышлять,—„но право же все это скоро кончится и пойдетъ по старому. Вѣдь не будетъ же князь сидѣть у насъ вѣчно",— рѣшила она, находя себѣ оправданіе въ той, какъ ей казалось, безалаберщинѣ, которая изъ-за присутствія князя продолжалась у нихъ въ домѣ.

Въ тотъ же день Таня обратилась къ князю съ просьбою за Башилова. Выслушавъ Таню, князь сдвинулъ брови, но затѣмъ улыбнулся:

— Однако, Татьяна Павловна, не даромъ, оказывается, я васъ такъ боюсь. Вы опасны! Вы болѣе опасны, чѣмъ сами предполагаете. Не угодно ли, кѣмъ вы интересуетесь!

Какимъ-то Башиловымъ! Но, если онъ арестованъ, значитъ онъ замѣшанъ во всей этой исторіи? Значитъ, онъ революціонеръ? Онъ навѣрно революціонеръ, потому что прибѣгаетъ ко всѣмъ средствамъ, чтобы достичь своихъ цѣлей. Дѣйствуетъ черезъ дѣт... барышенъ...

— Князь, вы опять начинаете?

— Ни-ни! И, чтобы доказать, что я говорю серьезно, я предлагаю вамъ завтра же итти на мѣсто подвиговъ вашего героя. Тамъ мы узнаемъ, что можно будетъ сдѣлать для него.

— Князь! Не будетъ ли это для васъ слишкомъ большая прогулка? Вы можете себѣ повредить! — вмѣшались бывшія тутъ Любовь Сергѣевна и княжны.

— О, нѣтъ! Мнѣ нечего бояться рядомъ съ Татьяной Павловной. Я не боюсь даже самихъ революціонеровъ,— разсмѣялся князь.

„Все шутки, все только однѣ шутки“, — раздраженно подумала Таня.

VIII.

На слѣдующій день князь рѣшился въ первый разъ за время своего пребыванія у Одинцовыхъ выйти за калитку ихъ сада. Тотчасъ послѣ завтрака, въ сопровожденіи Тани, Анны Ивановны и гостившаго уже третій день, по случаю окончанія маневровъ, Жоржа, онъ отправился въ Верхнее Лыково, гдѣ хотѣлъ переговорить о Башиловѣ съ производившимъ дознаніе жандармскимъ полковникомъ. Едва Жоржъ, шедшій впереди, миновалъ ограду парка, онъ остановился и, дождавшись остальныхъ, проговорилъ:

— Помните, съ этого мѣста мы смотрѣли на пожаръ. Вотъ тамъ...

— Показалась толпа мужиковъ. О, какъ это было страшно! Толпа медленно подвигалась къ замку... Потомъ вышли изъ

него вы, князь. Ужасныя минуты! Потомъ вы упали, и Жоржъ побѣжалъ къ вамъ, и дальше я уже ничего не помню, потому что Таня упала въ обморокъ и я бросилась къ ней,— залепетала Анна Ивановна.

Князь, слушавшій молодую женщину, при послѣднихъ словахъ ея поднялъ брови и пытливо посмотрѣлъ на кусавшую себѣ губы Таню.

— Вы упали?—подумалъ онъ, не замѣчая, что говоритъ вслухъ.

— Ну, да! Вся эта картина... Видъ пожара... Все это было такъ страшно,—для чего-то начала оправдываться молодая дѣвушка.

— Конечно,—помолчавъ, согласился князь.

Пройдя нѣсколько десятковъ саженей вдоль ограды парка, къ озеру, молодые люди берегомъ дошли до горы, на которой стоялъ замокъ. Взойдя на гору, они увидѣли передъ собой закопченный, во многихъ мѣстахъ разрушенный огнемъ, одинъ каменный остовъ замка. Внутри его громоздились кучей полуобгорѣвшія балки, обломки кирпичей и порыжѣлые, изогнутые листы желѣзной кровли.

— Какое вандальство! Если бы... Какъ вы его назвали, Татьяна Павловна? Ахъ, да—Башиловъ. Если бы не вы, то, право, я не пожалѣлъ бы его ни при какихъ обстоятельствахъ,—возмущенно вымолвилъ князь.

— И чего ты съ этимъ Башиловымъ цацкаешься, Таня?— вмѣшался было Жоржъ, но Таня его перебила:

— Оставь, пожалуйста. Я такъ хочу.

— Однако, господа, давайте искать управляющаго. Пусть онъ ведетъ насъ дальше,—промолвилъ князь, желая прекратить начинавшуюся размолвку:- Бѣдный нѣмецъ изрядно пострадалъ. Я слышалъ, что домъ, въ которомъ онъ жилъ, со всѣмъ его имуществомъ сгорѣлъ. Идемте къ деревнѣ.

Всѣ отправились тѣнистымъ садомъ, одной стороной примыкавшимъ къ озеру, другой выходившимъ къ сгорѣв-

шимъ службамъ и далѣе къ деревнѣ. Деревья сада, ближайшія къ замку, стояли съ голыми обуглившимися вѣтвями. Но несмотря на эту грустную картину, молодая компанія громко разсмѣялась, замѣтивъ въ сторонѣ, на одной изъ лужаекъ сада, работавшаго у цвѣточной клумбы стараго садовника. При приближеніи князя онъ поднялся съ земли и снялъ шапку.

— Что ты тутъ дѣлаешь, старикъ?—спросилъ его князь.

— Цвѣты оправляю... которые, значитъ, помяты, которые что...

— Да вѣдь замокъ-то сгорѣлъ, такъ что-жъ толку въ цвѣтахъ?

— Замокъ замкомъ, а цвѣты цвѣтами... Цвѣты не какъ-нибудь, они порядокъ любятъ.

— Да, ну это ты правильно говоришь. А нельзя ли намъ управляющаго повидать?

— Управителя? Можно и его... вотъ, ужо пойду кликну,—отвѣтилъ старикъ и пошелъ впередъ торопливой походкой.

Черезъ нѣсколько минутъ къ молодымъ людямъ подошелъ запыхавшійся управляющій.

— Постоянно забываю его имя,—шепнулъ князь Жоржу:—Карлъ, Карлъ, а дальше? Все равно, буду звать его Карлъ Ивановичъ. Во-первыхъ, милѣйшій Карлъ Ивановичъ,—отвѣчая на почтительный поклонъ, обратился къ подошедшему князь — скажите, могли ли бы вы меня куда-нибудь помѣстить, если бы я вздумалъ прожить еще нѣкоторое время въ Лыковѣ?

— Измѣна!—вскричалъ Жоржъ и принялся съ Анной Ивановной корить князя за неожиданно выраженное имъ желаніе перебраться изъ ихъ дома.

— Да вѣдь не могу же я, въ самомъ дѣлѣ, стѣснять безъ конца Любовь Сергѣевну,—смѣясь искреннему негодованію Жоржа, возражалъ князь;—ну, былъ боленъ... ну, поправился... Пора и честь знать.

Но Жоржъ и Анна Ивановна не унимались.

— Порѣшимте на томъ,—улыбаясь, предложилъ князь,— что я остаюсь въ вашемъ домѣ, пока меня терпятъ. Ну, а на всякій случай, найдется у васъ что-нибудь подходящее?—снова задалъ онъ вопросъ управляющему.

— О, да... Пожалюйста,—заволновался толстый нѣмецъ, приглашая слѣдовать за собой. Повидимому, онъ чувствовалъ себя великолѣпно, несмотря на то, что былъ сильно помятъ крестьянами и несмотря на то, что въ огнѣ потерялъ всѣ свои пожитки. За долгую службу у князя управляющій успѣлъ сколотить кругленькій капиталецъ, который лежалъ у него въ банкѣ, и теперь онъ былъ доволенъ, что „недоразумѣнія“ съ крестьянами настолько благопріятно сложились для него, что онъ могъ продолжать службу далѣе.

— Тутъ у князя есть маленькій флигель... вотъ, пожалюйста, сюда,—говорилъ управляющій, идя въ глубину сада.

— Что такое? Какой флигель? --удивился князь.

— Какъ же вы не знаете, что у васъ есть, князь?—изумилась Анна Ивановна.

— Боже мой! Откуда же мнѣ знать!—простодушно воскликнулъ онъ,—вѣдь я бывалъ здѣсь такъ рѣдко и всегда на нѣсколько дней, ради охоты.

— А гдѣ же вы обыкновенно проводите лѣто?—полюбопытствовала Анна Ивановна.

— Гдѣ придется. Если свободенъ, то ѣзжу за границу, а то—въ Крымъ.

— У васъ въ Крыму есть тоже замокъ и виноградники, да?—не переставала любопытствовать молодая женщина.

— Ну, не замокъ, а остановиться найдется гдѣ. Да вотъ мы можемъ испробовать мое вино,—отвѣтилъ было князь, но управляющій почтительно замѣтилъ, что во время безпорядковъ погребъ былъ разбитъ и все вино уничтожено мужиками.

— Но какъ богатъ князь. Онъ одинъ изъ богатѣйшихъ у насъ людей,—негромко обратился къ сестрѣ Жоржъ.

„Что-жъ изъ того?“ — не отвѣчая брату, подумала Таня.

Между тѣмъ управляющій привелъ всю компанію къ небольшому, каменному, бѣлому домику, сплошь заросшему начинавшимъ краснѣть плющемъ.

— Вотъ, сюда, ваше сіятельство. Der alte Fürst постоянно стоялъ и жилъ здѣсь.

— Ахъ, да!—живо воскликнулъ князь:— я теперь припоминаю, что точно когда-то останавливался здѣсь съ покойнымъ отцомъ. Да, навѣрно, мы почему-то жили здѣсь, а не въ замкѣ.—И князь вошелъ въ домикъ и осмотрѣлъ три довольно помѣстительныхъ комнаты, обстановка которыхъ была сплошь закрыта бѣлыми покрывалами. Порядокъ и чистота въ комнатахъ князю понравились и, одобрительно похлопавъ по плечу аккуратнаго нѣмца, онъ хотѣлъ обратиться къ нему съ какимъ-то вопросомъ, какъ услышалъ зовъ Тани. Князь тотчасъ вышелъ въ садъ.

— Князь, взгляните, что за великолѣпіе,—кричала Таня, спрятанная за стѣной густо разросшихся кустовъ акацій.

Отводя руками вѣтви кустарника, мѣшавшія итти едва замѣтной тропинкой, князь пошелъ на голоса своихъ спутниковъ. Они стояли на небольшой площадкѣ, покрытой зеленой, некошенной травой и смотрѣли на развернувшуюся передъ ними картину. Площадка эта составляла край утеса, далеко выступавшаго, какъ-будто висѣвшаго надъ озеромъ, и съ нея были видны окрестности на много верстъ кругомъ.

— Помню, помню и эту площадку,—проговорилъ князь;— помню, какъ отецъ боялся, когда я выходилъ на нее... Вотъ и ограда—она совсѣмъ сгнила и повалится отъ одного толчка; ее ради меня и поставили. Далекое, прошлое время... Что вы дѣлаете!— вдругъ закричалъ князь, подбѣгая къ Танѣ и хватая ее за руку. Она вздумала сѣсть на полусгнившую скамью, стоявшую на самомъ краю утеса.

Сорвавшійся изъ-подъ ногъ князя камень, слышно было, какъ черезъ нѣсколько секундъ глухо бултыхнулся въ воду. Таня, не отнимая руки отъ князя, взглянула внизъ и, поблѣднѣвъ, отошла на нѣсколько шаговъ въ сторону. У ней слегка закружилась голова.

— Вотъ видите, какія вы допускаете шалости? За вами надо смотрѣть еще въ оба. Озеро глубоко,—съ сердцемъ вымолвилъ князь.

— Да, озеро очень глюбоко,—подтвердилъ управляющій.

— Значитъ, если отсюда броситься въ воду, то это ужъ вѣрная смерть, да, князь?—уже улыбаясь, спросила Таня.

— Несомнѣнно.

— Вотъ это красивая смерть! А то—люди вѣшаются, отравляются... фи, какъ это неинтересно! — ни съ того, ни съ сего, заключила молодая дѣвушка.

— А вы оправдываете, князь, самоубійство?—вмѣшалась въ разговоръ Анна Ивановна. Князь хотѣлъ отвѣтить какою-то шуткой, но раздумалъ.

— Жизнь хороша до тѣхъ поръ, пока ею повелѣваешь, не правда-ли? Ну, а если она дѣлаетъ тебя игрушкой, рабомъ... Впрочемъ, развѣ не отъ насъ зависитъ оставаться всегда господиномъ?—И князь поспѣшилъ обратиться къ стоявшему въ сторонѣ управляющему:

— Итакъ, милѣйшій Карлъ Ивановичъ, приготовьте на всякій случай комнаты для моего переѣзда, а теперь ведите насъ въ деревню, къ тѣмъ господамъ которые наводятъ тамъ порядки.

Управляющій не сразу понялъ приказаніе князя, но, получивъ объясненіе, что князь желаетъ видѣть жандармскаго полковника, повелъ всю компанію въ деревню.

Черезъ четверть часа князь и Жоржъ вошли въ избу волостного правленія. Таня и Анна Ивановна остались ждать ихъ на улицѣ.

Къ этому времени деревня по внѣшнему виду предста-

вляла обычную картину. Солдаты изъ нея были уведены, изъ полицейской стражи оставалось всего нѣсколько человѣкъ, сидѣвшихъ по крестьянскимъ избамъ, и только у дверей волостного правленія несъ дежурство рослый жандармъ. Попрежнему на деревенской улицѣ, купаясь въ пыли, бѣгали ребятишки, бродили куры, кой-гдѣ высовывали изъ оконъ повязанныя платками головы бабы. Казалось, что деревня жила своей повседневной, будничной, трудовой жизнью.

Но на самомъ дѣлѣ жизнь въ деревнѣ замерла, и она предана была во власть безутѣшнаго горя, нищеты, голода, можетъ быть окончательнаго разоренія. Многіе изъ крестьянъ были отправлены въ тюрьмы. Объ оставшихся слѣдствіе подходило къ концу, но и ихъ ожидала впереди горькая доля. Человѣкъ пятнадцать наиболѣе разбитныхъ и толковыхъ остались за жандармами. Ихъ полковникъ предполагалъ отправить черезъ нѣсколько дней въ Петербургъ, въ охранное отдѣленіе. Онъ окончилъ дознаніе и излагалъ теперь письменно весь ходъ происшедшихъ въ Лыковѣ безпорядковъ.

Полковникъ былъ доволенъ результатами своей работы и выводами изъ нея. Въ выводахъ своихъ онъ пришелъ къ заключенію, что между Лыковскими событіями и такими же событіями, имѣвшими мѣсто въ другихъ частяхъ Имперіи, замѣчается несомнѣнная связь въ ихъ характерѣ и цѣляхъ. Выступленія крестьянъ полковникъ признавалъ организованными и приписывалъ руководительство ими „преступному тайному сообществу, именующему себя россійской соціалъ-демократической партіей, имѣющей въ виду, путемъ насилій, грабежей, возстаній и вообще террора, ниспроверженіе существующаго государственнаго строя“.

Какъ на членовъ этого сообщества, полковникъ указывалъ на арестованнаго имъ студента Башилова и на фабричнаго рабочаго, слесаря, Ѳедота Ѳедотова.

Въ тотъ моментъ, когда князь и Жоржъ вошли въ комнату волостного правленія, полковникъ, съ двумя своими помощниками, сидѣлъ за столомъ и пилъ чай. Увидѣвъ флигель-адъютантскую форму князя и догадавшись, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, полковникъ и офицеры повставали со своихъ мѣстъ. Князь сухо поздоровался съ ними.

— Скажите, вы арестовали нѣкоего моего служащаго, Башилова?—тотчасъ обратился онъ къ полковнику, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ его приглашенія сѣсть.

— Да, арестовалъ,—въ свою очередь сухо отвѣтилъ полковникъ, котораго видимо покоробило высокомѣрное обращеніе князя.

— Могу я узнать, за что?

Полковникъ замялся.

— За принадлежность къ соціалъ-демократической партіи.

— Но вѣдь участія въ безпорядкахъ онъ не принималъ?

— Онъ былъ вдохновителемъ ихъ.

— Если онъ участія въ безпорядкахъ не принималъ,—продолжалъ князь, недовольный, что ему приходится спорить и доказывать:—если онъ не убивалъ и не поджигалъ, то не могу-ли я просить освободить его?

Полковникъ отъ неожиданности ступилъ шагъ назадъ.

— Это невозможно.

— Но если бы я на этомъ настаивалъ?

— Едва-ли это къ чему-нибудь приведетъ. И потомъ, извините господинъ полковникъ, но какъ затрудняете вы насъ вашей просьбой,—раздражительно проговорилъ жандармъ. Князь вспыхнулъ.

— Во-первыхъ, не господинъ полковникъ, а—ваше сіятельство, понимаете? Я—Лыковъ, князь Лыковъ, да... А вовторыхъ, я пришелъ не торговаться, а узнать, можете-ли вы освободить Башилова?

— Нѣтъ, не могу.

— Въ такомъ случаѣ, вы получите соотвѣтственное при-

казаніе. Имѣю честь кланяться,—поспѣшилъ кончить непріятную ему сцену князь и пошелъ изъ избы, въ сопровожденіи не на шутку струхнувшаго отъ его вспышки Жоржа.

Вскорѣ они нагнали ушедшихъ впередъ Таню и Анну Ивановну.

— Ну, что же Башиловъ?—полюбопытствовала спросить Таня, оборачиваясь къ князю.

— Башиловъ будетъ черезъ три дня свободенъ,—отвѣтилъ онъ.

— Будто-бы?

— Когда я говорю—да, значитъ—да, Татьяна Павловна,—рѣзко вымолвилъ князь.

Таня надула губки и пошла впередъ. Но, вслѣдъ затѣмъ, она вдумчиво повторила:

Когда онъ говоритъ—да, значитъ—да.

Вернувшись домой, князь прошелъ въ кабинетъ и составилъ двѣ телеграммы, касавшіяся дѣла Башилова.

IX.

Ровно черезъ трое сутокъ князю стало извѣстно, что хлопоты его увѣнчались успѣхомъ и что изъ Петербурга послѣдовало распоряженіе объ освобожденіи Башилова и прекращеніи о немъ слѣдствія. Князь тотчасъ передалъ объ этомъ Танѣ. Молодая дѣвушка равнодушно поблагодарила его, искусно скрывъ свое довольство.

Да, Таня была довольна этому сообщенію.

„Но почему?"—задумалась она, составляя записку Петру Карповичу:

„Не все ли мнѣ равно до Башилова? Можетъ быть я довольна за Петра Карповича?"

Но Таня такъ и не призналась, что она довольна только потому, что ея желаніе исполнено княземъ.

Совсѣмъ иначе отнесся къ этому вопросу Павелъ Павловичъ. Одинцовы и князь были въ сборѣ, когда Павелъ Павловичъ, только-что передъ тѣмъ вернувшійся изъ Петербурга, гдѣ онъ представлялся начальству, по поводу назначенія его вице-директоромъ, завелъ разговоръ о Лыковскихъ событіяхъ.

— Виновные понесутъ, конечно, наказаніе и, надо надѣяться, что наказаніе ждетъ ихъ суровое. Чужая собственность должна быть священной, и съ людьми, посягающими на нее, надо бороться безъ пощады, безъ милосердія. Тѣмъ прискорбнѣе мнѣ было узнать, что Таня просила за какого-то Башилова, личность темную и опасную.

— Татьяна Павловна здѣсь не при чемъ. Это моя вина,— промолвилъ князь, обмѣниваясь взглядомъ съ молодой дѣвушкой. Павелъ Павловичъ пробурчалъ себѣ что-то подъ носъ, но спорить не сталъ и охотно перевелъ разговоръ на другое.

Между тѣмъ Таня, незамѣтно для всѣхъ, вышла изъ дома. Изъ окна комнаты она увидѣла, что прислуга несетъ со станціи почту и пошла встрѣтить ее. Таня была увѣрена, что получитъ письмо отъ Николая Николаевича и она не ошиблась. Вскрывъ конвертъ, Таня поднялась къ себѣ наверхъ. Однако, не успѣла она прочесть первыхъ строкъ письма, какъ вдругъ вздрогнула и насторожилась: неожиданно раздался звукъ выстрѣла, спустя короткій срокъ— снова и потомъ громкіе голоса въ саду. Таня подбѣжала къ окну и растворила его. Всѣ Одинцовы стояли вокругъ князя, издавая восторженныя восклицанія. Въ рукахъ у князя Таня разсмотрѣла револьверъ.

— Таня! Иди скорѣй,—окликнулъ сестру, красный отъ волненія, Жоржъ.

— Князь держалъ съ papa пари, что съ тридцати шаговъ попадетъ изъ револьвера въ карточнаго туза. Papa промахнулся, а князь угодилъ въ самую середину. Вонъ, смотри, даже не различить, какой масти былъ тузъ.

— Да, ну?—воскликнула удивленная Таня. Она знала, что Павелъ Павловичъ считается прекраснымъ стрѣлкомъ и побѣда его княземъ ее поразила.

— Да, ну? Не можетъ быть?—повторила она, перевѣшиваясь черезъ окно и не замѣчая, какъ письмо вывалилось у ней изъ рукъ и упало на полъ.

— Иди же, иди,—звалъ ее Жоржъ.

И сама не зная, для чего она это дѣлаетъ, Таня быстро перебѣжала комнату и спустилась въ садъ. Князя просили повторить выстрѣлъ, но онъ отказался.

— Какая рука! Какой глазъ! Сколько хладнокровія!—продолжали раздаваться вокругъ князя восторженные гогоса. Но Таня не захотѣла имъ вторить и пошла черезъ садъ, къ калиткѣ.

— А гдѣ же письмо? Вѣрно я оставила его въ комнатѣ,—вспомнила она и вздумала было вернуться, когда къ ней подошелъ князь.

Хотите прогуляться, Татьяна Павловна?—спросилъ онъ молодую дѣвушку. Таня заколебалась.

— Пожалуй. Да вѣдь вамъ нельзя много ходить, а я люблю—если итти, такъ итти далеко, или совсѣмъ не итти.

— Все, или ничего?—улыбнулся князь.

— Если хотите.

— Ну, наконецъ-то мы сошлись съ вами во взглядахъ. Итакъ, сдѣлаемте хорошую прогулку.

Таня обернулась, чтобы кликнуть Анну Ивановну и Жоржа, но ихъ уже не было въ саду.

„Ну, и что-жъ? Ну, и пойду. Что тутъ особеннаго",—рѣшила Таня и какъ была, безъ шляпы, она направилась съ княземъ къ воротамъ парка.

Въ начавшемся разговорѣ Таня не замѣчала, что она идетъ довольно быстро. Вскорѣ паркъ остался позади и Таня съ княземъ пошли въ противоположную отъ станціи сторону. Они рѣшили не входить въ лежавшую имъ на

пути деревню, а дойти до конца озера и, если не устанутъ, то обогнуть его. Но не прошли они и половины дороги, какъ князь сталъ замедлять шаги.

— Что же вы?—разсмѣялась Таня, но, взглянувъ на него, протянула передъ собой руки. Князь, блѣдный какъ полотно, медленно и грузно опускался на землю.

— Боже мой! Что съ вами?—воскликнула Таня, но князь ее уже не слышалъ. Утомленный быстрой ходьбой и слишкомъ продолжительной прогулкой, онъ лежалъ въ обморокѣ.

Тяжело переводя духъ, Таня закрыла лицо руками. Но затѣмъ она схватила откатившуюся въ сторону фуражку князя и бѣгомъ направилась къ озеру.

Когда Таня вернулась съ фуражкой, наполненной водою, она застала князя, сидѣвшаго въ сторонѣ, на камнѣ. Не глядя на молодую дѣвушку онъ отпилъ нѣсколько глотковъ воды изъ фуражки. Потомъ онъ всталъ на ноги.

— Ну, что? какъ вы себя чувствуете?—съ непрошедшимъ еще испугомъ, спросила его Таня. Князь съ ожесточеніемъ взмахнулъ рукою.

— Такъ глупо, такъ по-дѣтски... Ха-ха-ха, упалъ въ обморокъ!

Но Таня не понимала, на что онъ сердится.

— Вотъ видите, сами вы говорите, что по-дѣтски,—промолвила она, наконецъ, медленно направляясь съ княземъ къ дому;—ну, и выходитъ, что это не я—какъ вы неудачно желаете иногда меня представить—ребенокъ, а вы сами, и я должна ходить за вами, какъ нянька.

— Ахъ, Татьяна Павловна, если бы это было такъ!—полушутя, полусерьезно вздохнулъ князь, и опять Таня не поняла его, но почувствовала какой-то особый смыслъ въ его словахъ. Всю остальную дорогу Таня оставалась молчаливою.

Вернувшись домой, ни князь, ни Таня никому не разсказали почему-то о случившемся. И потому, что они не говорили объ этомъ, между ними установилась какъ-будто тайна. Но, странное дѣло, Таню занимала она.

X.

Сѣялъ мелкій и частый дождь. Проснувшись позже обыкновеннаго, Таня лѣниво потянулась. Скучная погода навѣвала сонъ. И когда Таня взглянула въ окно, она не узнала привычной для глазъ картины. Все было подернуто сѣрою туманною пеленой и такъ непохоже на лѣто. Впрочемъ, лѣта оставались одни дни, близилась осень.

Танѣ было жаль, что погода испортилась. На сегодня была предположена прогулка въ лѣсъ, за грибами.

Всѣ послѣдніе дни молодые Одинцовы и князь совершали продолжительныя и интересныя прогулки. Они уходили съ утра и едва поспѣвали вернуться домой къ обѣду. Разговоры между ними не умолкали ни на минуту и они не замѣчали, какъ бѣжитъ время. По крайней мѣрѣ у Тани не хватало времени ни на что, ни на какое дѣло. Каждый день послѣ обѣда, поигравъ съ полчаса на роялѣ, Таня уходила къ озеру, къ облюбованному ею мѣсту, съ котораго ей нравилось смотрѣть на закатъ солнца. Всякій разъ Танѣ сопутствовалъ князь. Она такъ къ этому привыкла, что еще вчера, раздосадованная на князя за то, что онъ замѣшкался, на зло ему, она ушла одна. Потомъ она узнала, что князь искалъ ее, но она была довольна, что не нашелъ.

И теперь Таня вспомнила, какъ вчера, въ обычное время, она вышла съ зонтикомъ въ рукахъ на террасу, гдѣ князь разговаривалъ о чемъ-то съ Анной Ивановной. Танѣ пришлось окликнуть его, но онъ извинился и сказалъ, что сейчасъ ее нагонитъ. Онъ думалъ, конечно, что она пойдетъ своей любимой дорогой, къ озеру! Но нѣтъ, она вовсе не хотѣла итти туда и пошла въ другую сторону. Вернувшись, Таня не застала князя дома. Онъ пришелъ позже ее на цѣлыхъ полчаса.

— Какой однако же у васъ характеръ, Татьяна Павлов-

на,—замѣтилъ ей князь, какъ-будто оставшійся недовольный ея поведеніемъ.

— Во всякомъ случаѣ мой характеръ во сто кратъ лучше вашего,—вспыхнувъ, отвѣтила ему Таня. И князь, взглянувъ на нее, повидимому удовлетворился ея отвѣтомъ, потому что вслѣдъ затѣмъ попросилъ ее сыграть что-нибудь на роялѣ.

И Таня играла ему весь вечеръ то, что онъ хотѣлъ.

„А сегодня? Какая обида, что погода испортилась",—еще разъ подумала Таня и, окончивъ свой туалетъ, пошла въ столовую, гдѣ вся семья собралась за чаемъ.

— Что же, однако, мы станемъ дѣлать?—ни къ кому не обращаясь, задалъ вопросъ Жоржъ, на котораго погода, какъ и на остальныхъ, навѣвала скуку. До конца отпуска Жоржу оставалось гостить въ Лыковѣ всего нѣсколько дней.

Никто, однако же, не успѣлъ ему что-нибудь отвѣтить, какъ въ комнату вошла прислуга и доложила, что къ князю пріѣхалъ какой-то господинъ изъ Петербурга.

— Кто такой? А! По всей вѣроятности это мой главноуправляющій. Я его жду. Вы разрѣшите мнѣ, Любовь Сергѣевна, встать изъ-за стола?—спросилъ князь, подымаясь съ мѣста.

Когда черезъ нѣсколько минутъ князь вернулся, въ сопровожденіи пожилого и хмураго на видъ человѣка, Одинцовы съ любопытствомъ обернулись на нихъ. Павелъ Павловичъ торопливо всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу. Къ своему удивленію, въ пріѣхавшемъ онъ узналъ лицо, съ которымъ ему неоднократно приходилось сталкиваться по дѣламъ службы и которое занимало въ томъ же Министерствѣ должность равносильную той, на которую Павелъ Павловичъ былъ только что назначенъ.

Между тѣмъ князь, познакомивъ своего главноуправляющаго со всѣми Одинцовыми, дождался пока тотъ отвѣ-

тилъ на предложенные ему незначительные вопросы и попросилъ его пройти за собой въ кабинетъ.

Едва дверь за ушедшими затворилась, Павелъ Павловичъ безпомощно развелъ руками и упавшимъ голосомъ проговорилъ:

— Вотъ вамъ и князь! Не угодно ли! Это его главноуправляющій! А? Вотъ оно, что бываетъ на свѣтѣ.— И при общемъ молчаніи, Павелъ Павловичъ началъ дѣлиться своими мыслями на тотъ счетъ, каковы должны быть дѣла у князя, если служащимъ у него является такой господинъ, какъ пріѣхавшій. Павлу Павловичу становилось даже какъ будто обидно за себя и въ то же время внутри его начало просыпаться заснувшее было чувство припаданія передъ княземъ. Да, это было именно чувство припаданія и оно усилилось послѣ того, когда, приблизительно черезъ полчаса, Павелъ Павловичъ услышалъ громкіе голоса, доносившіеся изъ кабинета. Очевидно, князь разговаривалъ, стоя неподалеку отъ дверей.

— Итакъ, смѣту за прошлый годъ вы закончили. Каковы приблизительныя цыфры?

— Ваши личные расходы, князь, выразились въ суммѣ шестьдесятъ тысячъ рублей. Общіе расходы по управленію превысили полтора милліона. Доходъ нѣсколько уменьшился и не достигаетъ четырехъ милліоновъ.

Ошеломленные Одинцовы какъ-то испуганно переглянулись между собою. Они, конечно, знали о богатствахъ князя, но имъ и въ голову не приходило, что его богатства могутъ быть такъ баснословно велики.

Павелъ Павловичъ откинулся на спинку стула. Таня зажмурила глаза.

„Шестьдесятъ тысячъ... Полтора милліона... Три милліона... Нѣтъ, это невозможно... Это, право же, совершенно невозможно“,- почему-то шептала она.

Вскорѣ князь вышелъ съ главноуправляющимъ изъ ка-

бинета. Павелъ Павловичъ положительно терялъ голову, не зная, какъ ему держать себя и можетъ ли онъ въ присутствіи князя говорить съ пріѣзжимъ. Все же Павелъ Павловичъ предложилъ ему позавтракать и отдохнуть. Но тотъ, пожаловавшись на скверную погоду, тѣмъ не менѣе отказался остаться, сославшись на недосугъ. Потомъ, чтобы кто не подумалъ, что ему мѣшаютъ какія-нибудь личныя дѣла, а не дѣла князя, онъ замѣтилъ:

— Сегодня вечеромъ у насъ рѣшается важный вопросъ и мнѣ надо поспѣть домой спозаранку. Продаемъ винокуренные заводы.

— Какіе?—полюбопытствовалъ князь.

— Тѣ, что у вашего сіятельства въ В-ской губерніи.

— А! Покупщикъ, кажется, Удѣльное Вѣдомство?

— Да, Удѣлы.—И просидѣвъ еще съ четверть часа въ обществѣ Одинцовыхъ, главноуправляющій сталъ съ ними прощаться. Князь, а вслѣдъ за нимъ и Павелъ Павловичъ, пошли его провожать.

Черезъ нѣсколько минутъ князь вернулся, держа Павла Павловича подъ руку. Павелъ Павловичъ шелъ какъ-то склонившись на бокъ и слегка присѣдая. Князь замѣтно былъ въ прекрасномъ настроеніи духа. И благодаря князю, никто не замѣтилъ, какъ всѣ пришли въ обычное настроеніе. Но князь видимо имѣлъ что-то сказать и, чего съ нимъ никогда не бывало, онъ видимо затруднялся.

— Да, я очень радъ, что мы всѣ въ сборѣ,—подошелъ, наконецъ, онъ къ интересовавшему его вопросу, — теперь и ты, Жоржъ, скоро укатишь и Анна Ивановна вслѣдъ за тобою улетитъ... Да и остальные, пожалуй, недолго просидятъ въ Лыковѣ—взгляните, какая прелесть на дворѣ. Такъ вотъ, я и хотѣлъ просить и, надѣюсь, никто не обидитъ меня отказомъ, принять отъ меня на память по маленькой бездѣлушкѣ. Я такъ много видѣлъ въ вашемъ домѣ, такъ много пережилъ... такъ полюбилъ...—князь оборвалъ свою рѣчь и

приказалъ вошедшей прислугѣ принести пакетъ, оставленный главноуправляющимъ.

Заслышавъ слова князя, Таня вышла изъ комнаты. Она была взволнована. Но сейчасъ ей некогда было разбираться въ своихъ чувствахъ. У ней была иная забота.

„Подарки! — думалось Танѣ, — съ чего и что? Нѣтъ, мнѣ онъ не смѣетъ ничего дарить... И я ничего не возьму, и я ничего не хочу брать“.—Но утвердившись въ этомъ рѣшеніи, Таня тотчасъ вернулась въ столовую. Ей все-же любопытно было узнать, какіе подарки приготовилъ князь ея роднымъ.

Въ это время князь, уже одарившій чѣмъ-то Любовь Сергѣевну и княженъ, протянулъ Павлу Павловичу массивный, золотой портсигаръ.

— Князь! Для чего?—проговорилъ было Павелъ Павловичъ, но тотчасъ замолчалъ, потому что ему пришло на мысль, что князю ровно ничего не значитъ сдѣлать подарокъ цѣною хоть въ сто тысячъ рублей. Но, подумавъ такъ, Павелъ Павловичъ не зналъ, какъ онъ близокъ къ истинѣ.

— Татьяна Павловна! Куда же вы убѣжали?—обратился князь къ Танѣ:

— Можетъ быть вы отвѣдаете этихъ конфектъ?—продолжалъ онъ, протягивая молодой дѣвушкѣ огромную коробку съ конфектами:—пусть вкусъ ихъ подсластитъ вамъ воспоминаніе обо мнѣ, если только вы когда-нибудь захотите обо мнѣ вспомнить.

— Ахъ, конфекты!— воскликнула Таня, довольная, что можетъ не отказать князю въ его вниманіи. Таня раскрыла коробку, поставила ее на столъ и протянула князю руку. Онъ взялъ ея руку и хотѣлъ поцѣловать, но, почувствовавъ неувѣренное сопротивленіе дѣвушки, тотчасъ отпустилъ ее.

„Ну, и что же? Конечно я могла позволить ему поцѣловать мою руку. Конечно, могла. Но если такъ вышло, можетъ быть такъ лучше“,—подумала Таня.

А князь подошелъ уже къ Аннѣ Ивановнѣ и, назвавъ

ее своей доброй сестрой милосердія, передалъ ей кожаный футляръ. Анна Ивановна улыбнулась, раскрыла футляръ и ахнула. Всѣ ее обступили. Въ футлярѣ оказались драгоцѣнныя, унизанныя крупными бриллiантами, колье и брошь.

Внѣ себя отъ восторга, забывшись, Анна Ивановна обхватила шею князя руками и звучно поцѣловала его въ щеку. Всѣ кругомъ разсмѣялись.

— А тебя, мой другъ,—обратился князь къ Жоржу, беря его за плечо,

— я прошу по-братски принять то мѣсто, которое едва не стало моей могилой. Возьми себѣ Лыково.

— Ну, это ужъ чертъ знаетъ что такое! Нѣтъ, я несогласенъ. Это... это... этого я отъ тебя не ожидалъ,—искренно возмутился Жоржъ.

-- Жоржъ, ты не смѣешь брать,—со слезами въ голосѣ замѣтила Таня.

Князь опечалился, но потомъ съ еще большей настойчивостью принялся убѣждать Жоржа не наносить ему обиды своимъ отказомъ. Въ концѣ концовъ Жоржъ сдался, и обрадованный князь просилъ его побывать въ Петербургѣ у его главноуправляющаго, которому онъ поручилъ дѣло это оформить.

Во время всѣхъ этихъ разговоровъ и неожиданностей никто изъ Одинцовыхъ не обратилъ вниманія на странную разницу, допущенную княземъ въ цѣнѣ его подарковъ. Но эту разницу замѣтила Таня. И когда она прошла къ себѣ въ комнату, она удивленно повела плечами. Таня отнюдь не завидовала никому, но случившееся дразнило ее и забавляло.

„Странный князь,—думала Таня:—Анѣ—многотысячное колье... Жоржу—но это уже прямо безобразіе... А мнѣ—коробку конфектъ! Что это значитъ? Подсластить, онъ сказалъ, воспоминанія, если я вспомню его... Милый князь“!— Таня чему-то улыбнулась и почувствовала, что хотя въ

происшедшемъ она ничего не понимаетъ, но что князь поступилъ именно такъ, какъ только можно и должно было ему поступить. И все же какой-то червячекъ еще долго сосалъ гдѣ-то внутри Тани, дразнилъ ее и не давалъ ей покоя.

XI.

Весь послѣдній мѣсяцъ рѣдкій день Иванъ Васильевичъ Громовъ проводилъ на дачѣ. Служебныя, личныя и общественныя дѣла волновали его и держали въ Петербургѣ. Главной заботой Ивана Васильевича было то обстоятельство, что въ скоромъ времени наступалъ срокъ, когда онъ долженъ былъ, но по имѣвшимся у него свѣдѣніямъ едва ли могъ, получить отданную имъ подъ залогъ недвижимости значительную сумму денегъ. Хотя должникомъ Ивана Васильевича было лицо матеріально обезпеченное, но въ возникшемъ по этому поводу дѣлѣ имѣлись какія-то побочныя причины, которыхъ Иванъ Васильевичъ въ точности не зналъ, но которыя безспорную и прибыльную операцію значительно усложняли. Разобраться въ возникшихъ недоразумѣніяхъ Иванъ Васильевичъ поручилъ присяжному повѣренному. Несмотря, однако же на то, что дѣло это Ивана Васильевича безпокоило, онъ не забывалъ интересоваться дѣлами общественными.

Къ этому времени повсемѣстно въ Россіи начались выборы въ Государственную Думу. И Иванъ Васильевичъ съ видимымъ волненіемъ слѣдилъ за происходившею борьбой политическихъ партій.

Чуть не ежедневно Иванъ Васильевичъ бывалъ въ „бюро“ своей партіи, гдѣ съ утра до ночи кишѣлъ народъ и шла дѣятельная, кипучая работа. Кромѣ главарей партіи и служащихъ въ „бюро“, туда то и дѣло заходили рядовые члены партіи, корреспонденты газетъ и просто любопытствующая публика узнать послѣднія, полученныя изъ провинціи

новости, подѣлиться своими впечатлѣніями, погадать относительно шансовъ того или другого кандидата и прочее. Изъ „бюро“ сотнями разсылались телеграммы съ запросами на мѣста, всевозможными „директивами“, поздравленіями „побѣдителей“ и т. д. и т. д. Тутъ же дѣлались распоряженія относительно мѣстныхъ выступленій на предвыборныхъ собраніяхъ и распредѣлялись роли между командируемыми на эти собранія ораторами: одному поручалось знакомить избирателей съ будущей дѣятельностью партіи въ Государственной Думѣ, другому—дать соотвѣтствующую характеристику враждебныхъ партій, третьему—обрисовать дѣятельность правительства и прочее и т. д.

Иванъ Васильевичъ и тутъ старался по возможности быть аккуратнымъ и добросовѣстно посѣщалъ предвыборныя собранія. Но хотя Иванъ Васильевичъ всѣмъ этимъ волновался, онъ чувствовалъ пріятный подъемъ силъ. Этому много способствовало видимое торжество его партіи. Изъ многихъ мѣстъ получались сообщенія о выборѣ въ Государственную Думу выставленныхъ партіей кандидатовъ. По городу N прошелъ Степанъ Онуфріевичъ Кубанцевъ.

Объ этой новости Иванъ Васильевичъ сообщилъ Марьѣ Ильиничнѣ въ свой послѣдній пріѣздъ въ Лыково. Тогда же Иванъ Васильевичъ предупредилъ жену, что онъ видѣлся съ возвратившимся въ Петербургъ Кубанцевымъ, звалъ его на ближайшій праздникъ въ Лыково и что точно такъ же видѣлся и звалъ Михаила Львовича Кнута.

Однако, Марья Ильинична не особенно осталась довольна ожидаемому пріѣзду гостей. Марьѣ Ильиничнѣ хотѣлось встрѣтить вновь избраннаго члена Государственной Думы съ подобающей торжественностью: ей хотѣлось, чтобы кругомъ нея были люди, чтобы всѣ видѣли и слышали Степана Онуфріевича. Но на дачѣ все это было невыполнимо. Впрочемъ, Марья Ильинична рѣшила, по переѣздѣ въ Петербургъ, устроить въ честь Степана Онуфріевича званую вечеринку.

Марьѣ Ильиничнѣ не сидѣлось болѣе въ Лыковѣ, ее тянуло въ городъ и она говорила уже по этому поводу съ мужемъ. Но кромѣ всего прочаго, Марья Ильинична торопилась съ отъѣздомъ въ Петербургъ по какимъ-то особымъ, ей одной извѣстнымъ, причинамъ, которыя, до поры до времени, она не хотѣла обнаруживать.

Иванъ Васильевичъ тоже не прочь былъ уѣхать изъ Лыкова. Ему надоѣли поѣздки въ Петербургъ и обратно и ресторанная жизнь, которую онъ вынужденъ былъ вести безъ семьи въ городѣ. Къ тому же, ночи становились темными и все чаще перепадалъ дождь. Единственно, что удерживало Ивана Васильевича въ Лыковѣ—это надежда встрѣтиться съ Анной Ивановной. За все это время онъ видѣлъ молодую женщину всего дважды и то въ компаніи: одинъ разъ съ Таней, когда онѣ торопились зачѣмъ-то домой, и онъ успѣлъ обмѣняться съ ними только рукопожатіями, а второй разъ, недѣли полторы назадъ, въ обществѣ князя, когда Иванъ Васильевичъ могъ раскланяться съ молодой женщиной только издали. Сперва Иванъ Васильевичъ не терялъ надежды, что ему удастся свидѣться съ Анной Ивановной съ глазу на глазъ, но потомъ онъ рѣшилъ, что это и неважно, такъ какъ при желаніи онъ можетъ встрѣтиться съ ней въ Петербургѣ.

Такимъ образомъ, переѣздъ Громовыхъ въ городъ былъ вопросомъ дней. Они проводили въ Лыковѣ послѣдній праздникъ, когда къ нимъ пріѣхали Степанъ Онуфріевичъ и Михаилъ Львовичъ.

Кубанцева Громовы встрѣтили шампанскимъ. Марья Ильинична, поднявъ бокалъ, сказала Кубанцеву заготовленное ею привѣтственное слово. Когда Марья Ильинична говорила, на глазахъ у ней стояли слезы и она испытывала восторженное чувство. Степанъ Онуфріевичъ въ теплыхъ выраженіяхъ поблагодарилъ Марью Ильиничну и между хозяевами и гостями завязался оживленный разговоръ.

Степанъ Онуфріевичъ разсказывалъ о своей поѣздкѣ въ N и о тѣхъ перипетіяхъ, которыя ему пришлось пережить, во время хотя и безкровныхъ, но жестокихъ битвъ съ конкурентами на депутатское кресло и объ умыслахъ администраціи, чинившей ему препятствія вездѣ и во всемъ.

— Однако, оппозиціонное настроеніе въ странѣ растетъ. Несмотря на всѣ препоны и пущенныя нашими противниками средства, партія наша несомнѣнно будетъ представлена въ Думѣ весьма солидно. Я прошелъ громаднымъ числомъ голосовъ, ну, а это что-нибудь да доказываетъ. Городъ N такой-же, какъ и остальные города въ Россіи,—промолвилъ Степанъ Онуфріевичъ, при полномъ молчаніи своихъ слушателей.

— Кстати, пока не забылъ, скажу маленькій анекдотикъ, который мнѣ пришлось услышать вчера въ редакціи. Онъ именно характеризуетъ оппозиціонное настроеніе еврейской молодежи. Можетъ быть даже болѣе того, можетъ быть даже революціонное,—улыбаясь, проговорилъ Кнутъ.

Всѣ съ любопытствомъ повернули головы въ его сторону, потому что всѣмъ было извѣстно, что Михаилъ Львовичъ всегда имѣетъ про запасъ разсказать что-нибудь особенное.

— Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ происходилъ смотръ войскамъ. Когда одному изъ солдатъ былъ заданъ вопросъ, какъ-бы онъ поступилъ, если-бы ему приказали убить вопрошавшаго, онъ отвѣтилъ—убилъ-бы себя! Когда тотъ же вопросъ былъ заданъ бѣдному, маленькому еврею, барабанщику, тотъ вдругъ закричалъ:—убить? Чѣмъ? Палками отъ барабана?

Громкій хохотъ покрылъ слова разсказчика.

— Вѣрноподданный! Воинъ! Это неподражаемо—палками!

— Ха-ха-ха!—громче всѣхъ смѣялась Марья Ильинична.

— Отбрасывая шутки въ сторону, въ народъ проникаетъ сознаніе своего достоинства, сознаніе—я человѣкъ!—погоди

промолвилъ Иванъ Васильевичъ:—Не говоря объ интеллигенціи и рабочемъ классѣ, посмотрите на крестьянство! Въ большинствѣ губерній произошли серьезнѣйшія возмущенія, и если вездѣ крестьянство требуетъ земельнаго переустройства, то оно требуетъ также свободы.—Говоря такъ, Иванъ Васильевичъ былъ глубочайшимъ образомъ въ ту минуту убѣжденъ, что крестьянство желаетъ именно той свободы, которой желаетъ онъ.

— Да, вотъ и мы были свидѣтелями,—вздохнула было Марья Ильинична, но ее живо перебилъ Михаилъ Львовичъ:

— Да, да... Скажите пожалуйста! кто бы могъ думать, что Башиловъ...

— Я всегда это думала,—промолвила Марья Ильинична.

— Но къ какой онъ партіи принадлежалъ?—продолжалъ Михаилъ Львовичъ, почему-то увѣренный, что для того, чтобы дѣлать то, что дѣлалъ Башиловъ, надо непремѣнно принадлежать къ какой-нибудь партіи.

— Онъ былъ по убѣжденіямъ чистѣйшій эсъ-декъ,—избѣгая прямого отвѣта, проговорила Марья Ильинична. Она не знала почему, но ей хотѣлось, чтобы Башилова считали принадлежащимъ именно къ партіи „эсъ-дековъ".

— А! Соціалъ-демократъ!—сочувственно повторилъ за ней Михаилъ Львовичъ:—вотъ вамъ и говори послѣ того — mens sana in corpore sano.

— Ну, если правительство послѣ всего этого предпочитаетъ оставаться слѣпымъ и глухимъ, я не знаю...—развелъ руками Иванъ Васильевичъ:—катастрофа близится! Людей, подобныхъ Башилову, идейныхъ, самоотверженныхъ борцовъ, достаточно и почва, я бы сказалъ, удобрена. Если власть не пожелаетъ уступить свое мѣсто другимъ—Иванъ Васильевичъ нарочно не сказалъ—„намъ",—ея дѣло проиграно.

— Но сколько жертвъ впереди!—воскликнула Марья Ильинична.

— Безъ жертвъ ни одна революція не обходилась,—замѣтилъ Михаилъ Львовичъ.

Иванъ Васильевичъ въ волненіи прошелся по комнатѣ. На Башилова онъ готовъ былъ смотрѣть сейчасъ тѣми же глазами, что и Марья Ильинична.

— Возможность революціонныхъ вспышекъ я не отрицаю, но возможность всенароднаго возстанія—н-н-нѣтъ!—обводя всѣхъ взглядомъ и заставляя всѣхъ замолчать, промолвилъ, покачивая головою, Степанъ Онуфріевичъ:—для революціи необходима организація, ну, а этого-то и нѣтъ! Правительство слѣдитъ зорко и разбиваетъ по частямъ. Примѣръ налицо: Башиловъ разбитъ! Съ честью, но разбитъ! Писали, что много было жертвъ?

— Ахъ! и не говорите!—вскричала Марья Ильинична: эти негодяи стрѣляли въ несчастныхъ мужиковъ, какъ въ куропатокъ. Право, я хотя и противница смертныхъ казней, но если бы мнѣ попался какой-нибудь стражникъ, или... или тотъ же господинъ Лыковъ, я не знаю, что я сдѣлала бы съ нимъ.

— Кстати, что съ нимъ? Онъ, кажется, выжилъ?—спросилъ Кубанцевъ.

— Еще бы! Они другихъ умѣютъ заставлять умирать, ну, а сами...

— Во всякомъ случаѣ, это вопіющее дѣло не останется, надо думать, безъ освѣщенія въ Государственной Думѣ. Полагаю, что правительству будетъ предъявленъ запросъ, какъ по поводу разстрѣла крестьянъ, такъ и по поводу причинъ, вызвавшихъ безпорядки. Этого князя необходимо вывести на чистую воду, — замѣтилъ Степанъ Онуфріевичъ.

— Да, борьба съ звѣздной палатой... Дерево надо рубить съ корня, а не съ вѣтвей,—промолвилъ Иванъ Васильевичъ и предложилъ затѣмъ прогуляться и посмотрѣть на бунтовавшую деревню. Всѣ охотно согласились.

— А какъ съ амнистіей?—обратилась Марья Ильинична къ Кубанцеву.

— Амнистія аграрникамъ и политическимъ—объ этомъ сейчасъ нельзя ничего сказать. Объ этомъ на-дняхъ предстоятъ у насъ совѣщанія.

— Амнистіи требуютъ всѣ, требуетъ вся страна... Не забудьте этого, Степанъ Онуфріевичъ.

— Мы объ этомъ помнимъ!

— А что съ Башиловымъ?—погодя, полюбопытствовалъ Михаилъ Львовичъ.

— Башиловъ отдѣлался легко,—улыбнулся Иванъ Васильевичъ,—сколько могли, мы ему подсобили. Тутъ, наши сосѣди—Одинцовы. Самъ Одинцовъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ шишка и ему не стоило большого труда спасти Башилова. Кромѣ того Кульневъ—помните, въ началѣ лѣта вы встрѣтились съ нимъ у меня? Старичекъ? Ну, вотъ, поднажали на него. Въ такомъ дѣлѣ надо было нажать, конечно, всѣ пружины, искать всѣ возможности... Однимъ словомъ, Башиловъ былъ арестованъ, но затѣмъ вскорѣ выпущенъ, съ обязательствомъ немедленно отсюда выѣхать. Вѣроятно, теперь онъ въ Петербургѣ.—И продолжая говорить, Иванъ Васильевичъ, вслѣдъ за остальными, вышелъ изъ дома въ садъ.

Подходя къ дачѣ Петра Карповича, Марья Ильинична забѣжала впередъ и, оглядѣвъ его садъ, остановилась у калитки. Она замѣтила старика, сидѣвшаго на одной изъ скамеекъ. Петръ Карповичъ выглядѣлъ замѣтно осунувшимся и постарѣвшимъ.

— Петръ Карповичъ! Не хотите ли прогуляться? Насъ идетъ цѣлая компанія,—крикнула Марья Ильинична, приставляя ко рту руки рупоромъ. Петръ Карповичъ удивленно посмотрѣлъ въ ея сторону и, разобравъ, наконецъ, кто съ нимъ говоритъ, отрицательно покачалъ головою. Но Марья

Ильинична не унималась. Прежде чѣмъ уйти, она должна была высказать то, что желала:

— Право же, пойдемте! Съ нами Степанъ Онуфріевичъ! Вѣдь вы знаете Степана Онуфріевича Кубанцева? Ну, члена Государственной Думы? Онъ тоже здѣсь.

Но когда Петръ Карповичъ и послѣ этого отказался, она присоединилась къ нагнавшимъ ее мужчинамъ и тотчасъ забыла о немъ.

Между тѣмъ Петръ Карповичъ, отвлеченный словами Марьи Ильиничны отъ читанной имъ книги, отложилъ ее въ сторону. Онъ съ утра собирался написать письмо племяннику и теперь опять эта мысль пришла ему въ голову. Но Петръ Карповичъ не зналъ, что отвѣтить на вопросъ Николая Николаевича, почему тотъ такъ долго не получаетъ писемъ отъ Тани. И потому перо валилось изъ рукъ Петра Карповича.

Петръ Карповичъ избѣгалъ писать о Танѣ. Онъ страшился какихъ-то несуществующихъ, какъ заставлялъ себя думать, страховъ, но въ тайникѣ души онъ сознавалъ, что между нимъ и Танею, тотчасъ послѣ отъѣзда племянника, образовалось какое-то пустое пространство, которое съ каждымъ ихъ свиданіемъ становится все больше и непонятнѣе для него. Петръ Карповичъ чувствовалъ, что Таня уходитъ отъ него, каждый день ждалъ ее, расчитывалъ о чемъ-то съ ней говорить, не думалъ, о чемъ, а когда видѣлъ ее—не зналъ, о чемъ.

Но теперь Петръ Карповичъ и не ждалъ Тани. Въ послѣдній разъ онъ видѣлъ ее мелькомъ, перебросился съ ней всего нѣсколькими фразами: а до того она отвѣтила на его просьбу за Башилова — запискою. Со слезами горечи Петръ Карповичъ читалъ эту записку и ему казалось, что кто-то другой водитъ рукой Тани, что кто-то другой пишетъ за нее. Но Петръ Карповичъ не хотѣлъ думать, что этотъ другой былъ князь Лыковъ. Онъ не хотѣлъ думать о немъ и онъ не думалъ о немъ. А смутные страхи оставались.

И все же старикъ ждалъ племянника, какъ-будто желая увѣрить себя, что съ пріѣздомъ Николая Николаевича все измѣнится и пойдетъ по старому. Но въ письмахъ своихъ къ племяннику, какъ ни былъ старикъ остороженъ, если тотъ читалъ его письма, они должны были сѣять въ немъ тревогу и опасеніе.

Оставивъ книгу въ саду, Петръ Карповичъ прошелъ въ домъ, сѣлъ за письменный столъ Николая Николаевича и взялся за перо.

„Дорогой Николенька!—писалъ онъ.

„Не за тѣмъ пишу я, чтобъ письмо мое ты читалъ. Знаю, что время твое сейчасъ, какъ никогда, занято. Но мнѣ хочется съ тобой поболтать и, водя перомъ по бумагѣ, я и взаправду думаю, что ты здѣсь близко и что слышишь меня. Ахъ, мой другъ, какъ я заждался тебя. Все одинъ, да одинъ; развѣ, когда съ Аксиньюшкой словомъ перемолвишься. Таня рѣдко балуетъ меня, старика, своими посѣщеніями. Вотъ, и ты говоришь, что рѣдко она тебѣ пишетъ. Что подѣлаешь! Молода Таня, боюсь, что очень еще молода. Впрочемъ, надо сказать, что народу у Одинцовыхъ, кажется, много; тамъ и князь; ну, много, значитъ и хлопотъ. Ну, такъ что-жъ, что князь? Право, это ничего“.

Но надъ послѣдней фразой Петръ Карповичъ задумался и двѣ предательскія слезинки выкатились у него изъ глазъ. Однако онъ тряхнулъ головою, поправилъ очки на носу и снова принялся исписывать бумагу:

„Такъ вотъ, каковы они дѣла, мой другъ! О Башиловѣ ты уже знаешь—его выпустили. Хорошо я сдѣлалъ, или нѣтъ, что за него просилъ—ума не приложу. Но мнѣ казалось, что ты-бы за него просилъ, ну и я. Однако, если онъ дѣйствительно въ чемъ-нибудь замѣшанъ—тяжкій грѣхъ принялъ онъ на себя. Ко мнѣ давеча приходили изъ деревни бабы съ дѣтками убитыхъ во время безпорядковъ мужиковъ. Душа разрывалась, на нихъ глядя. Что-то ихъ

ждетъ безъ кормильцевъ! А убитыхъ много, еще больше по тюрьмамъ разсажено. Вотъ и пойди, каковы они, люди-то! Тотъ же Башиловъ, когда приходилъ, тошно слушать его становилось. Все казалось—нѣтъ, братъ, маленькая ты птица, совсѣмъ незамѣтная, хоть и громко пищишь. Ничтоженъ ты духомъ, какъ тѣломъ, неучъ ты, пустозвонъ. Анъ, на какое дѣло людей темныхъ сумѣлъ подвигнуть! То-то вотъ и есть, что на кровь, на грабежъ, на насиліе, только нищій нравственно, только падшій человѣкъ другихъ толкать будетъ. Вотъ тебѣ и соціалистъ-революціонеръ и соціалистъ-демократъ, какъ онъ именовалъ себя! Помнишь? А вѣдь онъ не одинъ! И вѣдь ему рукоплещутъ".

Петръ Карповичъ придвинулся плотнѣй къ столу. Онъ видимо волновался.

„Тѣ же Громовы, Кубанцевы и компанія Башилова впередъ подталкиваютъ. За народъ распинаются, а Башилова впередъ подталкиваютъ. Разберись-ка въ томъ! Господинъ Кнутъ за народъ русскій распинается! Да не вѣрю я, чтобы нужды наши были ему близки и мечты понятны. Господинъ Кнутъ въ Германіи — нѣмецъ, въ Америкѣ —американецъ. Смотритъ онъ туда, гдѣ свободы ему больше; видитъ во снѣ Парижъ или Нью-Іоркъ. Въ „Новомъ Свѣтѣ" Іерусалимскіе дворяне на самые верхи взбираются. Охъ, кабы—да въ Россіи, думаютъ они, на манеръ Американскихъ Штатовъ Россійскіе Штаты учредить. Зачѣмъ Россійскіе? Долой Россійскіе! Ну ихъ, Россійскихъ, по шапкѣ! Сѣверные Европейскіе Штаты. Ну, штатовъ нельзя сейчасъ, такъ хоть приблизиться къ нимъ чуть-чуточку: равноправіе, автономію, парламентъ съ отвѣтственнымъ министерствомъ, еще чего можно. Вотъ въ этомъ и все дѣло! Власти хотятъ господа Кнуты и компанія, власти. Только потому и Башиловыхъ впередъ подталкиваютъ--знаютъ, что тѣ дорожку имъ къ власти протариваютъ. За народъ распинаются! О славѣ и благоденствіи родины пекутся! Биржевые дѣльцы,

защитники темныхъ и грязныхъ дѣлъ! Мы не разрушители, говорятъ, не революціонеры! Мы мирными путями, мы работники, мы трудящійся интеллигентный классъ! Ишь, какъ ловко въ обѣ стороны кланяются, очки втираютъ! Не то—республиканцы, не то—вѣрные слуги Царя. Не то землю замиряютъ, не то подъ тронъ подкапываются. Народъ пробуютъ за собою вести. Гдѣ-жъ имъ народъ вести, коли русскій духъ выкуренъ изъ нихъ космополитическимъ бездушіемъ? Смутить народъ могутъ, но и только. Народъ, слава Тебѣ Господи, все еще старыхъ завѣтовъ держится и знаетъ, чѣмъ была сильна и крѣпка русская земля. И впрямь, была она крѣпче и сильнѣе. Все политика, да господа политиканы. Нѣтъ, къ старому стараго человѣка тянетъ. Однако, ладно, заговорился, Господь съ тобою. Пиши мнѣ, Николенька, пару словъ иногда пиши. Когда защита-то у тебя назначена? Не усталъ-ли ты? Поберегись, Николенька. А затѣмъ, будь здоровъ и спокоенъ. Все хорошо идетъ, мой другъ; право же, все ничего себѣ идетъ. Твой дядя, Петръ Кульневъ".

XII.

Наступилъ канунъ отъѣзда Анны Ивановны и Жоржа. Весь день Одинцовы проводили въ столовой и на террасѣ, словно сговорясь послѣдніе часы пробыть вмѣстѣ, въ компаніи. Надолго затянулся завтракъ и обѣдъ. Но настроеніе у всѣхъ было бодрое.

Одна Таня вела себя въ этотъ день по особенному. Выходило такъ, будто она только теперь узнала и по настоящему поняла, что Жоржъ и Анна Ивановна уѣзжаютъ на самомъ дѣлѣ и была этому удивлена. Таня выглядѣла немножко растерянной и разсѣянной.

Когда подъ вечеръ Жоржъ принялся разсказывать еврейскіе анекдоты и всѣ кругомъ смѣялись, — Таня молчала. Когда Любовь Сергѣевна спросила князя—точно ли онъ же-

лаетъ послѣ отъѣзда Жоржа перебраться въ приготовленный ему въ имѣніи флигель — Таня не слышала отвѣта князя. Но она подняла на него глаза и смотрѣла до тѣхъ поръ, пока не замѣтила этого сама. Когда же Анна Ивановна разсказала какую-то вовсе не забавную исторію, Таня вдругъ разсмѣялась, громко и безпричинно и потомъ сразу оборвала себя.

— А какъ пусто будетъ у васъ, когда мы уѣдемъ. Перебирайтесь и вы, maman, поскорѣй въ Петербургъ,—съ недоумѣніемъ взглядывая на Таню, первой заговорила Анна Ивановна.

— И совсѣмъ не пусто... И напрасно ты думаешь, Аня, что непремѣнно нуженъ шумъ и гвалтъ и что безъ этого жить нельзя. Я, наоборотъ, рада... да, я очень, очень рада остаться, наконецъ, одна,—неожиданно вспылила Таня, какъ-будто Анна Ивановна сказала ей что-нибудь обидное. И вслѣдъ затѣмъ Таня вышла изъ столовой въ гостиную, прошла въ дальній уголъ ея и опустилась въ кресло.

Набѣгали сумерки и въ гостиной было полутемно. Таня была недовольна рѣшительно всѣми. Она теперь знала, почему она недовольна: послѣдній день, что проводятъ они всѣ вмѣстѣ въ Лыковѣ, не такой, какимъ бы онъ долженъ былъ быть. Всѣ почему-то особенно оживленны, чему-то радуются. И князь тоже! Таня съ досадой передернула плечами.

„А между тѣмъ, дѣйствительно, послѣдній день и конецъ лѣта“.

Таня облокотилась на ручку кресла и задумалась. И побѣжали передъ ней вереницей, такъ незамѣтно прошедшіе, дни. О нихъ Таня не вспоминала. Но сейчасъ она готова отдаться теченію своихъ мыслей. И закинувъ руки за голову, Таня уставилась въ одну точку...

Вотъ ей почудился звонъ набатнаго колокола. Точь-въ-точь, какъ въ тотъ вечеръ, когда она съ Анной Иванов-

ной побѣжала вслѣдъ за Жоржемъ къ воротамъ парка. Таня видитъ и себя, и Жоржа, и Анну Ивановну, и толпу перепуганныхъ дачниковъ. Всѣ смотрятъ туда, гдѣ развѣвается красное пламя. Огонь и дымъ! А вотъ и толпа, и всадникъ на неосѣдланномъ конѣ, и замокъ, то и дѣло вспыхивающій бѣлымъ, зловѣщимъ свѣтомъ. А вотъ и князь...

— Одинъ и такъ безстрашно,—шепчетъ Таня, но отрывается отъ своихъ воспоминаній, потому что черезъ гостиную проходятъ княжны и Любовь Сергѣевна. Онѣ не замѣчаютъ Тани, но ей онѣ мѣшаютъ и ей жаль и въ то же время она довольна отдѣлаться отъ мелькающихъ передъ ея глазами картинъ.

Вотъ и Жоржъ съ Анной Ивановной прошли въ свою комнату. Таня проводила ихъ недружелюбнымъ взглядомъ и вскочила на ноги. Ей вдругъ пришло на память то, что уже нѣсколько дней дразнило и забавляло ее. Но теперь это ее вовсе не забавляло, ничуть.

— Анѣ—колье! Она—сестра милосердія! Жоржу... А мнѣ? коробку конфектъ?

У Тани въ глазахъ сверкнули огоньки и она почувствовала, какъ въ ней просыпается звѣрекъ, котораго она такъ долго держала на привязи: расправляетъ свои коготки, хочетъ испытать свои силы... Таня быстро прошла въ столовую и, подойдя къ князю, проговорила громкимъ, но потомъ сорвавшимся голосомъ:

— Князь, оставьте военную службу.

— Зачѣмъ?

— Оставьте военную службу,—повторила Таня.

— Вы этого хотите?—дрогнувшимъ голосомъ переспросилъ князь и Таня не узнала его. Но она быстро отскочила и распахнула дверь террасы.

— Ха-ха-ха... я пошутила съ вами. Какъ вы не понимаете, что я только пошутила съ вами,—разсмѣялась она, сбѣгая по ступенямъ лѣстницы въ садъ.

— Татьяна Павловна, такъ шутить нельзя... Знаете ли вы, что нельзя?—услышала она за собой его сдержанный, но возмущенный голосъ.

— Боже мой! Что я сдѣлала! — всплеснувъ руками, воскликнула Таня.

— Какъ, какъ могла я это сдѣлать?—повторяла она, выходя за калитку сада.

Таня чувствовала себя принужденной и виноватой. Но она не рѣшила еще, какъ ей поступить, когда въ двухъ шагахъ отъ себя увидѣла сидѣвшаго на скамейкѣ Петра Карповича. Таня молча поздоровалась съ нимъ и сѣла рядомъ.

— Да, такъ вотъ такъ-то, одиноко, провожу свое время,— какъ удары молота раздавались въ ушахъ Тани слова Кульнева:

— Черчу квадраты и никакъ вычертить не могу. Старъ, рука дрожитъ,—говорилъ Петръ Карповичъ, палкой расчерчивая на землѣ песокъ:—что-жъ, итти домой, пожалуй, надо? Вечерѣетъ! Право, домой...

Но Таня молчала, ничего не понимая изъ того, что говоритъ старикъ. Петръ Карповичъ поднялся съ скамьи и понурясь пошелъ по аллеѣ.

XIII.

Въ этотъ вечеръ Таня болѣе не видѣла князя. Сославшись на то, что ему необходимо написать нѣсколько дѣловыхъ писемъ, князь рано ушелъ въ кабинетъ Павла Павловича. Но когда на слѣдующее утро, незадолго до отъѣзда Жоржа и Анны Ивановны, Таня спустилась внизъ, она почувствовала какую-то робость отъ предстоящей встрѣчи съ княземъ. Но все же, здороваясь, она не ожидала той перемѣны, которая произошла съ нимъ.

Наружно могло казаться, что князь остался такимъ же, какимъ онъ былъ всегда. Онъ также охотно отвѣчалъ и го-

ворилъ со всѣми. Но къ Танѣ, она это чувствовала, онъ проявлялъ какую-то ледяную сдержанность. Онъ ее совсѣмъ не замѣчалъ.

— Милый князь, не сердитесь, простите,—шептала Таня, украдкой взглядывая на него и вспоминая происшедшую наканунѣ сцену,—глупая шутка, не болѣе... Забудьте ее.

Но говоря такъ, Таня начинала понимать, что за ея шуткой скрывалось что-то другое, большее, чѣмъ шутка. И Таня ждала съ нетерпѣніемъ отъѣзда Жоржа и Анны Ивановны, желая поговорить съ княземъ.

Безъ всякаго вниманія Таня простилась съ уѣзжавшими родными, занятая своими мыслями. Но она чуть не закричала, когда тотчасъ послѣ отъѣзда Жоржа и Анны Ивановны князь поспѣшно простился съ Любовью Сергѣевной и княжнами и обмѣнялся съ ней короткимъ рукопожатіемъ. На вопросъ Любови Сергѣевны, когда князь думаетъ зайти, онъ отвѣтилъ, что передъ своимъ отъѣздомъ постарается повидать Павла Павловича.

Услышавъ это, Таня схватилась за спинку стула и принялась судорожно перебирать ее пальцами.

— Ушелъ... не сказавъ ни слова... не взглянувъ,— шептала она, оборачиваясь къ окну.

А за окномъ порывистый вѣтеръ срывалъ успѣвшую пожелтѣть въ нѣсколько дней листву деревьевъ и гналъ и кружилъ ее по дорожкамъ сада. По небу быстро бѣжали дымчатыя, осеннія облака. Нѣтъ-нѣтъ принимался накрапывать дождь, барабаня въ деревянныя стѣны дачи. Все кругомъ было такъ же уныло и казалось пусто, какъ уныло и пусто сдѣлалось на душѣ у Тани.

Весь день она оставалась грустной и задумчивой и не находила себѣ нигдѣ мѣста и никакого дѣла. Но одна мысль временами мелькала въ ея умѣ. Танѣ думалось, что она должна повидать князя во что бы-то ни стало. Она не знала, для чего это было нужно, но она изобрѣтала всякія возмож-

ности, какъ это осуществить. Что то въ прошломъ представлялось ей не бывшимъ, если она не свидится съ княземъ. А Таня такъ жаждала теперь своего прошлаго. Она такъ хотѣла покоя. И Таня была довольна, когда день, наконецъ, минулъ.

Оставшись одна и готовясь ко сну, Таня надѣялась на слѣдующій день что-то рѣшить, о чемъ сейчасъ она не въ силахъ была больше думать. Взглянувъ на свой письменный столикъ, Таня машинально взяла первый попавшійся ей на глаза предметъ. Это была карточка Николая Николаевича Кульнева. Таня приблизила ее къ глазамъ и вдругъ, вмѣсто портрета Николая Николаевича, увидѣла передъ собой, какъ живое, лицо князя. Она быстро и испуганно поставила карточку на столъ. И въ то же мгновеніе она почувствовала сердцемъ то, что отказывалась признать въ сознаніи.

— Нѣтъ... нѣтъ,—закрывая лицо руками и какъ-будто отказываясь отъ чего-то, прошептала Таня. Но потомъ силы ей измѣнили и изъ груди ея вырвались бурныя, долго сдерживаемыя, рыданія.

XIV.

Любовь Сергѣевна находилась въ безпокойствѣ. Съ той минуты, какъ домъ ея опустѣлъ, она не узнавала Тани. Тани не было совсѣмъ слышно и она избѣгала говорить съ матерью. И это болѣе всего тревожило Любовь Сергѣевну и напоминало ей то прошлое, когда Таня точно такъ-же пряталась и избѣгала ее.

Это прошлое Любовь Сергѣевна начинала забывать. Она радовалась, что возникшія между Таней и Кульневыми отношенія порвались и что произошло все это такъ незамѣтно, такъ естественно, но въ пониманіи Любови Сергѣевны—такъ неизбѣжно. Какъ-будто ничего на самомъ дѣлѣ и не было. И вдругъ, опять выплываютъ прежніе, тревожные вопросы.

Любовь Сергѣевна все еще продолжала смотрѣть на Таню почти какъ на дѣвочку, и только этимъ объясняла всѣ ея рѣзкіе и необдуманные шаги, но это не мѣшало ей опасаться самостоятельности Тани. И Любовь Сергѣевна боялась, что Таня сдѣлаетъ еще одинъ шагъ, шагъ въ прошлое и что шагъ этотъ будетъ непоправимымъ. И въ памяти Любови Сергѣевны воскресали дни ея знакомства съ Кульневыми. Эти дни представлялись ей какою-то путаницей, неразберихой.

А Таня что-то держала на умѣ, на что-то повидимому рѣшилась. И Любовь Сергѣевна безпокойно наблюдала за ней и находила все новыя и новыя причины для волненія. Вся наружность дочери ей не нравилась.

„Зачѣмъ-то одѣлась въ самое простое платье! Вся въ черномъ! Вотъ, даже и ленточку любимую выплела для чего-то изъ косы“.

И не въ силахъ будучи сдерживать долѣе чувства тревоги, она рѣшила серьезно поговорить съ дочерью.

— Таня! Что съ тобой? Скажи мнѣ,—спросила она какъ-то молодую дѣвушку.

— Что, мама?

— Какъ, что? Вѣдь я же мать! Вѣдь я же мать тебѣ, Танюша. Ну, что съ тобой? И это платье...—Но вмѣсто серьезнаго разговора, Любовь Сергѣевна замолчала и поднесла платокъ къ глазамъ.

— Ахъ, мама! Такъ надо!—только и отвѣтила матери Таня и ушла.

Пріѣхавшему въ тотъ день изъ Петербурга Павлу Павловичу Любовь Сергѣевна тотчасъ передала о своихъ заботахъ.

— Да, въ чемъ дѣло?—спросилъ Павелъ Павловичъ жену, въ самомъ дѣлѣ обратившій вниманіе на перемѣну, которая произошла съ Таней.

— Ахъ, мнѣ кажется, что Таня... вернулась къ нимъ,—едва выговаривая слова, промолвила Любовь Сергѣевна. И она

указала рукой въ сторону парка. Любовь Сергѣевна замѣтила, какъ незадолго передъ тѣмъ Таня вышла изъ калитки и свернула на дорожку къ дачѣ Кульневыхъ.

А Таня подходила въ это время къ домику Петра Карповича. Она торопилась итти, потому что ждала единственно пріѣзда изъ Петербурга отца, чтобы говорить съ нимъ окончательно. Таня не знала, какъ она будетъ говорить съ отцомъ, но она знала съ несомнѣнностью, что говорить будетъ. Сперва ей надо только повидать Петра Карповича, просто повидать и какъ можно скорѣй вернуться домой. Вообще все надо дѣлать скорѣй, потому что тянуть Таня больше не хочетъ и не можетъ. Теперь Танѣ „все“ ясно, она „все“ понимаетъ, но она не желаетъ объ „этомъ“ думать, какъ никто никогда не будетъ „этого“ знать.

Ни вчера, ни третьяго дня Таня не могла итти къ Петру Карповичу, но сейчасъ она идетъ къ нему такъ, какъ-будто бываетъ у него ежедневно. Таню ничто больше не останавливаетъ, потому что она смотритъ на все совершенно спокойнымъ и опредѣленнымъ взглядомъ.

— Здравствуйте, Аксиньюшка! Здравствуйте, Петръ Карповичъ!—проговорила Таня, входя въ прихожую Кульневыхъ.

— И что это васъ не видно вовсе, барышня? И что это вы выглядите такъ нехорошо? — забезпокоилась встрѣтившая ее старая Аксинья.

А Петръ Карповичъ и совсѣмъ не знаетъ, что ему дѣлать съ собой.

— И что тебѣ надо, старуха? Ну, что? Экая—какая ты, право! Вы не смотрите на нее, пожалуйста... покорнѣйше васъ прошу, не смотрите,—обращаясь къ Танѣ, ни съ того, ни съ сего вскипятился онъ на Аксиньюшку и пошелъ слѣдомъ за молодой дѣвушкой въ столовую. Тамъ онъ подвинулъ ей стулъ.

— Спасибо, спасибо, Петръ Карповичъ... Я вѣдь не надолго... я такъ только.

— Ну, да, понятно... я ничего... я что-же,— пробормоталъ Петръ Карповичъ и хотя онъ хотѣлъ говорить совсѣмъ о другомъ—слова застревали у него въ горлѣ.

— Чайку, чайку не хотите ли? Помните, какъ тогда? Какъ прежде... Эй, Аксинья! Опять запропастилась, а? Вотъ, пойдите же, какая упрямая баба!

— А письма вы получаете часто? Да?—Не слушая того, что говоритъ Петръ Карповичъ, неожиданно спросила Таня.

— Письма? Ахъ, да... отъ Николеньки? Да, часто... Впрочемъ, онъ сильно занятъ. Ну, да и писать мнѣ трудно... отвѣчать, то-есть. Старъ совсѣмъ... Пишу... пишутъ ему рѣдко.

— Да, я пишу мало,—задумываясь и какъ-бы совсѣмъ не замѣчая того, гдѣ и съ кѣмъ она находится, проговорила Таня.

— А пріѣдетъ онъ скоро?

— Должно быть, что скоро. Какъ же не скоро? Жду-съ!

— Ахъ, а я какъ жду!—вздохнула Таня и повела вокругъ себя взглядомъ. И показались Танѣ комнатки Петра Карповича такими-же сѣренькими и печальными, какъ все было сѣро и печально кругомъ нея. Петръ Карповичъ быстро взглянулъ на Таню, хотѣлъ что-то сказать, но слова окончательно отказались его слушать.

— Ну, вотъ я и пойду... до свиданія, Петръ Карповичъ!— опять совсѣмъ неожиданно для старика вымолвила Таня.

Петръ Карповичъ засуетился, помогъ Танѣ одѣться, вышелъ за ней на крыльцо и, какъ былъ, безъ шляпы, довелъ ее до самой калитки.

— Спасибо... утѣшили... утѣшили,—говорилъ онъ для чего-то, прощаясь съ молодой дѣвушкой.

— Я скоро пріиду, Петръ Карповичъ. Я теперь...—но Таня не кончила своей мысли и пошла къ дому.

Она вовсе не замѣтила, какъ при входѣ въ садъ столкнулась съ Иваномъ Васильевичемъ Громовымъ.

— А я къ вамъ, если позволите? Я только на минуту,—проговорилъ Громовъ, пропуская впередъ Таню.

— Да, да... Вы вѣрно къ мамѣ?

— Ннн-ѣтъ! Мнѣ все равно... я только спросить хотѣлъ...

— Да, да,—прервала его Таня:—я сейчасъ вызову маму. Пожалуйста.—И войдя въ домъ, она оставила Ивана Васильевича въ гостиной, а сама прошла въ кабинетъ Павла Павловича, гдѣ думала застать мать.

Иванъ Васильевичъ остановился посреди комнаты. Прежде чѣмъ итти къ Одинцовымъ, онъ не мало колебался. Онъ хорошо помнилъ свой визитъ къ нимъ лѣтомъ и пріемъ, который былъ ему оказанъ. Но хотя Иванъ Васильевичъ это помнилъ, онъ рѣшилъ итти, потому что на слѣдующій день переѣзжалъ съ семьей въ Петербургъ и подъ этимъ предлогомъ хотѣлъ узнать, не угодно-ли будетъ Одинцовымъ передать черезъ него какихъ-либо порученій Аннѣ Ивановнѣ. Иванъ Васильевичъ искалъ возможность встрѣчи съ молодой женщиной, объ отъѣздѣ которой зналъ. Но Ивану Васильевичу пришлось ждать хозяйку дома довольно долго.

Павелъ Павловичъ, услышавъ отъ Тани о приходѣ Громова, нахмурился:

— Однако! Довольно настойчивый господинъ! Кажется, ему было дано понять, что знакомство съ ними... Хм... какъ же, однако, быть? Весьма настойчивый господинъ! Пойди ты,—обратился онъ къ женѣ:—узнай, что ему надо. Я не выйду.

Любовь Сергѣевна, не торопясь, направилась въ гостиную. При взглядѣ на нее, Иванъ Васильевичъ сразу же пожалѣлъ о своемъ приходѣ. Любовь Сергѣевна выглядѣла обиженной и удивленной. Она не предложила даже сѣсть гостю.

— Порученій?—пожимая плечами, переспросила Громова Любовь Сергѣевна, услышавъ отъ него цѣль прихода:—рѣшительно никакихъ порученій... рѣшительно никакихъ.

— Въ такомъ случаѣ, разумѣется... но я счелъ себя обязаннымъ,—промолвилъ Иванъ Васильевичъ, откланиваясь послѣ своего непродолжительнаго визита. Любовь Сергѣевна тотчасъ отпустила его.

А въ это время Таня оставалась въ кабинетѣ у Павла Павловича. Но желаніе, которое давеча было у неи говорить съ отцомъ, прошло. То, что казалось такимъ неотложнымъ, представлялось теперь, какъ возможность будущаго. Ничего, кромѣ безцѣльности и пустоты, Таня не испытывала. Она не обернулась, когда Любовь Сергѣевна возвратилась изъ гостиной.

— Ну, что, ушелъ?—спросилъ жену Павелъ Павловичъ.

— Ушелъ! А вотъ, тебѣ принесли письмо отъ князя. Ждутъ отвѣта,—промолвила Любовь Сергѣевна, протягивая мужу конвертъ. Таня удивленно посмотрѣла на мать и подошла къ отцу.

— Ну, что?

— Что?—не понялъ дочери Павелъ Павловичъ.

— Нѣтъ, ничего!—вздохнула Таня.

Павелъ Павловичъ разорвалъ конвертъ. Въ письмѣ своемъ князь просилъ всѣхъ Одинцовыхъ не отказать пожаловать, передъ его отъѣздомъ изъ Лыкова, къ нему на обѣдъ, въ воскресенье.

— Всѣхъ... всѣхъ,—беззвучно прошептала Таня и молча пошла изъ комнаты.

XV.

По переѣздѣ въ Петербургъ, отправивъ Марью Ильиничну съ дѣтьми на квартиру и распорядившись отсылкою багажа, Иванъ Васильевичъ прямо съ вокзала проѣхалъ въ банкъ. Такъ какъ въ банкѣ занятія уже кончались и никакихъ дѣлъ, требовавшихъ присутствія Ивана Васильевича, не имѣлось, онъ только что вздумалъ уходить, когда ему

доложили о вызовѣ его къ телефону. Оказалось, что повѣренный, которому Иванъ Васильевичъ поручилъ вести волновавшее его дѣло, просилъ назначить, по возможности въ ближайшій срокъ, время для дѣлового и интереснаго для Ивана Васильевича свиданія.

— Новости-то вы собираетесь хорошія мнѣ сообщить?— полюбопытствовалъ Громовъ. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ на минуту задумался. Звать повѣреннаго на квартиру, гдѣ неизбѣжно долженъ былъ быть безпорядокъ, связанный съ возвращеніемъ семьи съ дачи, Иванъ Васильевичъ не хотѣлъ и, послѣ короткаго размышленія, предложилъ своему собесѣднику пріѣхать въ одинъ изъ ресторановъ, помѣщающихся на Невскомъ проспектѣ.

Черезъ полчаса Иванъ Васильевичъ сидѣлъ въ ресторанѣ, за отдѣльнымъ столикомъ, въ обществѣ юркаго и по виду смышленнаго еврейчика, одѣтаго во фракъ не первой свѣжести и не по мѣркѣ сшитый, съ двумя значками на груди: справа — университетскимъ, слѣва — присвоеннымъ имѣющимъ званіе присяжнаго повѣреннаго. Такъ какъ Иванъ Васильевичъ былъ голоденъ, онъ заказалъ обѣдъ и предложилъ обѣдъ своему собесѣднику. Затѣмъ онъ весь превратился въ слухъ.

Тогда повѣренный сообщилъ Ивану Васильевичу о слѣдующаго рода измышленной имъ комбинаціи: въ виду того, что должникъ Ивана Васильевича вернуть денегъ въ срокъ не можетъ и проситъ о полугодовой отсрочкѣ, въ отсрочкѣ этой ему отказать. Но вмѣсто того, чтобы взыскивать деньги по суду, съ рискомъ, что ко времени продажи имущества неаккуратнаго плательщика съ торговъ тотъ можетъ оказаться при деньгахъ и, такимъ образомъ, кромѣ потери времени, Иванъ Васильевичъ ничего не получитъ, повѣренный предлагалъ сдѣлку болѣе соблазнительную. Именно, онъ сообщилъ Ивану Васильевичу, что, съ надеждою на успѣхъ, онъ уговариваетъ должника,—а должникомъ Ивана Василье-

вича былъ старенькій, отставной статскій генералъ—покончить дѣло миромъ, обмѣнявшись своимъ имуществомъ съ имуществомъ Ивана Васильевича.

— Ну, и что же?—задерживая передъ ртомъ рюмку водки, воскликнулъ заинтересованный неожиданнымъ концомъ Громовъ.

— Я надѣюсь убѣдить его въ выгодности этой мѣны.

— И вы думаете, что что-нибудь выйдетъ?

— Не сомнѣваюсь, если вы откажете ему въ просимой отсрочкѣ. Предварительно онъ желаетъ только повидаться съ вами. Имѣйте въ виду, что до суда онъ дѣла доводить не хочетъ, а я судомъ-то его и попугиваю... огласка, вотъ оно что.

— Что-жъ, повидаться можно. Какъ-нибудь на дняхъ это мы устроимъ. Во всякомъ случаѣ, желаю вамъ успѣха.

— Такъ что вы благословляете и я могу продолжать дѣло въ этомъ направленіи?—пріятно осклабился повѣренный.

— Конечно,—улыбнулся Иванъ Васильевичъ и приказалъ лакею подать бутылку вина.

Хитроумный планъ шустраго еврейчика представлялся Ивану Васильевичу все болѣе заманчивымъ Громовъ помнилъ домъ этого стараго отставного генерала. Его домъ находился въ центральной части города и, будучи угловымъ, выходилъ на двѣ улицы, занимая значительную площадь земли. Домъ этотъ былъ больше дома, принадлежавшаго Ивану Васильевичу, раза въ три. Но Ивана Васильевича занимала эта комбинація еще болѣе потому, что онъ выпилъ за обѣдомъ три рюмки водки и у него начинала кружиться голова и все передъ нимъ окрашивалось въ мягкіе, ласкающіе цвѣта. Когда же, послѣ обѣда, Иванъ Васильевичъ выпилъ одинъ за другимъ два стакана вина, онъ и совсѣмъ пришелъ въ розовое настроеніе духа.

— Ну, и прекрасно... слѣдовательно, дѣйствуйте во всю,—еще разъ подбодрилъ своего повѣреннаго Громовъ и, уплативъ по счету, вышелъ съ нимъ изъ ресторана.

— Вамъ куда, направо или налѣво? — спросилъ онъ своего собесѣдника, останавливаясь у подъѣзда. Болѣе Иванъ Васильевичъ не имѣлъ въ немъ нужды и хотѣлъ отъ него отдѣлаться.

— Мнѣ направо.

— Ну, а мнѣ—налѣво! Итакъ—до свиданья! Смотрите же, держитесь,—промолвилъ Иванъ Васильевичъ и, обмѣнявшись рукопожатіемъ, свернулъ въ сторону.

Пройдя нѣсколько домовъ, Иванъ Васильевичъ замедлилъ шагъ и на лицѣ его заиграла улыбка.

„Чортъ возьми! Ха-ха-ха... Вотъ было-бы славно! Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, что если бы сейчасъ Анна Ивановна, а?“ внезапно мелькнула у него мысль:

„Маленькая, прелестная Анечка! Я ее, кажется, такъ звалъ тогда? Тогда! Анечка! Мы давно съ ней не видѣлись! Чертовски давно! Но, какъ? Да, какъ? Того и гляди прозѣваешь! Ну, а зѣвать нечего. Глупо зѣвать! Ни въ чемъ никогда не надо зѣвать. Въ этомъ секретъ всякаго успѣха. Вотъ, хотя-бы теперь съ домомъ... Здѣсь какъ-будто можно деньги сдѣлать...

Однако, онъ не глупый малый! Удивительно талантливая нація! Насквозь все видятъ. Ну, да ладно! Это успѣется! Разсуждать о дѣлахъ, когда въ головѣ немножко того! Я бишь о чемъ? Да, Анна Ивановна“. Но Иванъ Васильевичъ не успѣлъ продолжить своихъ размышленій, такъ какъ, къ своей радости и удивленію, увидѣлъ Анну Ивановну ѣдущей по противоположной сторонѣ улицы на извозчикѣ.

Въ первую минуту, отъ неожиданности, Иванъ Васильевичъ остолбенѣлъ. Потомъ онъ вздумалъ бѣгомъ нагнать Анну Ивановну, но въ концѣ концовъ нанялъ извозчика и, не теряя изъ виду бѣлой шляпы Одинцовой, погналъ своего возницу вслѣдъ за ней. Ѣхать Ивану Васильевичу пришлось недолго, такъ какъ Анна Ивановна остановилась у Гостинаго Двора.

„Ну, понятно—дамскій рай“,—улыбнулся Громовъ и, сунувъ извозчику какую-то мелочь, соскочилъ съ дрожекъ и вбѣжалъ въ галлерею. У ближайшаго магазина онъ увидѣлъ стоявшую, оборотясь къ нему, Одинцову.

— Анна Ивановна! Какъ я счастливъ, какъ я радъ,— воскликнулъ онъ, протягивая руку.

Пришедшая въ первою минуту въ нѣкоторое замѣшательство, молодая женщина быстро избавилась отъ своего смущенія.

— Я не понимаю васъ,—проговорила она, насупливая брови.

— Но я лишенъ былъ возможности столько времени видѣть васъ, говорить съ вами...

— Вы адресуетесь ко мнѣ, очевидно, по ошибкѣ. Впрочемъ, кажется, я дѣйствительно съ вами встрѣчалась... въ Лыковѣ?

— Ну, да, да... конечно же, въ Лыковѣ,—не понимая, то ли онъ слышитъ, что говорятъ, промолвилъ Иванъ Васильевичъ.

— Господинъ Громовъ!—поднимая голову и глядя на него въ упоръ своими ясными, голубыми глазами, проговорила Одинцова:—я думаю, вамъ должно быть ясно, что дачное, мимолетное знакомство.. что оно ровно ничего не доказываетъ и вообще... ни къ чему не обязываетъ, ни меня, ни васъ. Да, именно случайное, дачное знакомство. И потому нѣтъ ничего удивительнаго, что я не узнала васъ и совершенно позабыла о васъ. Простите, мнѣ некогда.—И чуть-чуть кивнувъ головой, Анна Ивановна пошла прочь.

Иванъ Васильевичъ продолжалъ стоять, сознавая всю глупость положенія, въ которое онъ попалъ. Онъ видѣлъ, какъ къ Аннѣ Ивановнѣ подошла такая-же, какъ она, молодая, кокетливая женщина и, поцѣловавшись съ ней, весело о чемъ-то защебетала. Иванъ Васильевичъ не зналъ, что это была Зиночка Муравлина и что вслѣдъ затѣмъ

обѣ подруги подошли къ стоявшему по близости автомобилю, въ которомъ сидѣлъ, поджидая ихъ, малолѣтній племянникъ Зиночки Муравлиной, съ которымъ онѣ и умчались куда-то изъ Гостинаго Двора.

„Чортъ возьми!—заговорилъ вслухъ Иванъ Васильевичъ, чувствуя, что у него проступаютъ на глазахъ слезы обиды и злобы:—случайное знакомство, а! Это у меня-то съ ней случайное дачное знакомство, послѣ того, что... У-у!—сжалъ Громовъ кулаки и неизвѣстно почему подумалъ:

„Это все они... все она, бѣлая, такъ называемая, кость! Это у ней нѣтъ ничего святого, ничего вѣрнаго“... И быстрыми шагами онъ направился къ дому.

Однако, Ивану Васильевичу пришлось долго звонить у дверей квартиры, прежде чѣмъ его впустили.

— Что-жъ это за гадость такая! Битый часъ звоню... гдѣ Матрена?—съ сердцемъ выговорилъ Громовъ, снимавшей съ него пальто кухаркѣ.

— А Матрена только что вышла... на чердакъ, что ли, побѣжала, - выгораживая ушедшую по какимъ-то своимъ дѣламъ горничную, отвѣтила кухарка.

— Знаю я эти чердаки! Ну, а барыня гдѣ?

— Барыня ушли давно. Сразу, какъ пріѣхали, кофе выпили и ушли.

„Хм... Великолѣпно! Въ квартирѣ кавардакъ... дѣти одни... прислуги нѣтъ. Нечего сказать!“—Иванъ Васильевичъ направился въ дѣтскую, откуда доносился плачъ.

Тамъ, передъ высокимъ столомъ, кружился, громко распѣвая пѣсни, пятилѣтній Шурка, а на самомъ краю стола, обхвативъ рученками колѣни ногъ, неистово плакала двухлѣтняя Вѣрочка. Она была посажена туда послѣ упорной борьбы своимъ старшимъ братомъ.

— Благодарю покорно! долго-ли изувѣчиться!—промолвилъ Иванъ Васильевичъ, беря дочь на руки и стараясь ее успокоить. Но Вѣрочка не унималась и сквозь слезы

жаловалась на что-то отцу, на какомъ-то своемъ тарабарскомъ языкѣ, котораго онъ рѣшительно не понималъ.

Между тѣмъ Вѣрочка хотѣла передать отцу, что Шурка ее дразнитъ, показываетъ ей страшныя гримасы и языкъ и поминутно дергаетъ ее за тощіе, рыженькіе волосенки. Хотѣла еще Вѣрочка сказать, что Шурка ее часто дразнитъ, а нянька часто оставляетъ ее одну, но ничего этого объяснить она не могла, потому что въ тарабарскомъ языкѣ ея не хватало для этого словъ.

— Ну, полно, успокойся... Экая—какая ты рева! Смотри, лошадки по улицѣ бѣгутъ,—занималъ Иванъ Васильевичъ дочь, подходя съ нею къ окну. Но Иванъ Васильевичъ былъ очень радъ, когда вернулась, наконецъ, Матрена и онъ смогъ передать ей плачущаго ребенка.

— И куда это васъ нелегкая носитъ! Барыни нѣтъ... Вѣдь нельзя же дѣтей бросать,—прикрикнулъ Иванъ Васильевичъ на прислугу и прошелъ въ кабинетъ.

Но и тутъ онъ не нашелъ покоя. Посрединѣ комнаты стоялъ на половину опорожненный, какой-то, никогда не виданный имъ, сундукъ съ платьемъ, мебель была сдвинута со своихъ мѣстъ, на письменномъ столѣ валялись вороха газетной бумаги и веревокъ, а за дверью, въ гостиной, слышался топотъ и разговоръ дворниковъ, опорожнивавшихъ ящики съ кухонной и столовой посудой.

„Вѣдь найдутъ же, негодники, мѣсто, гдѣ весь этотъ шумъ и безпорядокъ производить. Ужъ казалось бы, ящикъ—тащи его въ кухню, сундукъ—тащи въ спальню... Нѣтъ! у нихъ на все свои дворницкія понятія! Такъ называемая низшая братія!“ разсуждалъ Иванъ Васильевичъ, чувствуя какъ розовое настроеніе успѣло перейти у него въ сѣренькое, а пріятный туманъ въ головѣ замѣнился постукиваніями тяжелыхъ молоточковъ въ вискахъ.

„Нѣтъ! передъ обѣдомъ водки больше рюмки никакъ пить нельзя... По крайней мѣрѣ, мѣшать вино съ водкой нельзя. Да, скверно все, очень скверно“...

Слѣдующая мысль Ивана Васильевича должна была вернуть его къ воспоминаніямъ о встрѣчѣ съ Анной Ивановной, но онъ, словно предчувствуя ее, постарался занять себя другими вопросами.

„Вотъ, относительно дома! Было бы весьма недурно“...— Но и о домѣ Ивану Васильевичу не хотѣлось думать.

Онъ вышелъ въ столовую и въ ту же минуту изъ другихъ дверей туда вошла, вернувшаяся домой, Марья Ильинична.

— А, Ванечка, ты дома?—радостно воскликнула Марья Ильинична и, подойдя къ мужу, положила ему руки на плечи:—Можешь меня поздравить! Наконецъ-то, наконецъ, давнишняя мечта моя исполнилась... Я получаю высшее образованіе!

— Фу-у!—вздохнулъ Иванъ Васильевичъ, смотря на жену, какъ на какое-то привидѣніе.

— Да, да, высшее образованіе... Я хотѣла сдѣлать тебѣ сюрпризъ и послала въ Университетъ прошеніе еще изъ Лыкова. Сегодня я была у ректора. Поздравь меня, я принята въ число вольнослушательницъ.

Но Ивану Васильевичу вовсе не хотѣлось поздравлять жену и вообще онъ не находилъ ничего ни остроумнаго, ни благоразумнаго въ ея поступкѣ. Мало того, будучи не въ духѣ, онъ не прочь былъ сказать ей что-нибудь колкое, напримѣръ, спросить ее, думаетъ ли она продолжать изученіе французской революціи или считаетъ, что изучила ее достаточно, но отъ всего этого Иванъ Васильевичъ воздержался.

— Что жъ, дѣло хорошее... Трудно только окончить,— промолвилъ онъ, лѣниво потягиваясь.

— Вотъ это-то и пріятно, это-то и хорошо, что трудно,— живо перебила его Марья Ильинична:—ахъ, я такъ счастлива, такъ довольна... Какъ пріятно стать на равную ногу съ мужчинами! Пора женщинѣ заявить о своихъ правахъ, доказать, что и она человѣкъ, что и ей близки тѣ же стремленія.

Ивану Васильевичу становилось не въ мочь слушать восторги жены. Но Марья Ильинична, не догадываясь объ этомъ, продолжала:

— Знаешь, Ванечка,—въ понедѣльникъ созывается въ Университетѣ первая студенческая сходка. Ну, конечно, явочнымъ порядкомъ. Студенчество хочетъ реагировать на текущую дѣйствительность и вынести за что-то порицаніе правительству.

— Ну, это ужъ ни къ чему,—не выдержалъ Иванъ Васильевичъ.

— Какъ, ни къ чему? Ты ли это говоришь, Ваня? Когда ты былъ студентомъ...—но Марья Ильинична, опечалившись, замолчала, увидя что мужъ, не слушая ее, пошелъ изъ комнаты. Однако, вслѣдъ затѣмъ, Марья Ильинична его окликнула, потому что вспомнила, что швейцаръ передалъ ей, что Ивана Васильевича вызываютъ къ телефону.

— Опять къ телефону,—поморщился Громовъ, направляясь въ прихожую.

— Кто это тебя, Ваня?—полюбопытствовала Марья Ильинична, когда Иванъ Васильевичъ вернулся.

— Да вотъ, опять предвыборное собраніе,—зѣвая, отвѣтилъ онъ.

— Какая партія созываетъ собраніе?

Иванъ Васильевичъ назвалъ.

— Ну, ужъ и партія!—надула губы Марья Ильинична:— но ты все же поѣдешь?

— Прійдется,—вздохнулъ Иванъ Васильевичъ и пошелъ переодѣться въ сюртукъ.

Ѣхать въ другую часть города Громову вовсе не хотѣлось, но онъ тѣмъ не менѣе, не мѣшкая, собрался и черезъ полчаса вышелъ изъ дома.

Въ собраніе Иванъ Васильевичъ вошелъ, когда съ трибуны говорилъ какой-то ораторъ враждебной ему партіи. Залъ былъ наполненъ избирателями, внимательно слуша-

вшими произносимую рѣчь. Разсмотрѣвъ сидѣвшихъ въ первыхъ рядахъ зала Степана Онуфріевича Кубанцева и еще двухъ-трехъ вліятельныхъ партійныхъ дѣятелей, Иванъ Васильевичъ прошелъ къ нимъ. Оказалось, что Кубанцевъ свою рѣчь успѣлъ уже сказать до прихода Громова.

— Мы имѣемъ на васъ виды,—обратился къ Громову сосѣдъ Кубанцева, одинъ изъ главныхъ вожаковъ партіи:— нашихъ что-то мало. Не скажете ли вы двухъ-трехъ словъ? Жаль, что васъ не было при рѣчи предыдущаго оратора; онъ говорилъ по крестьянскому вопросу. Надо выяснить нашу точку зрѣнія.

И онъ передалъ Ивану Васильевичу то, о чемъ надлежало сказать. Ивану Васильевичу было лестно данное ему впервые порученіе говорить отъ имени партіи и онъ поспѣшилъ согласиться, хотя и побаивался, сумѣетъ ли достаточно полно освѣтить взглядъ партіи на крестьянскій вопросъ.

Но Иванъ Васильевичъ волновался напрасно, потому что когда очередь говорить дошла до него, онъ хотя сказалъ мало по существу вопроса, но зато бойко, достаточно остроумно, главное же, колко и обидно для противниковъ.

Началъ Иванъ Васильевичъ свою рѣчь издалека. Онъ выяснилъ прежде всего мѣсто крестьянства среди остальныхъ сословій, права, которыми оно должно обладать, и безправіе, въ которомъ оно находится. Затѣмъ Иванъ Васильевичъ указалъ избирателямъ на необходимость для нихъ прежде всего разобраться, кто истинные друзья народа и кто враги его. Потомъ только онъ перешелъ къ заданной ему темѣ и упомянулъ о мѣропріятіяхъ правительства, направленныхъ къ урегулированію крестьянскаго вопроса. Ловкими сопоставленіями и довольно искусно подобранными фактами, Иванъ Васильевичъ доказалъ весь вредъ этихъ мѣропріятій. И тѣмъ, кому было несовсѣмъ ясно, кого

Иванъ Васильевичъ называетъ врагами, стало это теперь очевидно. Кончилъ свою рѣчь Иванъ Васильевичъ указаніемъ на то, что управлять страной могутъ лишь люди, которые не потеряли способности отличать бѣлое отъ чернаго и закона отъ произвола.

Когда Иванъ Васильевичъ сошелъ съ трибуны, его проводили шумными апплодисментами. И Иванъ Васильевичъ поднялъ послѣ того голову выше и почувствовалъ, какъ по всему тѣлу его разливается пріятная теплота. Иванъ Васильевичъ сразу позабылъ о своихъ дневныхъ неудачахъ и понялъ, что первымъ своимъ публичнымъ выступленіемъ отъ имени партіи онъ сдѣлалъ большой шагъ впередъ.

И надо же было такъ случиться, что среди публики, слушавшей Ивана Васильевича, былъ тотъ самый старичекъ, его должникъ, которому повѣренный Громова совѣтовалъ обмѣняться домами, увѣряя его въ выгодѣ этой сдѣлки. Старичекъ этотъ, какъ многіе старички въ отставкѣ, былъ настроенъ противъ правительства, отчасти потому, что считалъ себя неоцѣненнымъ и обойденнымъ по службѣ. Рѣчь Ивана Васильевича, непріятная и конфузная, по мнѣнію старичка, для правительства, была ему по сердцу и ему казалось, что такой человѣкъ, какъ Иванъ Васильевичъ Громовъ, ничего кромѣ хорошаго для другихъ людей дѣлать не станетъ, потому что справедливость для него превыше всего. А потому старичекъ тутъ же порѣшилъ, повидавшись съ Иваномъ Васильевичемъ, пойти на всѣ тѣ условія, которыя тотъ ему предложитъ.

Между тѣмъ, вслѣдъ за Громовымъ трибуну собранія начали занимать одинъ за другимъ ораторы разныхъ партій. Всѣ они говорили объ одномъ и томъ же, но на разные лады. Всѣ они говорили о друзьяхъ и врагахъ, о своей безмѣрной любви къ родинѣ, о ея славѣ и могуществѣ. Но въ то время какъ одни увѣряли, что для славы и могущества надо возсоздать флотъ и поставить на еще большую

высоту армію, другіе доказывали, что ни флота, ни арміи вовсе ненадобно. Но въ чемъ всѣ сходились,—это въ утвержденіи, будто именно они знаютъ что-то такое, благодаря чему, если ихъ выберутъ депутатами въ Государственную Думу, вся земля сдѣлается счастливою, всѣ окажутся въ прибылѣ и никто въ убыткѣ.

Но Иванъ Васильевичъ, сказавъ свою рѣчь, болѣе никого не слушалъ. Онъ все еще находился подъ впечатлѣніемъ выпавшаго на его долю успѣха.

— А мы кое-что затѣваемъ,—толкнулъ Ивана Васильевича въ локоть, сидѣвшій съ нимъ рядомъ, Кубанцевъ:— хотимъ какъ-нибудь сегодняшній день завершить. Вѣдь это же послѣднее передъ выборами собраніе и надо чѣмъ-нибудь ознаменовать нашъ успѣхъ.

Иванъ Васильевичъ насторожился, потому что онъ понялъ, что Кубанцевъ говоритъ не только отъ своего лица и помнилъ, что рядомъ съ Кубанцевымъ сидятъ два вліятельныхъ вождя партіи.

— Хотимъ проѣхать въ Акваріумъ... ну, поужинать, что ли, въ компаніи,—продолжалъ Кубанцевъ.

— И тамъ есть на что посмотрѣть,—вмѣшался въ разговоръ сосѣдъ его:—выступаетъ какая-то американка, какая-то принцесса брилліантовъ... Говорятъ, головокружительно хороша собой.

— Хо-хо-хо,—ехиднымъ смѣшкомъ встрѣтилъ слова говорившаго Кубанцевъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, не мѣшаетъ немного встряхнуться.

Вскорѣ за тѣмъ собраніе избирателей закончилось и всѣ съ шумомъ начали выходить изъ зала. Иванъ Васильевичъ, съ Кубанцевымъ и его пріятелями, выйдя изъ собранія, взяли автомобиль и поѣхали скоротать ночь въ Акваріумъ.

XVI.

Въ воскресенье, въ шесть часовъ вечера Одинцовы были заняты послѣдними приготовленіями къ отъѣзду на обѣдъ къ князю. У калитки сада ихъ ждали заказанные извозчики, такъ какъ на дворѣ была распутица, да и разстояніе отъ дачи до княжескаго флигеля было велико для Любови Сергѣевны и княженъ.

Въ прихожей вокругъ Одинцовыхъ суетились горничная и лакей, когда послѣдней изъ своей комнаты вышла Таня. Павелъ Павловичъ, при видѣ дочери, самодовольно улыбнулся. Онъ не раздѣлялъ какихъ-то возникшихъ у Любови Сергѣевны опасеній относительно Тани или, правильнѣе сказать, онъ забывалъ объ этихъ опасеніяхъ, не придавая имъ особенно серьезнаго значенія. И теперь Павелъ Павловичъ не замѣчалъ ни блѣдности лица молодой дѣвушки, ни грустнаго и какого-то покорнаго выраженія ея глазъ, а видѣлъ только, что она, какъ никогда еще, обворожительно хороша собой.

Таня была одѣта въ бирюзоваго цвѣта платье и имѣла на головѣ высокую прическу. И цвѣтъ платья и фасонъ прически были тѣ, которые, по словамъ князя, особенно шли къ ней. Выйдя въ прихожую, Таня въ послѣдній разъ охорошилась передъ зеркаломъ. Но спокойствіе, съ которымъ Таня готовилась къ отъѣзду, было искусственно. Въ послѣднюю минуту, передъ тѣмъ, какъ выйти изъ своей комнаты, Таня залпомъ выпила стаканъ воды, чтобы утишить подымавшееся въ ней волненіе.

Едва Одинцовы вышли изъ дома, какъ къ калиткѣ ихъ сада подъѣхала парная коляска, присланная за ними княземъ, единственно уцѣлѣвшая послѣ пожара и безпорядковъ.

— Ахъ, князь! Мы были увѣрены въ немъ! Это замѣчательный, это необыкновенный человѣкъ,— заговорили въ одинъ

голосъ княжны, занимая въ коляскѣ мѣста напротивъ Любови Сергѣевны.

Минутъ черезъ двадцать, коляска въѣхала за ограду княжескаго сада, а затѣмъ остановилась у крыльца бѣлаго домика, затянутаго пожелтѣвшимъ теперь плющемъ. Князь ждалъ гостей на крыльцѣ. Пять минутъ тому назадъ онъ удивлялъ своего стараго камердинера никогда невиданной тѣмъ торопливостью своихъ движеній, но теперь онъ былъ спокойнымъ, какъ всегда. Поздоровавшись со всѣми, князь послѣдней помогъ выйти Танѣ. Ей казалось, что князь не смотритъ на нее, но она сама не поднимала на него глазъ и только протянула ему холодную, какъ ледъ, руку.

Когда Одинцовы, поснимавъ пальто, вошли въ первую комнату, служившую пріемной, князь обратился къ нимъ съ извиненіемъ, что не можетъ встрѣтить ихъ такъ, какъ бы онъ желалъ. Потомъ онъ вступилъ въ бѣглый разговоръ съ Любовью Сергѣевной и княжнами. Но никто не замѣчалъ, какъ онъ нѣсколько разъ останавливалъ мимолетный, но внимательный взглядъ на Танѣ. Она стояла въ сторонѣ, не принимая участія въ завязавшейся бесѣдѣ.

Вскорѣ на порогѣ сосѣдней комнаты появился дворецкій князя и доложилъ о поданномъ обѣдѣ. По приглашенію князя всѣ заняли по своему выбору мѣста за столомъ. Князю приходилось сѣсть рядомъ съ Таней, но неожиданно онъ предложилъ Павлу Павловичу перемѣниться мѣстами. Князь сказалъ, что онъ хочетъ быть рядомъ съ Любовью Сергѣевной, чтобы хоть одинъ разъ поухаживать за ней такъ, какъ все время она ухаживала за нимъ.

Но иначе поняла желаніе князя Таня и сердце ея сжалось. И среди общаго разговора и начавшагося шума, Таня оставалась молчаливой и сосредоточенной. Она едва прикасалась къ подаваемымъ на столъ кушаньямъ, но она часто дѣлала маленькіе и поспѣшные глотки лимонада, который попросила налить въ стаканъ.

Раздвоено было чувство въ душѣ Тани. Она испытывала мучительную и въ то же время сладостную пытку. Она ждала конца обѣда и хотѣла, чтобъ обѣдъ продолжался какъ можно дольше. Таня знала, что это свиданіе ея съ княземъ можетъ быть послѣднимъ, но она не допускала возможности, чтобы оно дѣйствительно было такимъ. Но чѣмъ чаще у Тани мелькали ея мысли и чѣмъ ниже опускалась ея головка, тѣмъ оживленнѣе и разговорчивѣе становился князь.

Вначалѣ встрѣтившій Одинцовыхъ съ нѣкоторою сдержанностью, теперь онъ говорилъ съ той милой короткостью и откровенностью, которая такъ привлекала къ нему вниманіе слушателей. Выбранное имъ мѣсто за столомъ, приходившееся наискось отъ Тани, было удобно, чтобы ее видѣть.

Сперва князь говорилъ только со старшими, но къ концу обѣда онъ то и дѣло началъ обращаться съ вопросами къ Танѣ. Она отвѣчала ему, то блѣднѣя въ лицѣ, то вспыхивая яркимъ румянцемъ. Князь какъ-будто добивался, чтобы Таня посмотрѣла на него, но она старательно, словно боясь выдать себя, отводила взглядъ въ сторону. Самоувѣренности, бравости въ Танѣ не было и слѣда. Вопросы князя ее смущали, оживленіе его отзывалось въ ней болью.

Но если во время обѣда Танѣ казалось, что обѣдъ тянется безконечно долго, то она удивленно осмотрѣлась, когда кругомъ задвигали стульями. Всѣ вставали изъ-за стола. Прерывисто вздохнувъ, Таня поднялась послѣднею.

Когда она пошла слѣдомъ за остальными изъ комнаты, она замѣтила, что князь продолжаетъ стоять у дверей. Она не видѣла, съ какой улыбкой онъ смотритъ на нее. И подходя къ князю, сама не ожидая, что она скажетъ сейчасъ, потупившись, Таня вдругъ проговорила:

— Вотъ и конецъ... Вы, кажется, уѣзжаете? Ну, и я... я хотѣла, чтобы вы не сердились на меня... Однимъ словомъ, чтобы вы.—Таня умолкла и подняла на князя глаза. И тотчасъ она испугалась своего взгляда, а въ слѣдующее

мгновеніе всѣмъ своимъ существомъ поняла и почувствовала, что все это ничто, что все, рѣшительно все бывшее — ничто, по сравненію съ тѣмъ, что вотъ-вотъ должно произойти.

Но весь испугъ Тани прошелъ, когда князь взялъ ее за руку и, осторожно отведя на два шага въ сторону, тихимъ и спокойнымъ голосомъ проговорилъ:

— Таня! Вѣдь мы же любимъ другъ друга, не правда ли? И Таня прочла въ его глазахъ, ослѣпившее ее, яркое, сіяющее счастье.

Въ эту минуту въ дверь комнаты просунулась голова Любови Сергѣевны. Но Любовь Сергѣевна тотчасъ отшатнулась и, ухватясь руками за грудь, срывающимся шопотомъ обратилась къ Павлу Павловичу и сестрамъ:

— Тише... тсс...—И на ципочкахъ она отошла въ другой конецъ комнаты.

Когда, вслѣдъ затѣмъ, изъ столовой вышли Таня и князь, по лицу дочери Любовь Сергѣевна убѣдилась, что взглядъ ее не обманулъ, что закравшееся къ ней неожиданно подозрѣніе оправдалось и что между княземъ и Таней произошло объясненіе. Любовь Сергѣевна тотчасъ начала торопить всѣхъ домой. Она понимала, что оставаться у князя долѣе становится неудобнымъ.

Прощаясь съ Павломъ Павловичемъ, князь просилъ принять его завтра днемъ по важному и неотложному дѣлу.

XVII.

Ночи становились прохладными, и въ домѣ Одинцовыхъ начинала ощущаться сырость. Въ кабинетѣ Павла Павловича въ каминѣ трещали дрова, то вспыхивая желтымъ пламенемъ и ярко освѣщая полутемную комнату, то заволакиваясь дымомъ, тухли и шипѣли.

Павелъ Павловичъ въ волненіи ходилъ вдоль и поперекъ комнаты, поминутно останавливаясь и внимательно слушая

то, что говорила, сидѣвшая въ креслѣ, кутаясь въ шерстяной платокъ, Любовь Сергѣевна. Когда Любовь Сергѣевна умолкала, Павелъ Павловичъ еще и еще разъ заставлялъ ее повторять одно и то же. Подозрѣніямъ жены Павелъ Павловичъ начиналъ вѣрить. Но подозрѣнія эти казались ему такъ грандіозны, такъ неосуществимы, что онъ искалъ всѣ возможности, чтобы вѣру свою оправдать и перейти къ увѣренности.

— Да, поразительно, по-ра-зи-тель-но!—задумываясь, проговорилъ Павелъ Павловичъ: — кто могъ думать и расчитывать! И никто, никогда, ни въ чемъ, не замѣчалъ его намѣренія. Но то, что ты видѣла, и потомъ... желаніе его говорить со мной завтра по какому-то важному и неотложному дѣлу... По какому же? Да, все это становится похоже на правду. — И Павелъ Повловичъ еще быстрѣе заходилъ по комнатѣ.

— А Таня, ты говоришь, молчитъ? Не высказывается?

— Ну, да, молчитъ. И пусть, и пусть, потому что ей надо успокоиться и прійти въ себя.

— Успокоиться! хм... Но вѣдь не будетъ же она волновать себя по какимъ нибудь пустякамъ, изъ-за какихъ-то бывшихъ тамъ недоразумѣній, ошибокъ? Кульневы! Je pense que cela ne peut être la cause — какъ ты думаешь?

— Sans doute! но въ ея положеніи нельзя не помучиться, не поволноваться, — чуть не въ первый разъ въ жизни, съ сердцемъ выговорила мужу Любовь Сергѣевна; но затѣмъ она мечтательно вздохнула:

— Ахъ, Paul! ты никогда, никогда не зналъ женскаго сердца.

Павелъ Павловичъ передернулъ плечами:

„Кто ее знаетъ, можетъ быть она и права“, — подумалъ онъ и опять вернулся къ тѣмъ подробностямъ, которыя Любовь Сергѣевна могла ему сообщить изъ своихъ наблюденій надъ княземъ и Танею. И въ то время, какъ Любовь Сер-

гѣевна говорила, передъ Павломъ Павловичемъ все шире и шире развертывалась соблазнительная картина предстоящихъ возможностей, отъ которыхъ его начинала прохватывать нервная дрожь.

Долго сидѣли въ этотъ вечеръ Одинцовы въ кабинетѣ, пока, наконецъ, разошлись по своимъ комнатамъ. Но и тамъ они не ложились спать. И всю ночь, чуть не до самаго разсвѣта, Любовь Сергѣевна слышала надъ головой, въ комнатѣ Тани, ея шаги. Но Любовь Сергѣевна не шла къ дочери, потому что, зная ее, понимала, что Таню надо оставить теперь саму съ собой.

Проснулся Павелъ Павловичъ такъ же неожиданно, какъ онъ неожиданно для себя заснулъ. Изъ столовой послышался бой часовъ, и Павелъ Павловичъ сосчиталъ одиннадцать ударовъ. Тогда онъ быстро вскочилъ съ кровати и принялся одѣваться. И по мѣрѣ того, какъ сонъ уходилъ отъ Павла Павловича, въ немъ начинало просыпаться давешнее его волненіе.

Выйдя въ столовую и никого не заставъ, Павелъ Павловичъ отхлебнулъ изъ стакана нѣсколько глотковъ простывшаго чая и поспѣшно направился въ комнату Любови Сергѣевны. Оставаться одинъ Павелъ Павловичъ рѣшительно не могъ, ему нуженъ былъ собесѣдникъ, кто-нибудь, кто бы могъ раздѣлить съ нимъ пытку ожиданія. Но ждать Павлу Павловичу пришлось недолго, потому что ровно въ двѣнадцать часовъ ему доложили о приходѣ князя.

У Павла Павловича екнуло въ сердцѣ, и онъ поспѣшилъ въ гостиную. За нимъ слѣдомъ вышла и Любовь Сергѣевна. Но въ противоположность растерянному виду мужа, Любовь Сергѣевна выглядѣла торжественно. Однако Одинцовы видимо не знали, какъ имъ держать себя на этотъ разъ съ княземъ. Но они какъ-будто боялись дать возможность заговорить князю первому. И Павелъ Павловичъ поспѣшилъ завести разговоръ о какихъ-то совершеннѣйшихъ мелочахъ.

Сейчасъ Павелъ Павловичъ боялся больше всего той самой минуты, которой онъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидалъ. Онъ хотѣлъ по возможности отдалить эту минуту. Наконецъ, Павелъ Павловичъ сдѣлалъ незамѣтный жестъ женѣ, чтобы она вышла. И тогда онъ замолчалъ. Но въ то же мгновеніе Павлу Павловичу показалось, что онъ выдаетъ себя князю въ чемъ-то съ головою, и наступившая тишина начала ощущаться въ немъ мученіемъ.

Между тѣмъ князь выждалъ всего нѣсколько секундъ и затѣмъ высказалъ свое признаніе.

— Я люблю вашу дочь, Павелъ Павловичъ, и жду вашего и Любови Сергѣевны согласія.

Точно каменная глыба свалилась съ плечъ Павла Павловича. Онъ весь побагровѣлъ, но вмѣсто простыхъ и сердечныхъ словъ, которыми онъ хотѣлъ отвѣтить, онъ вытянулся въ креслѣ и надуто проговорилъ:

— Благодарю, князь, за честь... Съ моей стороны — конечно... Но я долженъ знать взглядъ на этотъ предметъ самой Тани. Вы разрѣшите мнѣ передать ей о вашемъ лестномъ для нея... для насъ всѣхъ предложеніи?

Князь какъ-будто хотѣлъ сказать, что ему извѣстенъ взглядъ Тани, но, поднявшись, онъ молча поклонился, предоставляя Павлу Павловичу выдержать вдругъ нашедшій на него тонъ до конца. И Павелъ Павловичъ, не спѣша, пошелъ изъ комнаты.

Но когда онъ подымался наверхъ по лѣстницѣ, онъ едва владѣлъ собой. Таню Павелъ Павловичъ засталъ въ видимомъ нетерпѣніи. Онъ подошелъ къ ней, поцѣловалъ ее въ лобъ и взялъ за руку.

— Таня, только-что князь сдѣлалъ тебѣ черезъ меня предложеніе. Честь, которую онъ... — Но Павелъ Павловичъ замолчалъ, потому что ему только теперь пришло въ голову, какъ глупо все то, что онъ говоритъ.

„Но чего же она молчитъ?“—подумалъ Павелъ Павловичъ.

— Чего же ты молчишь, Таня?—И тутъ онъ вспомнилъ разговоръ, бывшій у него наканунѣ съ Любовью Сергѣевной, и замѣтилъ облачко на лицѣ Тани.

— Mais cela ne peut être la cause, — повторилъ онъ давешнія свои слова, привлекая къ себѣ молодую дѣвушку:— Относительно всего остального ты можешь быть совершенно спокойна, потому что я говорилъ уже съ кѣмъ слѣдуетъ и предупредилъ о чемъ нужно.

— Ты говорилъ? Съ Петромъ Карповичемъ, да, папа?— оживая, спросила Таня.

— Да, да, именно съ нимъ и получилъ полное его одобреніе.

— Боже мой,—прошептала Таня, склоняясь головкой на грудь отца.

И Павелъ Павловичъ умилился душою и, кто знаетъ, быть можетъ впервые онъ поднесъ платокъ къ своимъ глазамъ. Но Павелъ Павловичъ полагалъ, что онъ выполнилъ въ жизни какое-то большое и святое дѣло.

Черезъ четверть часа во всемъ домѣ было извѣстно, что Таня — невѣста князя.

Княжны, поздравивъ Таню и князя, тотчасъ ушли къ себѣ въ комнату, такъ какъ онѣ рѣшили, что молодыхъ людей надо оставить наединѣ. Но въ комнатѣ у себя онѣ долго говорили, и почему-то шопотомъ, на темы, близко подходившія къ случаю. Онѣ вспоминали о какихъ-то своихъ давнихъ ожиданіяхъ, о какомъ-то баронѣ Клотъ, который былъ замѣчателенъ своими изящными манерами и еще чѣмъ-то, и о князѣ Уверскомъ, который былъ очень молодъ, но безумно отваженъ и въ котораго всѣ, рѣшительно всѣ, безумно влюблялись. И баронъ Клотъ и князь Уверскій казались имъ такъ похожими на князя Лыкова. И еще онѣ вспоминали о самихъ себѣ и имъ представлялось, но объ этомъ онѣ не признавались даже другъ другу, что онѣ сами были очень похожи на Таню, и прошлое казалось имъ вчерашнимъ днемъ.

А въ это время Павелъ Павловичъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ кабинетѣ. До слуха Павла Павловича доходили порой голоса Тани и князя. И тогда Павелъ Павловичъ откидывался на спинку кресла и его разбирала трепетная истома. Но онъ торопился брать себя въ руки и заставлялъ дѣлать то, что было первѣйшею въ эту минуту необходимостью.

Павелъ Павловичъ составлялъ письмо Петру Карповичу Кульневу. Онъ послалъ его тотчасъ, какъ только успѣлъ кончить. Въ письмѣ своемъ Павелъ Павловичъ указалъ Петру Карповичу на молодость Тани и на молодость племянника Петра Карповича и на возможность и простительность съ ихъ стороны ошибокъ и заблужденій. Потомъ онъ упомянулъ объ обязанностяхъ родителей и лицъ, ихъ замѣняющихъ, по отношенію къ дѣтямъ, и о томъ, что счастье дѣтей должно быть превыше всего. Въ виду этого онъ просилъ „глубокоуважаемаго Петра Карповича считать инцидентъ“—Павелъ Павловичъ такъ именно и писалъ—инцидентъ, „происшедшій между Танею и Николаемъ Николаевичемъ, какъ бы небывшимъ и молодого человѣка совершенно свободнымъ въ своихъ поступкахъ“. Въ постскриптумѣ Павелъ Павловичъ добавлялъ, что почитаетъ обязательнымъ для себя, одновременно съ симъ, письменно же довести до свѣдѣнія Николая Николаевича о принятомъ Танею безповоротномъ и окончательномъ рѣшеніи.

XVIII.

Петръ Карповичъ садился завтракать, когда въ комнату вошла старая Аксинья и передала ему принесенное отъ Одинцовыхъ письмо.

„Это еще что“?—подумалъ Петръ Карповичъ, надѣвая на носъ очки и распечатывая конвертъ. Но письмо вывалилось изъ рукъ старика, прежде чѣмъ онъ его дочиталъ.

— Какъ?—пропіепталъ Петръ Карповичъ, чувствуя что на лбу проступаетъ холодный потъ и глядя передъ собой въ одну точку:—отказъ? Николенькѣ? Моему Николенькѣ отказъ?—Петръ Карповичъ поднялся со стула, прошелъ для чего-то въ свою комнату, повертѣлся въ ней и опять вернулся въ столовую. Силы его оставляли, но онъ сознавалъ, что долженъ что-то дѣлать и дѣлать тотчасъ, не медля.

„Николенькѣ отказъ! Да какъ же это такъ? Да кто же далъ имъ на это право? Да какъ же смѣютъ они?“—заметался онъ въ своихъ мысляхъ и, поднявъ съ пола письмо, остановился на постскриптумѣ Павла Павловича.

„Сообщить хочетъ Николенькѣ о принятомъ безповоротномъ и окончательномъ рѣшеніи! Сообщить хочетъ! Н-н-нѣтъ, не будетъ этого... не позволю этого... не дамъ... этого я не дамъ“.

И подойдя къ дверямъ кухни, Петръ Карповичъ вздумалъ кликнуть Аксинью, но, вмѣсто того, позвалъ ее чуть не шопотомъ.

Войдя въ комнату, Аксинья остановилась въ недоумѣніи. Такимъ растеряннымъ и старымъ она не видѣла Петра Карповича никогда.

— Владычица Пресвятая! Что жъ это?—всплеснула она руками.

— Собирайся, Аксиньюшка! живо... скорѣй,—съ трудомъ выговаривая слова, промолвилъ Петръ Карповичъ.

— Да, что ты, батюшка! Да, какъ же такъ? Да, куда же мы?—не переставала изумляться Аксиньюшка. Но высказавъ свои слова, Петръ Карповичъ нашелъ какъ-будто въ нихъ нужное ему рѣшеніе:

— Въ Петербургъ... слышишь ли? Самъ, самъ хочу ему сказать, а имъ не дамъ... убивать не дамъ.

Аксиньюшка совсѣмъ не знала, какъ ей смотрѣть на Петра Карповича. И вдругъ она на него прикрикнула:

— Что-й-то вы, Петръ Карповичъ, неладное говорите. Какъ же это такъ собираться? Какъ хозяйство-то справить? Тутъ и грибы намаринованы, и огурцы насолены, варенье наварено, пастила...

Но Петръ Карповичъ не слышалъ того, что говорила старушка, а понималъ только, что она перечитъ ему. И твердый въ своемъ рѣшеніи, вдругъ почувствовавъ въ себѣ силы, Петръ Карповичъ закричалъ:—Вонъ отсюда! Вонъ сію минуту же! Чтобы духа нашего здѣсь не пахло... вонъ!

И онъ побѣжалъ опять въ свою комнату, порылся для чего-то въ комодѣ, потомъ открылъ ящикъ письменнаго стола и, вынувъ изъ него бумажникъ, поспѣшилъ въ прихожую. Тамъ онъ приказалъ подать себѣ пальто, опять сказалъ Аксиньѣ собираться къ немедленному отъѣзду и въ послѣдній разъ вышелъ на крыльцо Лыковскаго домика.

Торопливой походкой Петръ Карповичъ направился черезъ паркъ и у воротъ парка нанялъ случайнаго извозчика на станцію. Петръ Карповичъ зналъ, что ему дѣлать, зналъ, какъ ему поступать. Рѣшимость его было твердая и оставалась съ нимъ всю дорогу до Петербурга.

Но когда Петръ Карповичъ взялъ извозчика въ Петербургѣ и затрясся по булыжной мостовой, рѣшимость его какъ-то разомъ и неожиданно заколебалась. И когда Петръ Карповичъ подъѣзжалъ къ своему дому, онъ чувствовалъ себя униженнымъ и оскорбленнымъ, и выглядѣлъ жалкимъ и безпомощнымъ старикомъ.

XIX.

Въ этотъ день съ утра въ петербургскомъ университетѣ „явочнымъ порядкомъ“ происходила студенческая сходка. Часть студенческихъ политическихъ организацій, въ расклеенныхъ по всему университету воззваніяхъ, приглашала товарищей выполнить свой гражданскій долгъ передъ стра-

ной и не уклоняться отъ обсужденія подлежавшихъ разсмотрѣнію сходки вопросовъ; другая часть, въ своихъ объявленіяхъ, напоминала, что университетъ есть храмъ, что, почитая и уважая науку, нельзя вмѣшивать университетъ въ суету политики и предлагала единомышленникамъ воспрепятствовать возможности устройства запрещеннаго собранія. Такимъ образомъ, хотя и съ разными цѣлями, враждующія партіи приглашали студенчество на сходку. И сходка состоялась, и была многолюдною. Актовый залъ университета былъ биткомъ набитъ студентами и много сотенъ ихъ осталось за дверьми зала и наполнило длинный коридоръ шумною и возбужденною толпой. Но кромѣ студентовъ, въ этой толпѣ можно было различить и женщинъ-вольнослушательницъ и просто любопытныхъ, понабравшихся съ улицы.

Тѣ изъ собравшихся, кто толпились въ коридорѣ, не знали того, что дѣлается въ залѣ, а тѣ, кто находились въ залѣ, не слышали того, о чемъ говорятъ выступающіе ораторы—враждующія партіи говорить другъ другу не давали. Слышны были только отдѣльныя восклицанія, отдѣльные выкрики, тонувшіе въ безпрерывномъ, то стихавшемъ, то раскатывавшемся, подобно грому, шумѣ. Порой шумъ этотъ покрывался пронзительнымъ свистомъ, или трескомъ разрываемыхъ хлопушекъ, или ревомъ негодующихъ голосовъ. Но къ четыремъ часамъ дня, первый вопросъ, обсуждавшійся сходкою, послѣ того, какъ содержаніе его сдѣлалось извѣстно черезъ посредство передаваемыхъ изъ рукъ въ руки листковъ, былъ принятъ апплодисментами и криками „просимъ“, заглушившими свистъ и трескъ хлопушекъ несочувствовавшаго рѣшенію вопроса меньшинства.

Вопросъ этотъ заключался въ обсужденіи политики правительства въ Польшѣ и въ Финляндіи, а резолюціей его, какъ протестъ противъ дѣйствій правительства, было постановленіе о двухнедѣльной студенческой забастовкѣ. Слѣ-

дующіе вопросы, подлежавшіе разсмотрѣнію сходки, состояли въ предложеніи вынести порицаніе внѣшней политикѣ Россіи за поддержку, оказываемую деспотическому правительству Персидскаго Шаха, и требованіе отставки Министра Народнаго Просвѣщенія, за попытки его ограничить автономныя права Высшей Школы. Въ виду, однако же, того, что главный интересъ заключался въ проведеніи забастовки, часть собравшихся, узнавъ состоявшееся рѣшеніе, покинула сходку, а нѣсколько образовавшихся группъ направились по аудиторіямъ, съ цѣлью довести до свѣдѣнія тѣхъ немногихъ профессоровъ, которые читали лекціи своимъ немногочисленнымъ постояннымъ слушателямъ, постановленіе сходки о прекращеніи учебныхъ занятій. Одна изъ такихъ группъ прошла въ университетскую библіотеку.

Тамъ находилось всего трое студентовъ да Николай Николаевичъ Кульневъ, обмѣнивавшіе у библіотекаря книги. На заявленное вошедшими сообщеніе о томъ, что, въ виду забастовки, библіотека должна быть закрыта, Николай Николаевичъ съ недоумѣніемъ повернулъ къ нимъ голову. Ему сдѣлалось стыдно за этихъ людей, одѣтыхъ въ студенческую форму и требовавшихъ прекращенія занятій. Но потомъ онъ торопливо перевязалъ бечевкою переданныя ему библіотекаремъ книги и вышелъ въ коридоръ, намѣреваясь пройти по какому-то дѣлу къ декану факультета. Но чѣмъ ближе подвигался Николай Николаевичъ къ срединѣ коридора, тѣмъ труднѣй становилось ему итти. Плотная толпа жалась къ актовому залу, гдѣ рѣшались важные государственные вопросы.

Николай Николаевичъ съ трудомъ различалъ, что было въ нѣсколькихъ шагахъ впереди него. Въ воздухѣ стояли пыль и облака табачнаго дыма; пахло человѣческимъ потомъ и табакомъ; на полу валялись окурки папиросъ, корки отъ апельсиновъ, обложки конфектъ, шелуха подсолнечнаго сѣмени, всякій мусоръ; все было заплевано и загажено. Ни-

колаю Николаевичу становилось трудно дышать, а въ душѣ его накипало чувство возмущенія. Ему хотѣлось закричать на шумѣвшую и гоготавшую толпу, остановить ее. Но онъ понималъ всю безцѣльность и невозможность этого. И онъ былъ радъ, когда дошелъ, наконецъ, до лѣстницы въ нижній этажъ. Онъ не хотѣлъ долѣе оставаться въ университетѣ, а желалъ поскорѣй выбраться изъ него.

Спускаясь по лѣстницѣ, Николай Николаевичъ неожиданно услышалъ окрикъ. Онъ остановился и увидѣлъ передъ собой Марью Ильиничну Громову и Башилова.

— Кульневъ! Это вы? Здраствуйте, — быстро заговорила Марья Ильнична:—Вы со сходки? Ну, а мы бѣжимъ изъ столовой... Слышали ли вы рѣчь товарища Абрама? Говорятъ, прекрасная и сильная была рѣчь и именно она рѣшила вопросъ о забастовкѣ. Однако, намъ некогда. Сейчасъ должна дойти очередь до Башилова. Идемте, Башиловъ, сейчасъ ваша очередь говорить. — И сильно встряхнувъ руку Кульнева, Марья Ильинична побѣжала наверхъ.

— Что очередь! При чемъ очередь? Нужны дѣла, а не слова,—сплевывая въ сторону, промолвилъ Башиловъ, поспѣшая за своей спутницей.

— Боже мой! Что они дѣлаютъ, — промолвилъ Николай Николаевичъ и, быстро пройдя въ швейцарскую, одѣлся и вышелъ на улицу. Тамъ, вокругъ университета, ходили и разъѣзжали команды пѣшихъ и конныхъ городовыхъ.

Николаю Николаевичу было невыносимо тяжело. Но напрасно онъ пытался отвлечь свою мысль отъ того, что видѣлъ. Оскорбленное чувство требовало какого-нибудь исхода. „Все политика, да господа политиканы“ — вспомнилъ онъ фразу изъ недавно полученнаго имъ отъ Петра Карповича письма: „Да, можетъ быть дѣйствительно все политика и политиканы“, — думалъ онъ: „можетъ быть именно они, поставивъ передъ собой обманчивую цѣль, убѣждаютъ вѣрить въ нее другихъ и затемняютъ смыслъ жизни. Манятъ ихъ

ложные призраки, которымъ они думаютъ, что служатъ, а на дѣлѣ — чему они служатъ? Чего достигаютъ они своей проповѣдью? Гдѣ конецъ ихъ стремленій? Въ чемъ? В ответственномъ министерствѣ, какъ пишетъ дядюшка? I сѣверныхъ европейскихъ штатахъ? Дальше что? Каково дальше дѣло и мѣсто Громова и Башилова и ихъ присныхъ? Или это все—и благо, и слава, и честь тому, кто протянетъ свою руку поддержать колеблющееся въ рукахъ Громова и Башилова знамя?"

Николай Николаевичъ прошелъ два квартала и машинально остановился у витрины одного изъ магазиновъ. Онъ часто останавливался у нея, возвращаясь изъ университета домой. Но теперь онъ долго безучастно смотрѣлъ передъ собой, пока случайно взглядъ его не остановился на одной изъ выставленныхъ за зеркальнымъ стекломъ магазина золотой бездѣлушкѣ, которую онъ давно намѣтилъ для покупки. Но, пока что, Николай Николаевичъ откладывалъ всѣ свои желанія, потому что прежде всего хотѣлъ избавиться отъ лежавшихъ на немъ заботъ. Сперва онъ хотѣлъ защитить свою диссертацію, что вотъ-вотъ должно было быть на-дняхъ, а затѣмъ уже приступить къ выполненію всѣхъ остальныхъ рѣшеній. И тогда, онъ думалъ зайти въ этотъ магазинъ и купить эту самую, привлекавшую его вниманіе, бездѣлушку и отвезти ее въ Лыково. Но, вспомнивъ о Лыковѣ, Николай Николаевичъ опять вспомнилъ о полученномъ имъ отъ Петра Карповича письмѣ. „Молода Таня, боюсь, что очень еще молода".—„Ну, да, дядюшка, это-то и хорошо, это-то и прекрасно, что она молода",—подумалъ онъ почти вслухъ и пошелъ своею дорогой. Его потянуло сейчасъ съ особенной силой въ Лыково, въ общество добраго старика, его дядюшки, въ скромную и мирную обстановку дачи, гдѣ впервые проснулось въ немъ чувство любви къ нѣжному и чистому существу.

Ясно и отчетливо переживалъ Николай Николаевичъ въ

своихъ воспоминаніяхъ всѣ мельчайшія подробности того недолгаго времени, которое ему довелось провести вмѣстѣ съ Таней. Днемъ занятый работой, по вечерамъ онъ весь уходилъ въ свои мечтанія. И прошлое казалось ему мимолетнымъ и чудеснымъ сномъ. Сколько могъ, онъ торопился со своей работой и трепетно ожидалъ ея окончанія. Но съ каждымъ днемъ Николай Николаевичъ становился все нервнѣе и нетерпѣливѣе. Въ послѣднихъ письмахъ Петра Карповича онъ улавливалъ какія-то тревожныя, предостерегающія нотки. И въ душу его невольно закрадывалось то заглохшее было чувство, съ которымъ онъ уѣзжалъ изъ Лыкова – чувство сознанія, что онъ оставилъ за собой что-то невыясненное и недодѣланное. Особенно безпокойно онъ относился къ тому, что Петръ Карповичъ не отвѣчалъ, почему Таня пишетъ ему такъ мало и такъ рѣдко. Николай Николаевичъ подыскивалъ всякія объясненія и причины, но на одной изъ нихъ онъ не останавливался: онъ не думалъ о князѣ, о которомъ ему сообщали въ своихъ письмахъ и Таня и Петръ Карповичъ. Всякую мысль о князѣ онъ отгонялъ, какъ будто предчувствуя, что если онъ остановится на ней, она разростется въ нелѣпыя, безобразныя и безразсудныя формы.

Сегодня Николай Николаевичъ ожидалъ письмо. Взглянувъ на часы, онъ прибавилъ шагъ. Дойдя до середины одной изъ линій Васильевскаго острова, онъ вошелъ въ подъѣздъ огромнаго, каменнаго дома. Поднявшись по лѣстницѣ во второй этажъ, онъ остановился въ недоумѣніи. Дверь квартиры была пріоткрыта. Однако, вспомнивъ, что кромѣ того ключа отъ двери, который онъ постоянно носилъ при себѣ, другой ключъ находится у прислуживавшаго ему швейцара, Николай Николаевичъ вошелъ въ прихожую, подалъ голосъ и, не получая отвѣта, прошелъ въ первую комнату.

— Дядюшка! Вы? Здѣсь? — воскликнулъ онъ, бросаясь навстрѣчу медленно шедшему къ нему Петру Карповичу.

Но затѣмъ, замѣтивъ убитый видъ неестественно улыбавшагося старика, онъ остановился.

— Ничего... Николенька... мальчикъ мой, милый... ничего,—лепеталъ Петръ Карповичъ.

Но всматриваясь въ него, Николай Николаевичъ безъ словъ, безъ разспросовъ, понялъ все.

— Ушла... отняли,—простоналъ онъ, безсильно опускаясь на стулъ.

— Отняли... Николенька,—побѣлѣвшими губами отвѣтилъ Петръ Карповичъ.

XX.

Къ вечеру морозъ покрѣпчалъ, погода прояснилась и улицы, одѣтыя бѣлымъ снѣгомъ, выглядѣли весело и оживленно. На набережной Невы, между Троицкимъ и Николаевскимъ мостами, толпилось много гуляющей публики, смотрѣвшей на темную воду рѣки, еще не замерзшей, спорившей съ наступающими зимними холодами. По улицѣ взадъ и впередъ носились рысистые „собственники", слышался сердитый окрикъ кучеровъ, да предупреждающіе гудки автомобилей. Большинство домовъ на набережной были освѣщены, но среди нихъ выдѣлялся блиставшій огнями роскошный особнякъ князя Лыкова. У подъѣзда его несли дежурство нѣсколько полицейскихъ чиновъ, да стоялъ, въ нетерпѣливомъ ожиданіи, исполинскаго роста швейцаръ.

Внутри особняка, въ парадныхъ комнатахъ князя, не открывавшихся по мѣсяцамъ, шли послѣднія приготовленія къ пріему князя и его молодой жены. Нѣсколько десятковъ лакеевъ съ озабоченными лицами толпились въ гостиныхъ, въ огромномъ, залитомъ свѣтомъ тысячи скрытыхъ подъ потолкомъ электрическихъ лампочекъ, залѣ и въ буфетной комнатѣ, гдѣ старый дворецкій отдавалъ имъ нужныя приказанія. Но вотъ по комнатамъ на разные лады забили

и заиграли часы и куранты, лишній разъ напомнившіе, что время близко. Почти вслѣдъ за тѣмъ послышался предупреждающій сигнальный звонокъ и всѣ эти десятки лакеевъ словно куда-то исчезли и только кое-гдѣ, нѣкоторые изъ нихъ остались на заранѣе назначенныхъ имъ мѣстахъ. И озабоченныя лица ихъ измѣнились, сдѣлались строгими и безстрастными, а фигуры ихъ казались не живыми тѣлами, а каменными изваяніями. Одинъ только дворецкій торопливой походкой дошелъ до первой пріемной, выглянулъ въ дверь и, затаивъ дыханіе, неслышно, бѣгомъ бросился обратно къ своему дѣлу.

По выложенной коврами, украшенной тропическими растеніями лѣстницѣ, ведя подъ руку Таню, медленно подымался князь. Онъ былъ нѣсколько блѣденъ, но голову держалъ высоко и, казалось, ничто не ускользало отъ его проницательнаго взгляда. Но подъ наружной холодностью князя въ глазахъ его просвѣчивало чувство полной и глубокой радости. Князь часто поворачивалъ голову къ Танѣ и каждый разъ взглядъ его встрѣчалъ ея взглядъ и каждый разъ Таня читала въ немъ то, чѣмъ была полна сама—любовь.

Таня была прекрасна, была царственно хороша собой. Одѣтая въ богатое, шелковое, открытое, подвѣнечное платье, вышитое золотой мишурой, обнажавшее ея высокую бѣлоснѣжную шею, вся залитая брилліантами, съ бѣлыми цвѣтами въ волосахъ и на груди, Таня шла, ничего вокругъ себя не замѣчая. Легкій румянецъ волненія игралъ на ея лицѣ, а глаза лихорадочно блестѣли, не останавливаясь ни на чемъ, а перебѣгая съ предмета на предметъ.

Таня была утомлена отъ пережитыхъ впечатлѣній, отъ торжественной службы въ церкви, гдѣ она въ первый разъ при другихъ поцѣловалась съ княземъ, отъ блеска, который окружалъ ее, отъ сотенъ улыбавшихся ей и казавшихся ей такими же, какъ она, счастливыми лицъ, такъ не похожихъ и такъ въ то же время похожихъ одно на другое,

такъ близкихъ ей и такъ ей неинтересныхъ и далекихъ. Таня хотѣла остаться, наконецъ, вдвоемъ съ княземъ, съ трепетнымъ волненіемъ ждала этой минуты, но чувствовала, что еще нельзя, что это еще впереди и что сейчасъ она должна исполнять такую интересную и такую утомительную, ненужную и важную церемонію.

— Устала?—мягко обратился къ ней князь.

— Нѣтъ, что же... я еще могу,—какимъ-то виноватымъ и восторженнымъ голосомъ отвѣтила Таня и на секунду пріостановилась—замѣшкавшійся почему-то при входѣ на лѣстницу шаферъ, бравый красавецъ кавалергардъ, слегка оттянулъ длиный шлейфъ ея тяжелаго платья, который держалъ переброшеннымъ черезъ руку.

— Ради Бога!—умоляюще воскликнулъ онъ, когда Таня повернула къ нему свою головку.

Амфиладою комнатъ князь прошелъ съ Таней прямо въ залъ и остановился посреди его. Когда Таня шла, она не замѣчала сказочно богатой обстановки комнатъ, въ которыя вступила теперь впервые, и принадлежавшей теперь ей, ни даже каменныхъ фигуръ лакеевъ, низко и покорно склонявшихъ передъ ней головы, когда она проходила мимо нихъ. Но когда Таня остановилась въ отливавшемъ золотомъ, отъ находившихся въ немъ предметовъ, залѣ, она вопросительно взглянула на князя. Она хотѣла спросить его, что должна она еще дѣлать, когда вспомнила, что сейчасъ предстоитъ пріемъ поздравленій. Сдержавъ свой вопросъ, Таня попыталась услышать, о чемъ говоритъ ея мужъ съ своимъ товарищемъ, ликующе смотрѣвшимъ на него и на нее, шаферомъ. Но она ничего не слышала, потому что опять глаза ея начали разбѣгаться и смотрѣть на начавшихъ появляться въ дверяхъ залы мужчинъ и женщинъ. Сперва она различала ихъ лица, но потомъ опять все слилось и перемѣшалось у ней, какъ въ какомъ-то разнообразномъ и разноцвѣтномъ калейдоскопѣ.

Въ двери зала вливались все новыя и новыя волны людей, а у противоположныхъ дверей выстраивались безмолвныя фигуры лакеевъ, съ золотыми и серебряными подносами въ рукахъ, заставленными бокалами съ шампанскимъ. Къ подъѣзду княжескаго особняка безостановочно подъѣзжали коляски и автомобили. Черезъ полчаса ихъ нельзя было считать десятками, пожалуй, трудно было считать сотнями.

Шумная и блестящая толпа заполнила парадныя комнаты дома. Здѣсь была вся петербургская знать, высшіе сановники государства, министры, офицерство самыхъ богатыхъ гвардейскихъ полковъ. Всѣ, кто зналъ князя и получилъ отъ него приглашеніе, спѣшили принести ему поздравленіе. Но вся эта оживленная толпа порой умолкала, когда одинъ изъ шаферовъ князя подымалъ кверху руку и читалъ нѣкоторыя изъ многихъ полученныхъ княземъ телеграммъ. Милостивыя слова этихъ телеграммъ покрывались дружными, долго несмолкавшими криками „ура" присутствующихъ. И при чтеніи этихъ телеграммъ, на лицѣ у князя появлялась едва замѣтная горделивая улыбка.

Невдалекѣ отъ князя и Тани, стоявшихъ рука объ руку, вскорѣ, послѣ пріѣзда ихъ, появились Павелъ Павловичъ и Любовь Сергѣевна. Любовь Сергѣевна, вопреки своей обычной торжественности и чопорности, съ которыми она не разлучалась при столкновеніяхъ съ людьми, выглядѣла ошеломленной и немного перепуганной. Но Любовь Сергѣевна боялась не столько за себя, сколько за Таню, потому что она острѣе чѣмъ когда-нибудь относилась сейчасъ къ каждому шагу и движенію дочери и не была увѣрена за нее.

Наоборотъ, Павелъ Павловичъ смотрѣлъ на все открытыми и ясными глазами. Въ противность женѣ, Павелъ Павловичъ чувствовалъ самоувѣренность и непринужденность. Онъ зналъ теперь съ несомнѣнностью и переживалъ всѣмъ

своимъ существомъ, что онъ, Одинцовъ, теперь уже не тотъ, какимъ онъ былъ еще недавно и даже всего вчера. Павелъ Павловичъ зналъ, что теперь онъ навѣрно приходится князю тестемъ, и что онъ причастенъ къ происходящему, ко всѣмъ этимъ поздравленіямъ, къ телеграммамъ, къ высокомилостивымъ словамъ, въ большей степени, чѣмъ кто-либо изъ присутствующихъ. Павелъ Павловичъ зналъ, что если среди присутствующихъ многіе и даже всѣ—больше, чѣмъ онъ, Одинцовъ, то это ровно ничего не мѣняетъ, потому что въ будущемъ онъ будетъ равенъ имъ, а можетъ быть—больше ихъ всѣхъ. И раззолоченный мундиръ какого-то сановника, грудь котораго была украшена лентою и звѣздой, и который только что принесъ свои поздравленія Танѣ и князю и подошелъ теперь къ нему, Павлу Павловичу, мундиръ этотъ, да и самъ сановникъ, вызвали на лицѣ у Одинцова улыбку, потому что онъ увидѣлъ въ сановникѣ, какъ въ зеркалѣ, самого себя, точно въ такомъ же мундирѣ и съ такою же лентой и звѣздой на груди.

И подошедшей вслѣдъ за сановникомъ княгинѣ Запольской Павелъ Павловичъ, въ отвѣтъ на привѣтствіе ея, поцѣловалъ руку не такъ, какъ цѣловалъ у ней руку прежде. Искренно, не глуша въ своей душѣ ничего, Павелъ Павловичъ не испыталъ передъ княгиней своего прежняго чувства припаданія и благоговѣнія, а княгиня посмотрѣла на него не тѣмъ взглядомъ, какимъ она смотрѣла на него всегда. Мало того, Павелъ Павловичъ тотчасъ забылъ о княгинѣ, тѣмъ болѣе, что онъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ взглянулъ на слишкомъ оживленныя и возбужденныя, по его мнѣнію, лица промелькнувшихъ мимо него, Анны Ивановны и ея подруги, Зиночки Муравлиной. Но онѣ быстро потерялись въ толпѣ.

Молодыя женщины весело болтали и, чтобы не разойтись, держали другъ друга за руки. Но Анна Ивановна, въ роскошномъ платьѣ, съ колье и брошью, подаренными ей

княземъ, не замѣчала болѣе въ Зиночкѣ Муравлиной полной обаянія женщины, въ которой такъ много недостающихъ ей самой качествъ. Наоборотъ, теперь Зиночка Муравлина, несмотря на всю свою дружбу къ Аннѣ Ивановнѣ, взглядывала на нее съ нескрываемой завистью. Платье на Аннѣ Ивановнѣ было значительно дороже, у ней вообще было много дорогихъ и даже лишнихъ нарядовъ и Анна Ивановна пользовалась огромнымъ успѣхомъ у мужчинъ, среди вновь появившихся у ней знакомыхъ. Молодыя женщины продолжали со смѣхомъ болтать, чувствуя, какъ на нихъ останавливаются взоры окружающихъ, когда Анна Ивановна вспомнила о Жоржѣ.

— Гдѣ же онъ? Когда мы пріѣхали, я сразу потеряла его изъ виду,—промолвила она, обращаясь къ своей подругѣ.

— Ха-ха-ха... неужели ты не замѣтила, что онъ стоитъ почти рядомъ съ Танею, среди своихъ новыхъ однополчанъ? Пойдемъ къ нему,—отвѣтила все примѣчавшая Зиночка.

Дѣйствительно, Жоржъ стоялъ въ кругу своихъ новыхъ полковыхъ товарищей. Стараніями князя Жоржъ былъ прикомандированъ къ одному изъ гвардейскихъ-кавалерійскихъ полковъ. Жоржъ вполголоса разговаривалъ со своими сослуживцами, со многими изъ которыхъ онъ успѣлъ сойтись на короткую дружескую ногу. Но, разговаривая, Жоржъ не терялъ изъ вида Тани и князя. Впрочемъ, князя онъ почти не замѣчалъ, а видѣлъ одну только Таню, которая, право, казалась ему какимъ-то божествомъ, ради котораго все вокругъ дѣлается и которому всѣ и князь, теперь братъ его, служатъ.

И единственно, что омрачало Жоржа, это обидное сознаніе, что, за недостаткомъ вакансій въ полку, онъ, пока что, только прикомандированъ и продолжаетъ носить свою прежнюю армейскую форму. Эта форма, въ которой еще недавно онъ такъ любилъ показываться на улицахъ и въ обществен-

ныхъ мѣстахъ, которой онъ такъ гордился, теперь стѣсняла его и онъ ее ненавидѣлъ, почти какъ какое-нибудь живое, нелюбимое существо. И онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ той минуты, когда онъ, наконецъ, ее сброситъ.

Неожиданно для Жоржа, князь обратился къ нему съ какими-то словами. Прервавъ свой разговоръ съ товарищами, Жоржъ, чуть не со всѣхъ ногъ, бросился впередъ. Но вслѣдъ затѣмъ онъ разобралъ, что князь только и сказалъ, что Таня устала и что они уходятъ. Жоржъ остановился и пропустилъ ихъ мимо себя.

— Княгиня! До свиданья! — прошепталъ онъ, сіяющими глазами провожая сестру.

— До свиданья, Жоржъ! Милый мой Жоржъ, — вполголоса отвѣтила ему молодая женщина и крѣпче оперлась на руку мужа.

Тѣ, кто видѣли, что князь и Таня ушли, поспѣшили къ выходу изъ зала. Но долго еще въ залѣ слышалось жужжаніе расходившихся, и долго отъ подъѣзда княжескаго особняка отъѣзжали коляски и автомобили.

Однѣми изъ послѣднихъ вышли изъ зала Вѣра и Надежда, княжны Запольскія. Онѣ все время жались къ одному изъ оконъ зала, откуда наблюдали за всѣмъ происходившимъ. Но хотя княжны были и незамѣтны и молчаливы, онѣ чувствовали себя въ самомъ центрѣ всей этой шумной суматохи и переживали ее всѣмъ своимъ существомъ. Наконецъ-то и онѣ вернулись въ тотъ золотой кругъ, изъ котораго онѣ такъ много лѣтъ назадъ ушли и который оставался жить только въ ихъ воспоминаніяхъ. Сколько старыхъ знакомыхъ лицъ встрѣтили княжны за этотъ вечеръ! Имъ казалось, что онѣ видятъ и безстрашнаго князя Уверскаго, и обворожительнаго барона Клота, и многихъ другихъ блестящихъ молодыхъ людей, фамиліи которыхъ, увы, онѣ уже позабыли. Княжны смотрѣли на все жадными глазами, затаивъ дыханіе. И онѣ тяжело вздохнули, когда къ нимъ

подошла Любовь Сергѣевна и заявила, что пора ѣхать домой, и вернула ихъ къ дѣйствительности.

Вскорѣ затѣмъ парадныя комнаты дома опустѣли, свѣтъ въ нихъ былъ убавленъ и только озабоченные, молчаливые, и безшумные лакеи торопились навести въ комнатахъ порядки къ слѣдующему дню.

Въ десять часовъ вечера этого же дня, въ купэ второго класса скораго поѣзда, отходившаго къ Границѣ, сидѣли Петръ Карповичъ и Николай Николаевичъ Кульневы. Когда среди станціоннаго шума и сутолоки раздался третій звонокъ, потомъ переливчатый свистокъ оберъ-кондуктора и ему отвѣтилъ густымъ голосомъ паровозъ, Петръ Карповичъ набожно перекрестился. Поѣздъ плавно отошелъ отъ платформы. Постепенно усиливая ходъ, онъ миновалъ пространство, освѣщенное станціонными фонарями, и храбро бросился навстрѣчу надвигавшейся ночи.

Петръ Карповичъ досталъ изъ бокового кармана пальто какой-то журналъ и развернулъ его. Но читать Петръ Карповичъ не могъ, потому что отъ вагонной тряски буквы въ глазахъ его прыгали и разбѣгались. Тогда Петръ Карповичъ попросту началъ перелистывать журналъ, какъ будто желая показать, что онъ нашелъ себѣ и взаправду занятіе. Но на самомъ дѣлѣ Петръ Карповичъ изрѣдка тайкомъ озабоченно взглядывалъ на своего племянника.

Тяжелое, полное тревоги время пережилъ Петръ Карповичъ съ того дня, какъ онъ вернулся изъ Лыкова въ Петербургъ. Душевное потрясеніе, которое пришлось испытать Николаю Николаевичу, было такъ глубоко, такъ отозвалось на его болѣзненномъ и утомленномъ организмѣ, что грозило самыми тяжелыми послѣдствіями. Выражалось оно въ полномъ равнодушіи Николая Николаевича къ окружающему. Для него все какъ-будто перестало существовать, потеряло

смыслъ и значеніе. Защита магистерской диссертаціи, наканунѣ которой онъ былъ, была имъ отложена. Ни къ чему ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ не могъ возбудить интереса Петръ Карповичъ въ молодомъ человѣкѣ. Тотъ видимо разувѣрился во всемъ. Петръ Карповичъ терялъ голову и приходилъ въ отчаяніе. Тайкомъ онъ совѣтовался съ докторами, но тѣ, не зная истинной причины душевнаго состоянія молодого человѣка, никакихъ совѣтовъ дать не могли. Единственно они рекомендовали перемѣнить обстановку и жизнь, то-есть попросту уѣхать изъ Петербурга. Но Петръ Карповичъ долго боялся заикнуться объ этомъ передъ своимъ племянникомъ.

Велико было поэтому удивленіе и радость старика, когда нѣсколько дней назадъ Николай Николаевичъ неожиданно предложилъ ему уѣхать на время за границу. Петръ Карповичъ былъ доволенъ услышать первое желаніе молодого человѣка, и съ этой минуты началъ вѣрить, что больная душа того оживетъ, что новая обстановка, новыя лица и время дадутъ ему въ концѣ концовъ миръ и покой. Петръ Карповичъ захлопоталъ, собрался съ деньгами и въ нѣсколько дней все приготовилъ къ продолжительному отъѣзду изъ Петербурга, поручивъ заботу о своемъ небольшомъ имуществѣ вѣрной слугѣ своей, старой Аксиньюшкѣ.

— А что, Николенька, не пора ли намъ и на боковую?— предложилъ Петръ Карповичъ племяннику, когда поѣздъ со свистомъ и грохотомъ промчался мимо первой отъ Петербурга большой станціи.

— Ложитесь, дядюшка, я еще не хочу, — отвѣтилъ Николай Николаевичъ, на минуту отрываясь отъ окна, въ которое онъ смотрѣлъ. Петръ Карповичъ, привыкнувшій въ этотъ часъ спать, не торопясь снялъ съ себя платье, легъ на скамью и, подложивъ подъ голову подушку, покрылся пледомъ. Онъ думалъ полежать, свернувшись калачикомъ, да подождать, пока ляжетъ племянникъ, но черезъ нѣ-

сколько минутъ, самъ того не ожидая, онъ уснулъ крѣпкимъ сномъ.

А Николай Николаевичъ долго еще сидѣлъ, глядя на мелькавшіе за окномъ вагона предметы. И на фонѣ бѣлой, покрытой снѣгомъ земли, казались они ему фантастическими видѣніями, хитро сплетенными между собой, такими же сумбурными, какими были налетавшія къ нему отовсюду мысли, цѣлые рои ихъ, въ которыхъ онъ съ трудомъ и мученіемъ разбирался. Лица смѣнялись передъ нимъ лицами, бывшее сплеталось съ вымысломъ, но ничто не будило въ немъ ни свѣтлыхъ чувствъ, ни надеждъ на будущее. Все представлялось ему чуждымъ и чернымъ, какъ черна была окутавшая землю ночь. Людскія желанія представлялись ему напрасными, людскія стремленія рисовались, какъ безразсудный бѣгъ, въ которомъ всѣ другъ друга давятъ, спотыкаются, падаютъ, подымаются и опять бѣгутъ, а добѣжать все-таки не могутъ и не смогутъ.

Но потому, что Николай Николаевичъ разбирался въ прошломъ — онъ неизбѣжно долженъ былъ посмотрѣть въ будущее. И если прошлое было для него — ночь, то кто знаетъ будущее? Послѣ ночи наступаетъ разсвѣтъ и сіяніе дня. И свѣтъ, изгоняя тьму, побѣждаетъ!

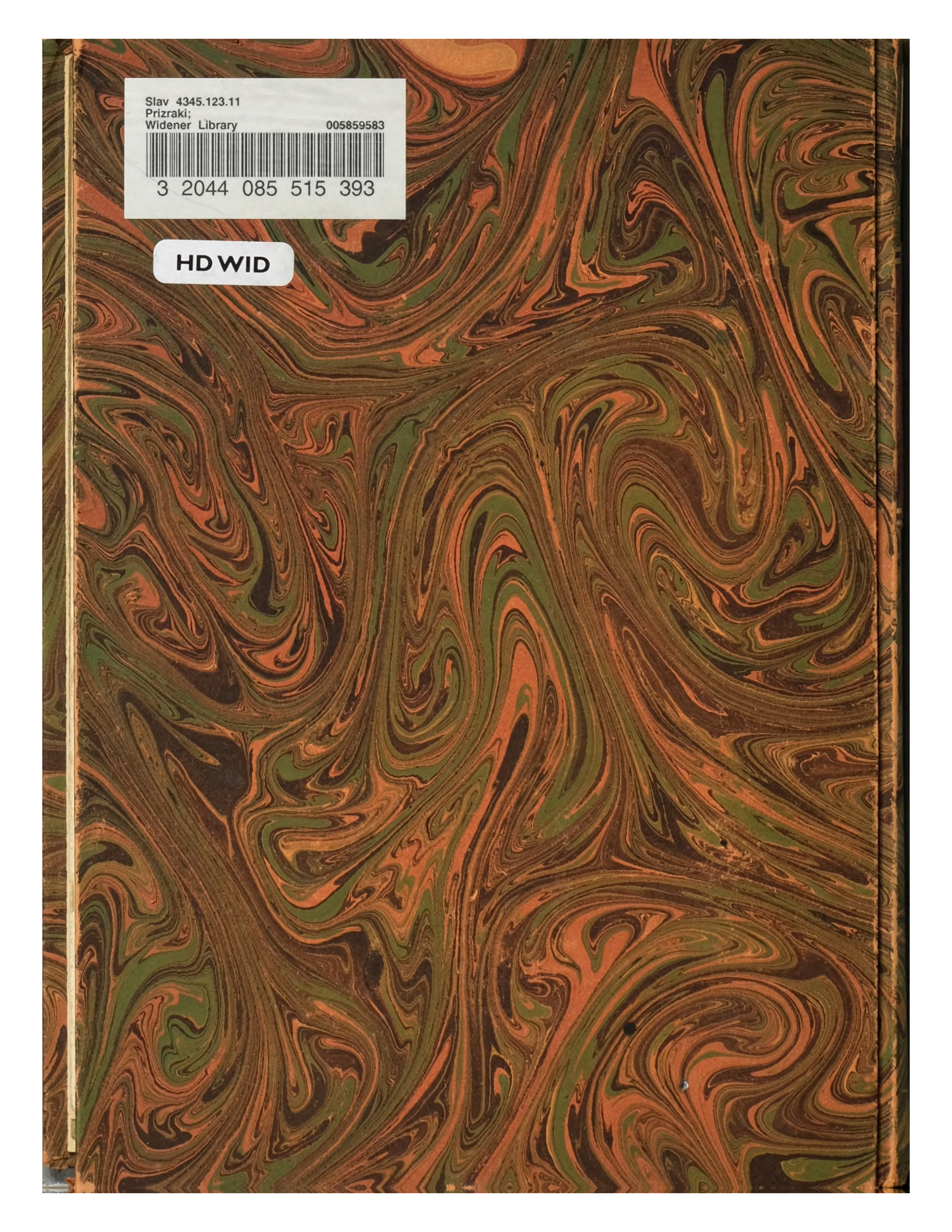
КОНЕЦЪ.

Цѣна 1 р. 50 к.

Складъ изданія:

С.-Петербургъ, Колпинская ул., д. 27, кв. 3.

Тип. «Энергія», Спб.

Slav 4345.123.11
Prizraki;
Widener Library
005859583
3 2044 085 515 393
HD WID